

Камал Абдулла

НЕПОЛНАЯ РУКОПИСЬ

Роман

2006

Перевод с азербайджанского
ВАГИФА ИБРАГИМОГЛУ

МАГИЯ СЛОВ: ПОЛНОТА НЕПОЛНОГО

Вдумчивый читатель не заплутает в представленном тексте. Всяческие предварительные комментарии претендуют на статус некоего научного введения, мы же далеки от подобных притязаний.

*Камал Абдулла.
Неполная рукопись.
Роман*

А10 **Абдулла Камал**
Неполная рукопись. Роман. М.: Издательский дом «Хроникер». Серия «Мир современной прозы», 2006. — 256 с.

ISBN 5-901238-35-4

Исторический роман одного из самых интересных азербайджанских писателей. Блистательное и яркое прочтение переломного момента в жизни древнего Азербайджана и новая трактовка обстоятельств возникновения классического эпоса «Китаби Деде Горгуд».

© Абдулла К., 2006
© Ибрагимоглу В., перевод, 2006
© Муратов С., оформление, 2006
© Издательский дом «Хроникер», 2006

ISBN 5-901238-35-4

По примеру уважаемого Камала Абдуллы, да продлит Аллах его дни, полные трудов, мы тоже не станем претендовать на ученость предисловия. Тем более что поколения филологов, тюркологов и фольклористов уже написали горы научных работ и прокомментировали сказания огузов, рожденные в пору, когда этот народ еще не объявился в южно-русских степях и в Византию еще не вторгся, ведомый сельджуками. А передал нам эти сказания неутомимый Горгуд, которого в России принято называть Коркудом и книги которого — «Китаби Деде Горгуд» — давно вошли в мировую сокровищницу культуры.

Сокровищница эта соблазнительна для мастеров прозы не менее, чем для ученых-литературоведов, и роман современного азербайджанского писателя Камала Абдуллы — блестящее тому подтверждение. Читатель, прошедший огни, воды и медные трубы XX века, найдет в этой книге материал для вполне злободневных раздумий.

Ловят шпиона. Ищут свидетелей. Сличают показания, иногда выбитые, иногда добытые хитростью. Устраивают очные

ставки. Перечисляют виды казней: четвертовать, изрубить на куски, снести башку одним ударом, сбросить в пропасть вниз головой. Появление кнутабойцев из пыточной чередуется с хитроумными диалогами, где слова могут означать не совсем то или совсем не то, что имеется в виду, и уж абсолютно не то, что имеется в реальности.

«Бывает ли звук от одной ладони?» — «Бывает, господин мой, почему не бывает?» — «И какой же звук издает одна ладонь?» — «Одна ладонь издает звук тишины, мой господин». Восток — дело тонкое.

С толстого Запада прибывает посольство. «Из далекой страны, чей главный город, говорят, выстроен среди вод». Венеция, что ли? — соображаю про себя, ища вторую ладонь.

Венеды от Аттилы уже бежали или еще нет? «Почтенный посол, сколько времени, говорите, были вы в пути?» — «Больше года, повелитель. Надо учитывать огромное число разбойников на больших дорогах». Господи, уж не Россия ли матушка? И город посреди вод — не Питер ли? Но беру себя за шиворот: до основания Питера — еще тысяча лет.

Возвращаюсь на тысячу лет назад. Где шпион? Как только подозрение падает на очередного царедворца, является старуха по кличке Брюхатая и заявляет, что это ее сын. А поскольку в молодости она сумела переспать со всем двором и сыновей у нее много, то поди теперь проверь... Соскоб надо делать! — опять вскидывается во мне современный биокриминалист. «Это все парфюмерия, — улыбается дед Горгуд. — А суть...»

А суть у деда — под семью покровами. «Тайна в тайну заключена и тайной укрыта». И не вспоминайте Черчилля, который сказал нечто сходное тысячу лет спустя о стране, которой дед Горгуд знать не может. Но знает другое: «Мы никого не обманываем. Внутренняя скрытая сущность для большинства людей не имеет никакого значения, для них все дело во внешней сущности».

Внешняя сущность — это, в частности, все официальные знаки отличия, все регалии, которые слетают с человека от одного богатырского удара сабли. Или от умелого подлога. Или от собственного желания человека уйти от своей роли. Человек исчезает, а роль остается. Правитель подменяет себя двойником. Одна из проникновеннейших сцен романа Камала Абдуллы, да сделаю я жертвой его художественного воображения: «Справишься, еще как справишься!» приговаривает шах (Шах Исмаил ибн Гейдар ибн Джунейд Сефевид, имеющий за собой десятиколенное родословие) и тайно передает власть безвестному засекреченному преемнику...

В моей неотсеченной читательской башке бьется мысль о президентских сроках Буша-младшего (или старшего), путается с мыслью о двойниках Саддама (или их не было?), но дело тоньше: что шах, что холоп — это в сущности одно и то же, ибо есть невидимая сущность и есть видимая оболочка — батин и закир, да поможет нам древняя арабская мудрость избежать дурацких аналогий с современностью.

Как?! Значит, шпионом может оказаться кто угодно? Именно. Не важно, кто. Шпион может быть назначен. Ловля шпиона и расправа над ним — хитроумная операция, задуманная самим шахом, она должна сплотить огузов и спасти народ от смуты...

Эдак на роль шпиона можно найти и добровольца. Как это предположил — тысячу лет спустя — Артур Кестлер в «Спящей тьме»: Бухарин добровольно берет на себя роль врага народа, чтобы облегчить родной партии дело сплочения...

Сгинь, несчастный! Возвращаемся к шейхам, мюридам, дервишам и нукерам, описанным в книгах деда Горгуда, да оградит Аллах память его от наших страстей. Дед же предупредил: «Все, о чем скажешь, о чем подумаешь, может сбыться в этом бренном мире». Слово опасно, тут нужна осторожность. Магия слов — художественная аура Камала Абдуллы, его героя деда Горгуда, и в свою очередь, героев деда, знающих, что наведенное слово — реальность, а удачно найденное слово — спасение от реальности. «Скажи, разве виноградный сок не есть то же самое, что и вино? Это и есть вино, только через три месяца брожения. Какая разница, как его назвать?»

Дед делает вид, что слушает, а сам созерцает скрытый смысл слов. И шах делает вид, что слушает. Так и беседуют. С той «косметической» разницей, что собеседник шаха время от времени падает ниц и видит ноги его. А потом делает в своей рукописи (будущей «Китаби Деде Горгуд») ремарки вроде такой: «Когда он молча сучит пальцами, это значит, разгневан».

Тонко дед, однако.

Современный читатель, получающий его сказания из рук Камала Абдуллы, натывается на мысли, пробуждающие активный встречный отклик. От бесспорного: «Уважение к дому своему — главное условие выживания в наши трудные времена. Как можно ожидать уважения со стороны других, если сам ты не уважаешь себя и свой дом?» — до спорного (во всяком случае, для нас, русских, заикливых на том, что во всем всегда виновата власть): «Кого он интересуется, этот несчастный шпион? Все дело в нас самих».

Самое ценное в этом художественном эксперименте — непрерывное мерцание параллельных миров. В мире шаха — свой

Горгуд, а в мире Горгуда — совсем другой шах, хотя они сидят и беседуют, один — прищурясь мимо собеседника, а другой — склонившись над свитком и высматривая, не сучит ли тот пальцами ног.

Что мир мюридов просвечен сегодняшней проблематикой и так он делается для нас вменяем, это понятно. Но почему мир современного человека должен быть переоформлен в мир мюридов? Чтобы стать вменяемым? Это, я думаю, главный вопрос, возникающий (у меня) при чтении романа Камала Абдуллы. И ответ на него есть.

Вдумаемся в название романа. И в предисловие к нему.

«Неполная рукопись», да еще и №А-21/733.

Пятизначный шифр, извлеченный из каталога 3-го сектора в отделе некоего грандиозного института и прикрепленный к средневековой легенде, может показаться юмористической подначкой. Но только до третьего абзаца повести. В третьем абзаце в качестве места для публикации запроса о происхождении рукописи названа «525-я газета».

Не знаю, сколько газет должно выходить в городе масштаба Баку, чтобы появилось такое название, но ясно вижу, что магия больших чисел входит в художественное условие романа.

Мир смутен, огромен, непостижим, невменяем. Все тонет в месиве утверждений, опровержений, достоверностей, мнимостей, фактов и антифактов, истинных и ложных сведений. Сверить варианты рукописи невозможно, приходится верить «пожелтевшим листам бумаги», понимая, что написанное там давно потеряло с реальностью внешнюю связь, а связь внутренняя все равно до конца непостижима. Того общества, которое породило эти сказания, давно нет...

Мгновенная аллюзия: а есть ли теперь то, что мы привычно называем обществом? Или это такой же мираж, как ставшая легендой древность? Да и что такое «древность» на тонущей в небытии шкале времени? Вы можете знать, кто древнее: Гомер или какой-нибудь безвестный певец огузов? Полифем или Тегегез? Одиссей или Бейрек? Агамемнон или Салур Газзан?

Какая, собственно, разница, подлинна ли рукопись деда Горгуда или поддельна? Все равно мираж. Может, пропуски в тексте случайны, а может, это намеренная путаница, чтобы спрятать концы. Ведь не может же быть так, чтобы огромное сказание без искажений передавалось из уст в уста, от певца певцу: никакая человеческая память этого не выдержит. Значит, один певец прячется в другом. Сквозь одну тайну проглядывает другая. Мусульманские письма опасливо прячутся за христианскими, словно ожидая своего часа...

...Так что пропуски в рукописи и «дыры» в сюжете могут не только обеспечить необходимые в повествовании «петли» и «стоп-кадры», они могут иметь и мистический смысл, который необязательно соотносить с исторической истиной. Ибо ее нет. Ни тогда, ни теперь. Есть лишь танец канатоходцев на натянутых струнах Божьего инструмента. «Если Творец знал, чего Он хочет, и независимо от внешних форм этого знания переслал это в мой мозг, то мое дело...»

Кто это говорит? Дед Горгуд? Или современный романист, воскрешающий деда при помощи монтажа фрагментов его рукописи? Или любой из героев потусторонней уже старины, пропущенной сначала через святую наивность деда, а потом через скептическое отчаяние современного человека, довольствующегося «полнотой неполного»?

Ну а раз все это так, то оба они: и средневековый книжник, и современный романист — могут с полным правом сказать: «...Мое дело маленькое». И отдаться пению.

«Горгуд, где твой гопуз?» — И рука тянется к перу, перо к бумаге, минута, и стихи свободно потекут...

А что такое гопуз? — успевайте вы спросить.

Автор (виртуозно переведенный на русский язык своим же соотечественником, Вагифом Ибрагимоглу) охотно задерживается для объяснения в сноске: «Гопуз (тюрк.) — двухструнный смычковый инструмент, высоко натянутые струны которого при нажатии на них не достают грифа и издают звук свистящего оттенка».

Хорошо сказано. Там, где не удастся зафиксировать вольные струны на ладах внешней достоверности, — возникает в мелодии оттенок свиста, в который с тревогой вслушивается закрученный в путанице шифров и кодов человек XXI века.

Лев АННИНСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ, ИЛИ ПОЛНОТА НЕПОЛНОГО

Зарегистрированная согласно каталогу 3-го сектора отдела средних веков Национального рукописного института (фонда) под номером А-21/733 новая рукопись заинтересовала меня прежде всего тем, что, по словам сотрудницы библиотеки, раритеты подобного типа, как правило, бывают предельно ясными по содержанию и, так сказать, прозрачными в смысле исторического фона и потому мало кто обращает на них особое внимание. Почувствовав мое удивление, женщина принялась терпеливо объяснять: «Дело в том, что эта рукопись ничем не отличается от прочих. Правда, текст ее пока еще досконально не изучен, но предполагается, что она относится к XII веку. В ней содержатся сведения о достаточно хорошо известном исторической общественности факте землетрясения в Гяндже. Язык и стиль изложения автора ясны, незамысловаты, просты для понимания. Однако... при всем при том есть и одно «но». А заключается оно в том, что рукопись эта неполная: в ней отсутствуют начало и конец. Вполне возможно, что рукопись пострадала во время землетрясения, допускаем, что она не раз переходила из рук в руки, горела в пожарах, погребалась в завалах... словом, нынешнее ее состояние оставляет желать лучшего — читать ее не очень-то легко. Кроме того, некоторые страницы рукописи вырваны с корнем, многие оборваны посередине, часть отсутствует вовсе, на иных же видны следы огня. Она вам будет неинтересна».

Мы миновали ряды книжных шкафов, на пропыленных полках которых вперемишку громоздилась уйма старых и новых рукописей, и, уже спускаясь по мраморным ступеням к выходу, я вновь повторил свой вопрос, но ответ получил тот же: «Она вам будет неинтересна».

Сотрудница шла впереди, однако, словно почувствовав на моем лице выражение удивления, без видимой охоты продолжила:

— Эта рукопись — одно из последних поступлений фонда, недавно кто-то оставил ее на столе дежурного и ушел, не представившись. Мы сразу же дали объявление в «525-ю газету»: мол, отзовитесь, мы же должны знать, кто вы, чем занимаетесь, где обнаружили эту рукопись, за которую вам, кстати, полагается вознаграждение; вы же знаете, нашедшему древнюю рукопись и сдавшему ее в фонд выплачивается денежная премия, короче, от автора находки до сих пор ни слуху ни духу. А дежурный... он и есть дежурный, с него спрос невелик — ничего не помнит.

— Можно ли увидеть эту рукопись? — повторил я свой вопрос.

— Ну, если настаиваете, отчего же нельзя? Конечно, можно. Просто она сейчас находится на последней стадии реставрации. На самом деле, так мне кажется, рукопись представляет собой в некотором роде детализацию описания происшедшего в Гяндже землетрясения. — Сотрудница, помолчав немного, снова преодолевая какое-то внутреннее сопротивление, продолжила: — Некоторые считают, будто бы детали землетрясения в Гяндже, как узоры орнамента, нанесены позднее и скрыли под собой нечто совсем иное... Что вы об этом думаете?

Признаюсь, последний вопрос показался мне довольно странным. Как это: «Что вы об этом думаете?» Предпочтя молчание, я ничего не ответил. Однако вопрос своей странностью запомнился.

Прошло еще несколько дней. Некая сила снова привела меня в рукописный фонд. На сей раз цель посещения была ясной и четкой. Для ее реализации я нуждался в конкретной помощи. Мне было известно, что у древних рукописей бывают свои графические секреты. Адекватно прочесть их даже для человека, в совершенстве изучившего арабскую письменность, задача, можно сказать, неразрешимая.

...Она была худенькой невзрачной девушкой. По выражению ее лица было видно, что особого желания помогать мне она не испытывает, как это бывает с теми, кого подключают к работе против их желания. Моя просьба к господину директору, его ответные слова «безусловно, приходи в любое удобное для тебя время, дам в помощь опытного человека, пусть прочтет...» никак не вязались с немым протестом этой девушки. И вот, глядя на нее, и я без особого воодушевления приступил к работе.

Для начала нам выделили комнатку. Девушка, как оказалось, востоковед по образованию, заполнила бланк заказа. Рукопись № А-21/733 была выдана нам в картонной коробке. Страницы ее полностью соответствовали виду подлинно старых манускриптов: они давно потеряли свой первоначальный блеск, были желтыми и пожухшими. В некоторых местах листы и вправду были разорваны, на некоторых явственно проглядывали следы огня. Не обращая на меня ни малейшего внимания, эта невзрачная девушка с застывшим на лице выражением немого недовольства, не теряя времени, сразу же приступила к работе и — как вы думаете? — за три дня прочла весь текст! Причем не только прочла, но и абсолютно неожиданно для меня предложила: «Если хотите, могу перевести для вас текст на латинскую графику и представить... через три-четыре дня». Чего еще мне оставалось желать?

Наконец, в назначенный срок я остался наедине с перепечатанной латинскими буквами рукописью. Честно говоря, сам я не смог до конца присутствовать при ее чтении и, когда на мое «благодарю» после получения аккуратных страниц на латинице услышал от девушки в ответ невразумительное бормотание, воспринял это как скрытый укор. Она же, неожиданно резко обернувшись, четко произнесла следующее: «Если вас интересует землетрясение в Гяндже, будете разочарованы, об этом здесь ничего нет, тема рукописи совсем другая». Не ожидая ответа, она отвернулась и, постукивая каблучками по выложенному метлахом полу, удалилась быстрыми шагами.

Комнатка теперь принадлежала мне одному. Так было оговорено заранее. Знакомиться с текстом я должен был именно здесь, и все это время «Неполная Рукопись» должна была оставаться у меня, точнее, в этой комнатке, потому

что предполагалась также и возможная сверка текстов. Впоследствии, когда, изучая текст, мне приходилось брать в руки пожелтевшие листы бумаги, которые уже трудно было назвать страницами, я видел в них как бы живых свидетелей прочитанного.

«Это совсем другая тема...» Почему она так сказала?..

Поначалу мне казалось, что я стою на пороге открытий, связанных с историей Гянджи, пусть не столь уж важных (в том смысле, что подобных таким общеизвестным фактам, как, например, нападение на город и его разграбление грузинскими вооруженными силами сразу же после землетрясения), но все же новых исторических знаний. Может быть, научные сотрудники института, да взяв хоть эту самую девушку-востоковеда, считают, что я перехватил у них тему для интересной диссертации?! Причислили меня к своим соперникам?! Ведь как бы там ни было, я для них человек со стороны. Эти и подобные им раздумья, признаюсь, лишали меня покоя.

Продолжая постоянно размышлять над словами девушки-востоковеда, я на какой-то миг уверовал в то, что стою перед входом в некую тайну. В такие мгновения меня начало одолевать какое-то странное волнение. Но я тотчас же старался взять себя в руки и успокоиться: ничего страшного, говорил я себе, пройдет немного времени, и они увидят, что мною движет простая любознательность, не имеющая никакого отношения к их научным интересам. Ознакомлюсь, да и верну рукопись, своих дел невпроворот... Я же не историк, не писатель и не сейсмолог, в конце концов. В таком случае, кто же я?! Господи, ну почему я так жаден до всяких тайн?!

Предостережение сотрудницы хранилища полностью оправдалось. Сейчас, как бы ни старался сдержать волнение, мурашки, волной пробегающие по телу (а беспричинное появление мурашек всегда извещало меня о приближении неких очень важных по сути событий), давали понять, что я не в силах сделать этого. С перерывами на отдых за три дня я три раза перечитал рукопись. После первого прочтения, не принимая во внимание лакуны, связанные с повреждениями, содержание текста в самых общих чертах стало мне ясно. Для чего написана, какова цель и даже самый главный вопрос: кто автор? Кому принадлежит эта рукопись? Все это

выяснилось сразу же после первого прочтения. Второе прочтение высветило другие темные места рукописи. К слову, было их немало, и в основном связаны они были с уровнями содержания. Таким образом, после второго прочтения неясностей в тексте для меня практически не осталось.

Третье чтение понадобилось больше всего и скорее всего для утоления жажды духовного наслаждения. Звучит несколько выпендренно, но это так. Я в очередной раз убедился в величии автора, в масштабах его личности, немало сделавшей во имя древнего и великого общества, и потому не было предела моему изумлению и преклонению пред ним. Лишь одно вызывало искреннее сожаление. Этого общества уже не было. Оно осталось где-то там, в далекой и недостижимой древности. Не знаю, можно ли в этом случае употреблять выражение «оно исчезло»? Однако истина заключается в том, и отрицать это весьма трудно, что между этой древностью и нашими днями связей ничтожно мало.

С девушкой-востоковедом мы столкнулись в коридоре, можно сказать, на бегу. Одна проблема все еще оставалась для меня нерешенной. Как оказалось, представленный ею неполный текст являлся частью более крупного текста, был как бы вплетен в него. Из-за этого разнородные тексты перемешались между собой. Не будь этого, нашу неполную рукопись можно было бы идентифицировать с первого взгляда. Но этого не произошло. Всех вводило в заблуждение начало рукописи. Девушка и на этот раз без видимой охоты объяснила, что начало текста действительно повествует о землетрясении в Гяндже, точнее, указывает на него, а потом события, известные всем, по крайней мере, ученому люду, вдруг, но как-то несуетно, почти беззвучно преодолевают границы одного повествования и перетекают в другое — первое и основное содержание нашей рукописи. После двух или трех нечитаемых страниц с полуфразы рукопись начинает свое собственное существование: «...дня Байандур-хан снова призвал меня к себе, и я, поспешая на зов, в полдень поспел в Гюнортадж — обитель хана, благочинно поклонился и пожелал ему мира». Эта фраза была вторым предложением рукописи.

Предыдущая же запись относилась к землетрясению в Гяндже и, как ни странно, тоже была незавершенной: «Уз-

рев, каким мукам подвергается многострадальное население Гянджи после землетрясения, именитые горожане вечером того же...»

Вот так, не завершившись одна, начиналась совершенно другая тема. Была ли какая-то цель в том, чтобы скрыть внутри, под поверхностью событий, связанных с землетрясением в Гяндже, текст «Неполной Рукописи» именно таким способом?! Думал я над этим довольно долго. Безрезультатно. «В конце концов, это не наше дело. Мы постараемся пойти за событиями, на след которых уже напали», — решил я, надеясь таким образом определиться с направлением поисков. Чего я достиг, сейчас увидите сами.

В первую очередь должен сказать, что основное содержание нашей «Неполной Рукописи» изложено от первого лица. По сути, эту часть рукописи можно назвать «Заметки» или даже «Свидетельства». Потому что в этой части невозможно не увидеть подготовительную работу в виде предварительных заметок, намечаемых для использования при написании в будущем большего дастана*. Наверняка вы уже догадались. Конечно же речь идет о древнем памятнике нашей культуры — дастане «Китаби Деде Горгуд»**. Второго такого эпического дастана, столь же достоверно отражающего древнюю историю нации, ее образ жизни, корни мук и радостей народа, мы не имеем, и это, к сожалению, научный факт. В зачине этого произведения сам его автор — Деде Горгуд характеризуется как подлинный пророк мира огузов***. Смысловые ответвления состоящего из двенадцати частей величественного произведения нисходят в более древние времена. Наличие в памятнике сюжетов, называемых специалистами «бродячими», позволяет говорить о проекции целого ряда событий, известных по поэмам Гомера, на мировидение огузов. Кто из героев принадлежит более древним временам — Полифем или Тепегез? Одиссей или Бейрек? Агамемнон или Салур Газзан? Пенелопа или Банучичек? Известные ученые

* Дастан — литературный жанр в рамках мифоэпического творчества.

** «Китаби Деде Горгуд» — арабизированная форма названия общего для ряда тюркоязычных народов эпоса «Книга Отца Горгуда».

*** Огузы — древнетюркское родоплеменное объединение, этнические предки нынешних азербайджанцев. (Здесь и далее примечания переводчика.)

XIX века, в том числе немецкий романтик фон Диц, турецкий языковед, легендарный Хатибоглу, российский востоковед, могучий Казым-бек не раз ставили в своих исследованиях эти и подобные им вопросы. Сегодня эти вопросы потеряли свою остроту: на них можно отвечать, можно и не отвечать. Главное все-таки заключается в том, что, если озвученные здесь имена героев различных сказаний могут стоять в одном ряду, если заставляют нас задуматься, вызывая в памяти один другого, пресловутый ответ уже дан сам по себе и нет никакой надобности в поисках определения «кто древнее». Дастан по сути своей есть страницы жизни древнего огузского общества — возникшего и существовавшего в мифологические времена государственного образования, опирающегося на суверенную систему общественно-политических отношений, пребывающего в мире и вражде с соседями, утвердившего крепкую внутреннюю дисциплину, положившего принципы справедливости в основу своего образа жизни, подвергавшегося набегам и совершающего набег. Огузское общество, без всякого сомнения, имеет свое место в истории человечества, но вот в трудах историков, к сожалению, достойного освещения оно до сих пор не обрело. Думать и высказываться так — не слишком далеко от истины.

Подобно древним хазарам, древним египтянам, древним армянам, древним грекам, исчезнувшим с лица земли, оставив после себя лишь имена и разновеликие деяния, древние огузы также создали достойную внимания культуру. «Китаби Деде Горгуд» и есть ярчайшее художественное отражение огузской культуры.

И вот теперь еще эта рукопись! Заметки и свидетельства, записанные как подготовительный материал для создания большого памятника — дастана. Схематизированные зарисовки каждого события, каждого персонажа, полнокровно изображенных впоследствии в тексте дастана. Сверяя тексты всем известного академического издания дастана и «Неполной Рукописи», порой обнаруживаем очень даже значительные различия, зачастую весьма неожиданные. Как, например, различие между Бейреком из дастана и Бейреком из «Неполной Рукописи». Как изображение совершенно иных, невероятных взаимоотношений между Бурла Хатун и Салур Газза-

ном. Как раскрытие истинной причины противостояния между Арруз Годжа и Салур Газзаном. Все это конечно же, как говорится, имеет место. Однако бесспорно и то, что, являясь единственным автором и текста дастана, и текста «Неполной Рукописи» с ее заметками и свидетельствами, Деде Горгуд выполнял очень серьезную, сложную творческую и, я бы даже сказал, политическую миссию. «В действительности было так!» — утверждает «Неполная Рукопись». «Однако грядущие поколения должны прочувствовать и воспринять былое не так, а именно вот так!» — говорит текст дастана.

Здесь может возникнуть логичный вопрос: почему автор, завершив работу над дастаном, не уничтожил черновой материал, зафиксированный в «Неполной Рукописи»? Кто знает, может, такие попытки и предпринимались. Ведь таковы требования элементарной логики. Ознакомившись с заметками, многие могут прийти в замешательство от разительных отличий между ними и текстом дастана. Кто знает, может, кто-то хотел спрятать заметки в «Неполной Рукописи», а ее самое замаскировать в тексте другого манускрипта, свидетельствующего о большом землетрясении в Гяндже?! Трудно здесь утверждать что-либо категорично. Но одно я чувствую более или менее точно: какую-то из этих рукописей (текст дастана или «Неполную Рукопись») автор непременно должен был уничтожить. Скорее всего, должна была быть обречена на уничтожение «Неполная Рукопись». Этого не произошло. Неисповедимость Высшего промысла?! Именно что неисповедимость!

Многие умы может занимать и такой вопрос: как это получается, что человеческая память без всякой особой подготовки способна вобрать в себя до последней строчки объемные дастаны, такие как, например, «Илиада», «Одиссея», «Китаби Деде Горгуд», и, не искажая текст, изустно передавать его будущему? В ответ приводятся всевозможные научно обоснованные доводы. Однако какой бы важной ни была проблема запоминания и передачи литературного памятника, не менее важной и существенной представляется и другая сторона проблемы. Имеется в виду принцип записи текста сказания. Ясно, что любому тексту предшествуют определенные заметки-заготовки. Их принято называть продуктами писательской лаборатории. Неполная рукопись

№ А-21/733 также испещрена в основном заметками автора — теперь уже можно сказать уверенно — народного мудреца Деде Горгуда, сделанными все с той же целью. Может быть, эти заметки для большей верности стоило бы назвать свидетельствами. Почему бы и нет?! Что меняется? Возможно, правы были те, кто сомневался (вспомним русского академика Фоменко и его группу) в безграничных возможностях человеческой памяти Озана*: шамана, поэта. Во всяком случае, наша «Неполная Рукопись» неоспоримо свидетельствует о том, что ее автор со всей серьезностью, день за днем, час за часом записывая на бумаге события, свидетелем которых он был, готовился к некоему ответственному для себя экзамену. Исходя из стиля его заметок-свидетельств, можно утверждать: это была подготовительная работа для написания известного нам величественного дастана. Отдельные наброски, эскизы, выражения и даже слова, в некоторых случаях — размышления о стилистике будущего произведения впоследствии, в этом мы можем убедиться сами, в той или иной форме были воссозданы в дастане. А если точнее, то все наоборот. Сегодня мы уже точно знаем, что первоисточник воспроизведенных в дастане изображений ландшафта, стилевых хитросплетений, речевых характеристик и многого другого расположен именно в массиве подготовительных заметок.

Один мудрый человек как-то сказал, что Деде Горгуд еще вернется к нам, неизвестно как, но непременно вернется. Другой мудрец заявил, что рукописи не горят, что они выйдут из огня-пламени целыми и невредимыми.

Чуть выше мы употребили выражение «первое основное содержание рукописи». Почему? А что же представляет собой второе, о чем оно? Естественно, то, что мы подразумеваем под вторым, или параллельным, содержанием никоим образом не связано с вышеуказанным землетрясением в Гяндже. Так в чем же дело? Сквозь одну тайну проглядывает другая. Вчитываясь в рукопись, обнаруживаешь, что воспринимаемый как заметки Деде Горгуда основной текст местами словно бы расчленяется и раздвигается, а из образовавшихся пустот

---

* Озан — древнетюркский автор и исполнитель ритуальных песнопений; предтеча современных ашуггов — певцов-импровизаторов, сопровождающих пение на сазе, струнном щипковом инструменте.

возникает совершенно иное, невероятное на первый взгляд содержание. Первый отрывок подобного рода не дает никакой информации о своей принадлежности — возникает даже некое странное чувство, сходное с сомнением в идентичности текста: неужели это он? А потом уже никакого сомнения не остается.

Второе, определенное нами как параллельное, содержание связано с повелителем Азербайджана и Ирана, прославившимся под именем шах Исмаил Хатайи*, и посвящено завершающей точке или же определенному отрезку его жизни. И вот здесь содержатся уж совсем уму непостижимые сведения, что производит впечатление больше литературного мифа, нежели исторического сказания. Деде Горгуд — шах Исмаил. Шах Исмаил — Деде Горгуд. Сразу же следует отметить, что обе эти темы представлены далеко не симметрично — часть рукописи, связанная с Деде Горгудом, по своему объему гораздо больше. «Говорящие» каждая на своем языке части, тем не менее, весьма четко отслеживают друг друга, дополняя и, в определенном смысле, завершая одна другую. Шах Исмаил, Леле, везир, Таджлу ханум, Хыззыр... они уносят читателя совершенно в иной мир и, по крайней мере, сотрясают основания привычных представлений. И тут возникает один из, возможно, самых главных вопросов. Почему эта рукопись, и без того столь замысловато обрамленная «землетрясением в Гяндже», вдобавок раздваивается, или это две разные рукописи проникают друг в друга по принципу гребня? Почему? Во имя чего? Какая из них предназначена для сокрытия другой?

Что-то внутри меня до сих пор ноет и это чувство связано больше, признаюсь, с заметками Деде Горгуда, нежели с повествованиями о шахе Исмаиле. Не совершаю ли я греховное деяние, касаясь непорочной тайны этих заметок? Оправдано ли само раскрытие тайны? Вопросы эти возникают еще и потому, что в действительности заметки построены на расследовании, раскрытии одной достаточно деликатной проблемы. Точнее сказать: рассыпанные по всему тексту, эти заметки сопутствуют основной теме. А сама тема представляет

---

* Хатайи — поэтический псевдоним шаха Исмаила I из тюркской династии Сефевидов.

собой не что иное, как, говоря современным языком, самый настоящий следственный процесс. Иными словами: перед нами раскрываются этапы следственного процесса, проводимого Верховным ханом — Ханлар-ханом древнего государства огузов, достославным Байандур-ханом, детективного расследования, где роль, говоря современным языком, секретаря отведена... Деде Горгуду! Прочитав эти отрывки, вы обнаружите, что и «следователи», и «подследственные» являются в действительности основными и второстепенными героями написанного впоследствии дастана. Увидите, что главные персонажи дастана в «Неполной Рукописи» представлены эпизодическими лицами и, напротив, главные фигуры «Неполной Рукописи» в дастане существуют на втором, а то и третьем плане повествования. В сущности, сам ход этого расследования бросает свет на целый ряд темных мест в тексте дастана, и, не имея сил удержаться, забегаая вперед, здесь подчеркнем, что основная причина вражды между доминирующими родственными племенами, составляющими костяк родоплеменного союза огузов — ич и дыш*, скрытые истоки распри, закончившейся войной и распадом государства, выясняются именно в результате проведенного следствия.

Погружаясь в суть дела, чувствуешь себя свидетелем очень сложной, даже ужасной, но в то же время и очень простой, а по ряду признаков и комической, ситуации. Обнаруживаешь, что люди, даже в столь отдаленные от нас времена, жили почти теми же самыми чувствами и желаниями, что и мы: их переживания и метания кажутся очень знакомыми. Словно и нет между нами столь огромной временной дистанции. Будто бы этот разрыв во времени был употреблен всего лишь на то, чтобы изменить покрой одежды и вкусовые пристрастия, запахи косметики и парфюмерии, особенности поведения и этикета — словом, время было потрачено, кажется, лишь на стилевые, а если взять шире — формальные изменения. Само содержание осталось таким же — нельзя сказать, что таким же, как сейчас, но все же с достаточным основанием можно предположить: мало что изменилось по существу, вернее, все продолжается и все в том же духе. Впрочем...

---

* Ич, дыш (тюрк.) — «внутренние», опорные, «внешние», рубежные.

Думаю, неплохо было бы сказать и о мотиве следствия. Как это часто случается, толчком к раскручиванию маховика следственного процесса послужило незначительное, на первый взгляд недостойное особого внимания происшествие. Главе опорных огузов, хану по имени Салур Газзан, доносят о том, что среди его соплеменников объявился вражеский соглядатай, иначе — шпион. И шпион этот занимается самой что ни на есть подрывной деятельностью, передавая врагам важные государственные тайны. К примеру, уезжает Салур Газзан с дружиной на большую охоту, и враги тотчас же оповещаются об этом удобном для набега и разграбления огузов моменте. На мой взгляд, автор, кроме всего прочего, с поразительной дальновидностью предсказывает и будущее землетрясение в далекой от него самого и его времени Гяндже, в некоем пророческом откровении видит нашествие безжалостного врага на беспомощный город. Далее. Бейрек готовится к женитьбе. И снова шпион делает свое подлое дело. На сей раз враги, если исходить из текста дастана, вероломно умыкают Бейрека и долгие шестнадцать лет держат его в подземелье крепости Байбурд. Другой момент. Герой дастана славный бек Бекил повреждает ногу, шпион тут же сообщает об этом врагам и т.д. и т.п. Одним словом, деятельность шпиона наносит огузам весьма ощутимые удары, и Салур Газзан строго-настро-го приказывает изловить соглядатая.

Шпион пойман, однако проблемы на этом не заканчиваются, скорее — именно здесь-то и начинаются настоящие проблемы. «Славные огузские беки, с пеной у рта» требовавшие немедленной поимки подлого шпиона, «настаивающие на его четвертовании» (здесь я уже цитирую «Неполную Рукопись»), после разоблачения соглядатая внезапно разворачиваются, как говорится, на сто восемьдесят градусов и, не покладая рук, делают все от них зависящее для того, чтобы освободить виновного из зиндана — подземелья, где он содержался в ожидании казни. И добиваются-таки своего. Созывается совет, беки голосуют, и в полночь шпион вызволяется из зиндана, ему строго-настро-го наказывают покинуть пределы огузов, не попадаться им на глаза, словом, как говорится в дастане, «пропасть пропадом».

Собственно следствие начинается именно после этого события. Верховный хан, прознав об этом, в поисках ответа на

вопрос, кто умыкнул шпиона, начинает подлинное дознание, к которому привлекаются достославные беки огузов — Салур Газзан, Шершамсадин, Бекил, Арруз Годжа. И другие родовитые мужи и женщины дают показания Ханлар-хану, каждый по-своему трактует события, стремясь продвинуть, а то и запутать следствие.

Деде Горгуд, таким образом, выступает единственным секретарем, иначе говоря, репортером первого следственного процесса, имевшего место в огузском обществе. Сделанные им по ходу следствия записи, различные свидетельства можно оценить и как эскизы к будущему грандиозному произведению — дастану. Предполагал ли он изначально написать его или нет — это другая тема. Во всяком случае, направленность его записей позволяет положительно отнестись к выказанному выше предположению.

Сокровенный смысл и дух «Неполной Рукописи» накладываются на такой вот туго натянутый канат. Герои, вынужденные обратиться в канатоходцев, по ходу этой «пляски» на канате, сами того не ведая, откровенно характеризуют себя, раскрывая свой внутренний мир и свою самость. А Деде Горгуд, стоя по ту сторону каната, а, может, и сидя под ним, внимательно наблюдает за каждым их движением, замечает каждый неверный шаг и все увиденное-услышанное фиксирует в своем мозгу, уме, сознании, если хотите, в сердце своем — но самое главное! — переносит все это на бумагу, творя собственный текст. Вот что такое «Неполная Рукопись»! Вот откуда проистекает ее неполнота! Но именно в этом ее качестве парадоксально заключается полнота и завершенность, возникающие сегодня в нашем воображении, черпающем пищу в этой пресловутой неполноте.

Сомнения меня изнуряют. Ну кто мне скажет определенно: прав я или не прав, издавая и предлагая читателю «Неполную Рукопись»?! Странно, сам я, сколько ни пытался, ответа на этот вопрос найти не смог...

ЕЩЕ ОДНО ПРЕДИСЛОВИЕ, ИЛИ ЗНАЧИМЫ ЛИ ДЛЯ БОГА МИРСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

Изнутри рукописи тщится выглянуть наружу еще одна рукопись. И вот что, представьте себе, это мне напомнило. По вполне уместной ассоциации на память приходят мусульманские письма, опасливо притаившиеся за христианскими литерами и уже едва различимые на стенах дворца Альказар в Севилье. Очевидно, победители, вознамерившись таким вот образом припрятать первоначальные надписи, всерьез полагаги, будто письма христианского периода, столь отважно попирающие вражеские буквы, станут от этого ближе к Богу. Но ведь, может статья, убранные с глаз долой, однако вновь пробужденные временем, эти самые мусульманские письма на также являют собой обращение к Богу, а возможно, и те и другие представляют собой письменное выражение одних и тех же желаний и помыслов. Главное же заключается в том, что и те и другие письма ликами букв своих обращены к одним и тем же горним высям.

Уникальный раритет, помеченный во всех библиографических справочниках как «Неполная Рукопись», в действительности есть нечто совсем иное; в сущности, скрытое в ней является носителем некоей культуры, разительно отличающейся от той, которую отображала рукопись, предоставившая убежище тайне. На первый взгляд подобное предположение должно противоречить здравому смыслу. Ведь признание факта существования в тексте одной рукописи еще одной — совершенно иной рукописи — неизбежно порождает

ет новые вопросы. От кого и от чего пряталась, от кого и от чего искала защиты затаившаяся в глубине другого текста эта рукопись? И есть ли какой-то смысл в том, что она, вот так, прячась и хоронясь, просуществовала до наших дней? Будет ли осознана подлинная цена, истинное достоинство подобного самосохранения? Охваченный бессознательным ужасом, ощущаю себя стоящим лицом к лицу с непостижимой, непознаваемой реальностью. В памяти всплывают слова, сказанные знаменитым физиком Нильсом Бором другому, не менее знаменитому физика Вольфгангу Паули: «Настолько ли безумны ваши идеи, чтобы стать истиной?!» Когда невидимый глазу высший логический круг замыкается, Великое Безрассудство непременно превращается или перетекает в Великую Истину. В этом, несомненно, что-то все-таки есть.

Думается мне, что «Неполная Рукопись», вопреки своей обманчивой незавершенности, вызовет достаточно сильный переполох в стане горгудоведов. При этом и осветит множество темных мест и невнятных смыслов дастана. Однако не исключено, что подвергнется сомнению и сама реальность, отображенная в новом для специалистов тексте. Знаменитая строка Гусейна Джавида* «истинно прав в сомнении человек» не раз доказывала свою живучесть, жива она сегодня, будет жить, безусловно, и завтра. Одно ясно уже сейчас: впредь ничто не будет выглядеть таким застывшим, монументально-неподвижным, а потому и безжизненным, как бывало доселе. Многие персонажи, созданные в соответствии с мифопоэтическими законами сказаний, в некотором роде скульптурно-статуарно, в тексте «Неполной Рукописи» внезапно освобождаются от стылой неподвижности и оживают, начинают любить, ненавидеть, проявлять верность, строить козни, обманывать, смеяться, плакать... На поверку оказывается, что все они прежде всего самые обыкновенные люди: эти беки со своими сыновьями, ханы со своими наследниками, как и все прочие простые смертные, дышат воздухом и ходят по земле. И вот тут древнее огузское общество начинает видаться в своих истинных, реальных нравственных гра-

---

* Гусейн Джавид (1882–?) — поэт и драматург, яркий представитель философского романтизма в азербайджанской литературе. Репрессирован в 1936 году, погиб в ГУЛАГе.

ницах. Черновые заметки, наблюдения и схематические, условные знаки, словно легкая занавеска, раздвигаются, обнажая многие, утратившие свои подлинные очертания и обретшие статус художественного вымысла, смыслы и значения. Так, размыкаясь в небесах, тучи, с одной стороны, открывают взору всю глубину беспредельности, а с другой — приближают тебя к Богу, величайшей и высшей Истине.

Мы не видим необходимости обозначить сразу же все непонятные или же нуждающиеся в особых комментариях содержательные и прочие моменты «Неполной Рукописи». В этом нет, на наш взгляд, никакого резона. Ибо уверены, что вдумчивый читатель не заплутает в представленном тексте. Всяческие предварительные комментарии претендуют на статус некоего научного введения, мы же далеки от подобных притязаний. Более уместным было бы останавливаться там, где «Неполная Рукопись» обрывается или же оставляет что-то недосказанным, и, по мере необходимости, тут же давать свои, разумеется, сугубо личные, субъективные толкования. Мы сочли, что гораздо продуктивнее расположить свои комментарии по ходу текста и приняли решение поместить их в книге набранными особым шрифтом. Читатель без труда различит его. Кроме того, на протяжении всего повествования читатель увидит текстовые фрагменты, заключенные в обычные скобки. Содержащиеся в них заметки и примечания принадлежат самому автору «Неполной Рукописи».

Важно также принять во внимание следующее обстоятельство. Мы уже отмечали, что, в сущности, основной уровень содержания «Неполной Рукописи» представляет собой параллельное движение двух различных, восполняющих друг друга направлений. Одно направление является письменной фиксацией предпринятого Байандур-ханом (секретарь-китаб — Деде Горгуд) следственного процесса по поводу некоего экстраординарного происшествия, случившегося в огузском обществе. Второе направление состоит из особых примечаний, заметок на память и схематических зарисовок самого автора, то есть Деде Горгуда. Вполне вероятно, что процесс следствия сам по себе послужил толчком к более глубокому пониманию происходящего, более точной оценке многих «достопадных людей Огуза» человеком, наделенным мудростью. Ничто не мешает воспринимать его «заметки» как

своеобразные стенографические записи по ходу следствия. Наряду с этим характер этих заметок неопровержимо свидетельствует о серьезном намерении автора начать более ответственную работу — написание объемного дастана. Ясное дело, столь сложную и величественную по задумке задачу невозможно претворить в жизнь без предварительных заготовок. Размышления автора по поводу того или иного персонажа, героя происшествия или же его оценки тех или иных фактов и явлений с немалой степенью вероятности могут считаться близкими к максимально возможной объективности. В художественном же тексте, то есть в каноническом варианте дастана «Китаби Деде Горгуд», мы обнаруживаем значительные, если не резкие, изменения. В этом смысле тексты «Неполной Рукописи» и знакомого нам дастана разительно отличаются друг от друга, отчего объективные (а может, субъективные?), во избежание ненужной в данном случае усложненности, скажем так — адекватные заметки «Неполной Рукописи» претерпели значительную трансформацию. Что это, халатная забывчивость автора или мы имеем дело с требованием заказчика, прямо указывающим на его приверженность модному в наши дни сознанию державности или, по крайней мере, государственному мышлению? Может, произошло это из соображений задачи нравственного воспитания народа? На все эти вопросы я сейчас в состоянии ответить следующим образом. Для Истины в Последней Инстанции, носящей имя Бог, как мне представляется, сами эти различия, причины этих различий или же тождества одних и тех же людей в дастане и рукописи не имеют абсолютно никакого значения.

И, НАКОНЕЦ, ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДИСЛОВИЕ, или права тех, кто способен сказать «не знаю»

У нашей «Неполной Рукописи» есть одно важное отличие, не позволяющее соотносить ее с другими неполными рукописями. Отличие это заключается в том, что наша рукопись, не имеющая, как и все подобные ей, конца, не имеет и начала. Возможно, это отметина одного из периодов существования рукописи, связанного с землетрясением в Гяндже, а может

быть, сам автор рукописи и не намеревался писать последовательный, системный текст, подобный имеющемуся в нашем сознании понятию жанра романа, все может быть. В действительности для самого автора у текста есть и начало, и конец. Множество всевозможных указаний, рассыпанных по тексту «Неполной Рукописи», создают полное и ясное представление о том, что было ВНАЧАЛЕ. И если все обстоит именно таким образом, значит, текст всего лишь выставляет себя в наших глазах неполным, незавершенным, половинчатым.

...Порой мне кажется, что я занимаюсь чем-то несовместимым с нормальной этикой. Будто шарю по чужим карманам, подглядываю в замочную скважину, читаю чьи-то заветные, интимные послания, разбалтываю чью-то доверенную мне тайну... За все время чтения рукописи подобные панические, я бы даже сказал, болезненно навязчивые обвинения не давали мне покоя, ставили передо мной достаточно острые вопросы. Ответ пришел сам собой. Если Творец знал, что требуется и, независимо от формы и сущностных показателей этого знания, переслал это в мой мозг, мое дело маленькое. Я тут ни при чем. Коль скоро «Неполная Рукопись» требует: «Говори со мной», я не имею права отмалчиваться.

Теперь судите сами. Правильно ли я поступаю, представляя вам «Неполную Рукопись»? Или нет? Сам я до сих пор плутаю в поисках ответа на свои сомнения.

Сразу же после того, как я закончил писать все, прочитанное вами, со мной произошло нечто странное и одновременно вполне объяснимое. Как только я дописал последнее предложение (имеется в виду предшествующая фраза «сам я до сих пор плутаю в поисках ответа на свои сомнения») — на меня навалился внезапный сон. Голова моя помимо моей же воли опустилась на письменный стол, и, как это, наверное, случается в подобных случаях, я начал видеть себя со стороны. Длилось это недолго. Во сне мне явился человек. Все его приметы: одеяние, лицо, рост и стать — улетучились из памяти, как только я проснулся. Одно запомнилось прочно — коротенький диалог, состоявшийся между нами.

— Зачем ты сделал это? — спросил человек.

— Не знаю, — ответил я.

Спаси и сохрани, Создатель, незнающих, от гнева и злобы знающих все. Аминь.

* * *

...Узрев, каким мукам подвергается многострадальное население Гянджи после землетрясения, именитые горожане вечером того же...

...дня Байандур-хан снова призвал меня к себе, и я, поспешая на зов, в полдень поспел в Гюнортадж — обитель хана, благочинно поклонился и пожелал ему мира.

Хан спросил:

— Знаешь ли, зачем я позвал тебя, сын мой, Горгуд?

— Не знаю, достославный хан, — отвечивал я.

— Горгуд, сын мой, только ты способен на это. Тебя избрал я, — молвил Байандур-хан. — Будет у нас с тобой дело одно общее. Известили меня. Поведали, будто неладное творится в Огузе, может статься, и до твоих ушей долетело что-то. Говорят, будто был шпион, говорят, будто изловили его, а потом... освободили шпиона из зиндана, отпустили на волю... Расскажи мне все, что известно тебе, вместе распутаем это дело.

Сказав, Байандур-хан застыл в молчании.

Я же, поняв, что Байандур-хану суть дела известна, тоже молчал, выжидая.

Светлый лик Байандур-хана начал темнеть, все более багровея. Пронзительно глянул на меня хан: мол, неужто ты ничего не слышал?! Нет?! Чтобы ты, да не знал?! Ничего не произносили уста его, он молча смотрел на меня, не шевельнулся. Ждал от меня ответа.

Разве можно Байандур-хану, Верховному хану, хану над всеми ханами — Ханлар-хану, сказать неправду?! Ему, пред-

водителю несметного воинства, тому, под рукой которого столько черных-пречерных рабов, опытных палачей, роящихся вокруг зиндана и пыточной...

— Слышал я, хан мой, кое-что слышал... — Мне ничего не оставалось, как признаться, и я сделал это.

А про себя подумал: «Хан подозревает что-то, однако из обращения ко мне явствует и то, что знание его неполно. Как поступить должно? Уповаю на помощь Тенгри*. Знать бы, до какой такой точки простирается его знание? Где оно упирается в стену незнания? Куда мне вести его сквозь эту стену? Как?! Всемогущий Тенгри, лишь ты способен осенить дух мой вдохновением».

— Что слышал?! Говори же. Посмотрите на него. Куда улетучились острота и прямота взора твоего?! Или в иных местах витаешь? Горгуд! — голос хана все более суровел, звеня.

— Задумался, хан мой. Все, о чем ни скажешь, о чем ни подумаешь, может сбыться в этом брэнном мире. Все, что мельком пролетит в воображении, можно узреть наяву...

По нраву пришлись Байандур-хану мои слова. Вроде даже ухмыльнулся едва приметно.

(Надо запомнить, используя при случае — а он, думается, еще не раз представится.)

Потом я произнес еще что-то, однако, взглянув на Байандур-хана, понял, что он уже не слушает меня. Воистину это было так. В розовых кустах, растущих во дворе ханского дворца, билась пичужка, раня себя шипами. Байандур-хан принялся наблюдать из окна за трепыханиями пичужки, и я, вглядываясь из-за его плеча в судорожные попытки бедной птички освободиться, загадывал в сердце: спасется ли из хватки острых шипов она?

— Гылбаш, ступай, освободи несчастную из шипов, — Байандур-хан произнес эти слова почти неслышно. Мне это показалось странным. Потому как здесь, в покоях хана, никого другого, кроме нас, не было. К тому же, где мог Байандур-хан увидеть Гылбаша?! Но ведь увидел. И пока я вытягивал

* Тенгри (тюрк. — небо) — верховное божество тюрков.

шею из-за спины Байандур-хана, Гылбаш успел вызволить пичужку из шипов и неспешно удалялся.

— Гылбаш, зайди потом ко мне.

И опять я застыл в изумлении. Каким образом услышит на том конце двора Гылбаш слова Байандур-хана, произнесенные чуть ли не шепотом?! Но вот, спустя малое время, Гылбаш оказался с нами в покоях хана.

(Гылбаш был тенью, дыханием, умом и душой Байандур-хана. Никто в Огузе не смел прекословить ему. Хотя своих слов у Гылбаша отроду не имелось. Он всего-навсего передавал всем слова, сказанные Байандур-ханом. Гылбаш разносил вести. Гылбаш приносил известия. Гылбаш доносил до огузских беков слова, в ответ требовал лишь исполнения. Гылбаш был приближен к хану. Но верно и то, что визиром у хана состоял другой человек. Почтенный муж по имени Газзлыг Годжа. Во всех важных государственных делах с ним советовался хан, это так. Однако как только возникала необходимость разобраться в деле, о котором всем знать не должно, Байандур-хан непременно решал все вопросы с помощью Гылбаша. Таким вот Гылбашем был этот Гылбаш, о коем веду речь.

Историю Гылбаша мне как-то между делом поведал Салур Газзан. Сейчас я вспомнил наш разговор. Байандур-хан взял Гылбаша к себе во дворец, когда тот еще был ребенком. Происходил он из семьи плененных кыпчаками. И родился-то он уже в неволе. Впоследствии родители его, отец с матерью, каким-то образом переслали хану весточку с просьбой, мол, нам уже все равно, молим хана выкупить из рабства сына. После этой просьбы: был устроен набег, и Гылбаша выкрали из неволи. Тот воззвал к милости Байандур-хана. Из уважения к отцу Гылбаша, которого знал лично, Байандур-хан взял мальчика под свое высокое покровительство. Сейчас все секреты, все тайны Байандур-хана хранил один лишь Гылбаш. Однако...)

Байандур-хан не отходил от окна до тех пор, пока Гылбаш не приблизился к трону. Все смотрел и смотрел в сад. В самые худшие времена не доводилось мне видеть, чтобы воля хана была бы вот так, как тетива лука, натянута и на-

пряжена. Это означало, что Байандур-хан намерен разобраться в вещах глубоких и Гылбаша призвал не попусту...

Когда я дошел до этого места в первый раз, рукопись и в самом деле показалась мне, как это утверждали сотрудники фонда, неинтересной. Девушка-востоковед была права. Это же совсем другая тема. Байандур-хан, Гылбаш, Деде Горгуд — о чем они толкуют? Что произошло в Огузе? Что это за язык, на котором они говорят? А что если тут замешана та самая девушка-востоковед, не ее ли рук дело — взяла да и «подправила», «обработала» для меня текст, чтобы он стал, как говорится, «странно-привлекательным»? Нет, неубедительно. Короче, хотите знать, что было дальше?! Что ж, дальше, как будет видно, разразилась буря, разыгрался настоящий ураган.

...Байандур-хан и на сей раз учуял, что Гылбаш уже в покоях присутствует. К нам обернулся. Внимательно каждого по отдельности пробуравил взглядом, произнес наконец:

— Тайну эту вам раскрыть должно. Обоим. Горгуд, — Байандур-хан простер длань свою в мою сторону, взор его теперь блистал гневом. — Ты, — сказал, — писать будешь. Станешь записывать все, что бы ни произошло в этой комнате, каждое слово, кем бы оно ни было произнесено, каждую букву записывать будешь. Гылбаш, ты, — Байандур-хан повернулся к Гылбашу, — сделаешь так, чтобы ни одна живая душа, ни один мужчина, ни одна женщина не смели покинуть наши пределы до тех пор, пока дело наше до конца доведено не будет. Набеги, охота, путешествия — мы все оставляем. А кого призову, тотчас передо мной стоять должен, дальше — посмотрим... И вот что еще... Ты волен поступать, как сочтешь нужным, Гылбаш, но сделай так, чтобы все наши слова и разговоры здесь же и остались, в землю зарой, но чтобы ни один мужчина не передал другому слов наших. Никто, даже Газзлыг Годжа, слышишь? Ни одно слово не должно вырваться наружу. Дело это разглашению не подлежит. Уяснил? Чего бы это нам ни стоило, мы должны и найдем виновного. — И снова Байандур-хан, внимательно оглядев нас обоих, повернул лик свой в сторону двора, подошел

к самому окну. — Гылбаш разъяснит тебе все, что уяснить не смог сам, а теперь — ступайте, — хан закончил речь.

Последние слова относились ко мне. Мы с Гылбашем вышли вон из покоев хана.

— Разъясняй же, Гылбаш, — это сказал я.

Пройдя бок о бок длинный коридор, мы ступили во двор. Тень от развесистого высоченного вяза, росшего в самом центре двора, ковром расстелилась на зеленой траве. Сели мы в тени, скрестили ноги.

— Хан наш, конечно же, великое доверие к нам имеет, — Гылбаш начал говорить очень уж степенно, — должно и нам ответить верностью своей. Что скажешь на это, Горгуд?

— Что могу сказать я? Ты говоришь моими словами. Хан намерен провести следствие, не так ли, Гылбаш? — спросил я Гылбаша в свой черед. Наконец-то вымолвил слова, которые давеча вертелись в мозгу, не давая покоя.

— Да, хан проведет следствие, — отвечив Гылбаш. — Шпион сам по себе не мог освободиться из оков. Это знаешь и ты, это знаю и я, это знает каждый младенец ич огузов. (Я почувствовал, что покрываюсь холодным потом.) Не мог птицей улететь в заоблачные выси, не мог мышью серой шмыгнуть под землю. Яснее ясного, понятнее понятного, ему помогли сбросить оковы и скрыться из наших пределов. Не так ли? Несомненно, есть и вдохновитель беззакония. Долг наш найти этого вдохновителя, порадовать хана нашего. Для этого...

(Я, кивая головой и бормоча «конечно, конечно», подтверждал каждое слово Гылбаша, будто несмышленыш какой. Но был ли у меня другой выход? Иначе было нельзя. Гылбаш же, медленно выговаривая слова, внимательно поглядывал на меня. Словно прищуренным взглядом своих раскосых глаз в самое сердце мое проникнуть желал. В голове моей пронеслось: «Без сомнения, кто-то лично донес обо всем Байандур-хану. Но кто? Как бы половчее выведать это у Гылбаша... Нет, бесполезно, стрелу в полете остановить никому не дано. Кто шептун, а кто нет — сейчас уже в этом знании и смысла нет. Грядут ужасные события. Кто выдержит пронзительный взгляд кровью налитых глаз Байандур-

хана?! О беки, беки, что за черные дни ожидают вас... нас... На тебя уповаю, всемогущий Тенгри...»)

— Куда улетел-удалился ты, Горгуд?! — Голос Гылбаша вернул меня под сень вяза.

— Я?!.. Я здесь, с тобою рядом, Гылбаш.

— Не было тебя рядом вовсе. Не ослабляй внимания, слушай и услышь меня. Для этого предлагаю начать с Газзана. Чтобы никто в Огузе не смог сказать, будто Байандур-хан пожалел зятя своего.

— Так ли это? Начнем с Газзана?!

— Так, именно так. Потом Шершамсадин, Бекил, Арруз Годжа...

— Бейрек... — осторожно добавил я.

Гылбаш не придал моему вмешательству ни малейшего значения, холодно ответил:

— Что мог натворить Бейрек?! Он вне подозрений. — И вдруг почему-то пожелал сменить тему разговора, даже голос потеплел: — Горгуд, а наш Бейрек еще тот Бейрек, не так ли? Шестнадцать лет пробыть в плену, да еще в таком месте, как Байбурд... Прожить там годы в холе и удовольствии доступно не каждому герою. Уж больно хитроумен этот Бейрек. Откуда у него столько ума?

— С детства у него ум. Ведь он же Бамсы Бейрек — Всадник Серого Жеребца. — Только и смог ответить я. Другого ответа у меня не нашлось.

(Без сомнения, все твои хитроумные ухищрения однажды развеются как утренний туман, никому не дано затмить солнце...)

— Бейрек, слышал я, недавно предстал пред очи Байандур-хана, так ли это, Гылбаш?! — прикинувшись простодушным, спросил я.

— Так, но к делу этому никакого отношения не имеет, знай.

И я крепко уяснил: Гылбаш не заинтересован вести разговоры о Бейреке и это серьезный знак. Тут Гылбаш встал, вслед за ним поднялся и я. Мы двинулись в другой конец двора по направлению к Главным Вратам.

Провожая меня, Гылбаш предупредил:

— Горгуд, явишься завтра спозаранку. С пером своим и бумагами. Еще раз прошу тебя. Во имя Тенгри, никому ни слова о том, что слышали здесь уши твои. Таково повеление хана, сам знаешь ведь.

— Ни слова так ни слова.

— Да, ни слова. Мы исполняем волю хана: как он прикажет, так мы и поступаем.

— Согласен.

— Пусть дорога твоя не знает преград. Иди. Завтра утром жду тебя.

— Храни тебя всемогущий Тенгри. До встречи. Здоров будь, Гылбаш, — это сказал я.

Сел на коня. Выехал с ханского двора. Пришпорил коня, и скоро Гюнортадж остался позади, а вот как добрался до летней юрты, разбитой на склоне горы Аладаг, — того не помню. Слез с коня, конь потянулся мордой к сочным травам, отошел пасть. Сел я на землю, облокотился на Свет-камень, вросший в землю перед входом в пещеру. Долго сидел так. Мысли в голове проносились, обгоняя друг друга, как вольные скакуны, а мне все никак не удавалось заарканить и взнуздать ни одну из них. Сердце мое грызли темные беспросветные предчувствия: «Что делать должно, как поступить, если Байандур-хану известна вся правда о шпионе, горе нам, посыпят наши головы серым пеплом позора...»

* * *

Ночь клонилась к рассвету. Глаза мои заволакивались дремой. Месяц на небе готовился к завершению своего странствия. Он уже перешел с одного конца небосвода на другой край. «Нет блага в ночи», — подумал я, прошел внутрь пещеры и улегся на каменное ложе. Укрылся буркой из верблюжьей шкуры. Однако, как ни старался, забыться сном не смог. Ожили и закружили в голове разные мысли, перемешались между собой тревожные опасения: «Густо замешивается тесто, много воды впитает. Как быть мне? Вдруг старуха Фатима со страху глаза закроет, да рот откроет свой? Было бы нелишне встретиться с ней, научить, что говорить надо, когда хан изволит призвать к себе... Но, с другой стороны, следу-

ет признать, что жидкая хна бороду не окрасит, усы не подкрасит. Байандур-хан, не говоря уже о Гылбаше, каждый волосок прощупает, на свет рассмотрит, догадается... Что и говорить, трудно придется с ними. Бейрек, это еще тот Бейрек... соглядатай Бейрек, каково, а? Не ты ли нашептал про нас хану?! Уж ни Бурла Хатун ли сбила с пути прямого тебя, мною Бейреком нареченного? Без Хатун тут не обошлось, сомнений нет, как без нее? Или слюнки потекли, как у бычка при виде телки? Удержаться не можешь, бычок-губошлеп?

(Когда бычок, губы распустив, слюной исходит — ясно: точно так же и эти сыны нечестивцев, в жизни своей девушек не видя, столкнувшись лицом к лицу с красавицей-прелестницей, от возжелания слюней сдержаться не в состоянии. При словах «бычок-губошлеп» не один Бейрек встает перед глазами, нет, множество других юных беков страны Огузской рядами выстраиваются перед взором.)

Коли так, берегись, шептун, мною нареченный Бейреком, сам всеильный Тенгри впредь не защитит тебя... Кто остался по ту сторону? Газзан... Кем является Газзан? Родным супругом ханской дочери Бурла Хатун. Каждый светлый день, отпущенный Тенгри для жизни, грызутся, удушить готовы друг друга, однако Газзан — все тот же Салур Газзан. Никогда Газзан не изменит Байандур-хану, не предаст. Хану то доподлинно ведомо. Хан верит Газзану безмерно. В таком случае, если правильно понимаю, следствие по делу Газзана есть не что иное, как попытка навести туман на глаза людей, разве не так? С другой стороны посмотреть, и Бурла хатун успокоится немного, спеси у Газзана — что тоже не вредно — слегка поубавится, а весь остальной народ Огуза, глядя на это, снова в который раз воспевает хвалу справедливости хана. Недурно придумано. А что если на следствии Газзан покажет, что это, мол, Горгуд присоветовал мне отпустить шпиона на волю — тогда как? А если и Арруз признается? И Шершамсадин? Нет, у этого ума не хватит, а Бекил поперек меня не пойдет, поостережется навредить мне. Арруз. Именно Арруз и сможет выдать меня? Арруз... Старуха Фатима и Арруз — самое шаткое звено, самое опасное звено в возмож-

ной цепочке подозрений хана, могущих возникнуть при расследовании. Фатима — женщина, ей голову заморочить кое-как удастся. А вот Арруз... негодный сын негодника. Кроме себя самого и сына своего, весь мир под удар поставит, развеет по ветру, не охнет. Гордыня его непомерная выше высоких гор. Гордецы никому не милы. Истинно так. Вот выход! Все привязать к Аррузу. Несомненно, это верный выход. «Фатима — Арруз — шпион». Такая связка всем по нраву придется. Салур Газзану — да. Бурла Хатун — да и еще раз да. Шершамсаддин? Ему все едино — лишь бы повелитель его, Газзан, доволен был. Бекил? А что может сообщить следствию Бекил? Бекил в обиде на Газзана. Не терпят друг друга.

(Газзан по-своему объясняет причину взаимной неприязни, Бекил толкует по-иному. Блажен, кто разберется.)

Столкнуть Бекила с Аррузом — вот что сейчас самое главное. Сможем — показания Арруза лишатся всякого смысла. Байандур-хан и слушать его не станет. Так-то оно так, однако соорудить эту западню — дело не такое уж и легкое. Бекил скорее схватится с Бейреком и Газзаном, чем начнет бодаться с Аррузом. Гылбаш с первого взгляда обнаружит ловушку. Пусть его. Он тоже не примет сторону Арруза, ему нет никакого резона идти против Газзана. Все, все против Арруза. Все, кроме Бекила. Отвратил всех от себя, утомил всех Арруз своими укорами, гордыней своей. «Если бы не сын мой Басат, Басат то, Басат се, Басат все, если бы не Басат, то кто бы победил, кто бы сразил одноокого негодника?..» Арруз, только Арруз... Однако и об осторожности забывать не следует. Действовать надо с умом: Арруз плут, каких поискать. Нужно опередить его. Бейрек вроде мясной приманки в капкане. Необходимо обставить все таким образом, чтобы Арруз подозревал одного только Бейрека. К тому же, если копнуть глубже, хану и самому по настоящему нужна голова одного только Арруза...

В полусне ли, в полуяви ли, долго еще размышлял я над делами нашими скорбными. Как уснул, сам не заметил. Малая смерть поглотила меня.

Когда я очнулся ото сна рано утром, солнце уже осторожно всматривалось в мир из-за вершины горы. Не медля поспешил в Гюнортадж, обитель Байандур-хана. Гылбаш, степенно прохаживаясь, поджидал меня в дворцовом саду. Рядом с ним находились и двое высоких, широкоплечих воинов. Весь вид их выражал готовность выполнить любой приказ. Они, почтительно склонившись, поздоровались.

— Салам алейкум. Поутру, Горгуд, от хана пришло повеление: пусть на сегодняшний диван* явится Салур Газзан, слово хана. Он будет отвечать на вопросы. Готов ли ты? — Гылбаш, поздоровавшись, вежливо задал свой первый вопрос.

— Я готов, Гылбаш, — отвечивал я. «Ночные размышления оказались верными. Гылбаш что-то знает. С Газзана начинает хан», — подумал про себя.

— Что ж, ступайте и призовите Газзан-бека на диван к хану. Таково повеление хана: пусть явится Газзан, сообщите ему. — Гылбаш отдал приказ сопровождавшим его воинам.

Воины, безмолвно-бесстрастно кивнув головами, направились к конюшне, вывели оттуда коней, взлетели в седла, сдерживая скакунов, выехали через Главные ворота и через мгновение скрылись из глаз в бешеной скачке. Ханское подворье постепенно наполнилось людьми. Возле хлева засуетились служанки, кто доил коров, кто принялся возжигать очаги. Стойла и загоны опустели, овцы и верблюды уже паслись на лугах. Двое невольников, крепко ухватив за уздечку каждый своего коня, неспешно вывели их за Главные ворота. Я узнал этих коней. И снова припомнился Бейрек. Один из коней звался козлоголовым жеребцом Кечером, другой — баранолобым жеребцом Дуйру. Оба они были самыми резвыми скакунами конюшни Байандур-хана. На них я ездил сватать Бейрека. Дели Гарджар, брат невесты, будь он трижды неладен...

— Горгуд, иди сюда, в тень иди. — Голос Гылбаша вернул меня во двор хана.

Солнце неторопливо подбиралось к своему постоянному месту — макушке высоченного вяза. Мы встали в тень.

* Диван (фарс.) — совет; совещательный орган при хане.

— Что скажешь, Горгуд, ждать ли нам здесь Газзана, войти ли к хану, возвестить ли «мы явились»? — Гылбаш спросил меня.

— Тебе видней, Гылбаш, — я ответил уклончиво.

Тут подоспел нукер*, и вопрос решился сам собой. «Хан желает видеть возле себя вас обоих», — сообщил нукер. Переглянувшись с Гылбашем, мы проследовали в тронный зал. Войдя, увидели Байандур-хана в глубоком раздумье, восседающего на троне. Как и вчера настроение хана было подавленным.

Я почтительно приветствовал хана, хан отвечал мне и жестом пригласил сесть. Мы сели.

— Ведомо ли тебе, сын мой Горгуд, — начал речь Байандур-хан и пристально посмотрел на меня. В глазах его застыла печаль. — Ведомо ли тебе, что гнетет меня? Тяжко мне сознавать, что именитые, достославные беки огузов сегодня совсем не пекутся о судьбах Огуза. А тут еще Газзан. Вот уж никак не ожидал, что он тоже замешан в этом деле...

«Он тоже». Так было сказано. Если хан испытывает меня, лучше всего промолчать. Если в словах его нет подвоха, опять же нет ничего лучше, чем молчание — сказанное мною может возбудить подозрения хана, пятном лечь на его сердце», — думая так, я продолжал молчать.

Байандур-хан внезапно обернулся к Гылбашу. Вопросил:

— Гылбаш, что Газзан, явился ли?

— Скоро будет, мой хан. Послали за ним, — Гылбаш ответил.

— Окажите при встрече надлежащий почет. Он — отец нашего внука.

При последних словах Байандур-хан снова пронзительно взглянул на меня. Взгляд его вопрошал красноречиво: «Что ты думаешь об этом?» Я не отвечал, потупив глаза, застыл в почтительном поклоне. Молчание затянулось надолго.

Вошел нукер:

— Мой хан, прибыл Газзан-бек. Вместе с сыном Уррузом. Просят позволения войти.

Гылбаш посмотрел на Байандур-хана, Байандур-хан — на Гылбаша.

* Нукер (араб.) — слуга для особых поручений.

— Вместе с Уррузом? — переспросил Байандур-хан. — Почему с Уррузом?

(Я восхитился умом Газзана. Конечно же, и он о чем-то догадывался. Он все предусмотрел: приезд Урруза, как теплая кровь милосердия, омоет сердце Байандур-хана... Хороший ход, ничего не скажешь.)

Я подумал: «К счастью, Газзан отвел от себя угрозу. Остались мы. Будем надеяться, что мое имя не будет произнесено, иншаллах*».

Гылбаш жестом приказал нукеру удалиться. Тот исчез.

— Как поступить прикажешь, хан мой?! — почтительно обернувшись к Байандур-хану, спросил Гылбаш.

Байандур-хан ответил:

— Так. Урруза сюда не впускать. Пусть проследует во внутренний двор, побродит среди невольников, выберет себе нового раба. Стражникам передай: разрешаю ему посетить невольниц — ничего страшного, он еще ребенок. Газзан же пусть войдет.

Гылбаш, промолвив: «Слушаюсь, мой хан», вышел.

Байандур-хан, лик свой обратив на меня, сказал:

— Ты сиди, где сидишь. Готов записывать?

— Готов, хан мой. — Я скрестил ноги, устроился удобней и повторил: — Готов.

Байандур-хан, не отводя от меня внимательного своего взгляда, сказал следующее:

— Пиши, Горгуд, пиши, сын мой, все, что мною будет сказано, все, что им будет вымолвлено, — все записывай. Ни слова не упусти. Пусть все будет записано и сохранено. Чтобы всякий, кто прочтет это не сегодня, так завтра, посвящен стал в дела наши. Да, спросить хочу — сам-то как считаешь? По мне, так особой вины на Газзане вроде бы и нет. По глупости, по мягкости своей слабость проявил, пожалел или иное что имеется?! — Он, не скрывая того, испытывал меня.

— Мой хан, Газзан — муж славный, — я ответил. — Безгранична преданность его хану. Газзан опора Огуза... —

* Иншаллах (араб.) — букв.: да устроит Аллах.

На моих последних словах вошел Газзан. Должен был услышать, иншаллах.

Следом за Газзаном шел Гылбаш. Газзан опустился на колени, не вставая, не поднимая головы, как это положено, приблизился к Байандур-хану и многократно облобызал руку его:

— Слава великому хану, — сказал он и только тут поднял голову. В мою же сторону бросил взгляд свой острый, глазами вопросив: «Что случилось?»

— Вижу, здоров ты, Газзан. Присаживайся, присаживайся, говорю тебе, да расскажи нам, что нового в Огузе? Какие были-небыли людей волнуют?! Говорят, с Уррузом ты приехал, так ли? Приятно слышать. Ты, Газзан, сядешь вот тут. Горгуд, сын мой, ближе сядь, делом своим займись, записывай. Гылбаш? Встань с той стороны.

Видно мне было, что Газзан еще не уразумел происходящего. Почуять почуял, коли сынка своего Урруза с собой прихватил, однако до конца, сдается мне, сути дела не понимал. Устроившись поудобней, он снова бросил на меня взгляд, полный тысячи вопросов, я же, взглядевшись в него внимательно, заметил, что руки его, почтительно сложенные на коленях, пробирает мелкая дрожь и пальцы легонько подрагивают. Перехватив мой взгляд, Газзан спешно сунул руки под мутакке*. Затем обернулся к Байандур-хану и сказал следующее:

— Отец мой, хан. Уж больно настойчив был Урруз. Говорил: «К деду моему едешь — возьми и меня с собой, — умолял слезно, — позволь приложиться к руке его». Вот я и привез его, дабы он удостоился чести облобызать руку твою. Правильно ли я поступил?

— Прекрасный поступок, сын мой Газзан. Добро пожаловать. Раз на то пошло, вы бы и дочь нашу, Бурла Хатун, с собой прихватить могли, чего уж там.

Насмешку в словах Байандур-хана почувствовали все, однако Газзан отвечал как ни в чем не бывало:

— «Вам доброго пути, — напутствовала нас Бурла Хатун, мой хан. — Отцу моему передайте поклон. Я-то сама недавно навещала его, руку его с почтением и любовью целовала». Так сказала Бурла Хатун.

* Мутакке — подушки-валики, на которые опирались сидящие на коврах.

Газзан, он еще тот Газзан. Сразу же дал понять, что известно ему о приезде Бурла Хатун и обо всем, что она тут говорила. Брови Байандур-хана сошлись на переносице, не тратя больше времени на недомолвки, решил он незамедлительно приступить к сути дела:

— Газзан, ведомо ли тебе, для чего ты призван?

Салур Газзан тотчас же набросил на лицо свое завесу искреннего удивления и, широко распахнув глаза, отвечал голосом ласковым:

— Не ведаю, отец мой хан. Меня не оповестили. Головой и мечом своим готов выполнить любое твое повеление. Ты только предоставь мне честь умереть на пути твоём. Что случилось? Ни набег ли на кого задумал? Я весь внимание, повелевай! — сказав это, Газзан огляделся по сторонам.

Не отрываясь от письма, я взглянул на Байандур-хана, мерно поглаживающего бороду свою. А Байандур-хан, удовлетворенно кивнув головой, отвечал:

— Газзан, об удали твоей беззаветной знает весь мир. Верность твоя... — тут Байандур-хан перевел дыхание и посмотрел в мою сторону, словно проверяя, пишу я или отвлекся. Я еще ниже склонился над бумагами, а Байандур-хан, удостоверившись, что я занят письмом, продолжил размеренно: — Верность твоя, Газзан, доподлинно мне ведома. Ведомо мне, что род твой славный корнями врос в землю Огуза. Птица Салур осеняет тебя крылами, вдохновляя на подвиги. Знаю и верю тебе. Я полагаюсь на тебя, Газзан. Ведь ты мой зять.

— Благодарствую, отец мой хан, будь славен вовек! Предоставь мне возможность сложить голову мою темную во имя твое, окажи милость...

(Ай да Газзан! И как это он додумался до выражения такого — «голова моя темная». Впервые слышу подобное из уст его. Темная голова, каково, а? Почему, однако, «темная»? Недоставало только того, чтобы он, да сказал бы: «Да будет жертвою во имя твое темная голова». Нет, нет, не так: «Приношу тебе в жертву темную главу мою»? Именно так: «Прими как жертву, хан мой», можно и: «Бек мой, темную главу мою». Это гораздо лучше, не так ли? Не забуду, иншаллах.)

— Предоставь мне возможность сложить голову мою темную во имя твое, окажи милость, — сказав, Газзан распротерся на полу, принялся бить челом, выказывая свою бесконечную преданность Байандур-хану.

— Встань, Газзан, прекрати, Газзан, разве чужой ты мне? Да что это с ним? Гылбаш!..

Гылбаш почтительно, однако крепко полюбнял Газзана, удерживая его от слишком уж ретивого челобитья. Все еще бормоча: «Хан мой, отец мой родной, дороже отца родного», Газзан постепенно успокоился и наконец принял прежнюю позу.

— Сын мой Газзан, знай же — думы об Огузе лишили меня покоя. — Убедившись, что Газзан замолчал, Байандур-хан продолжил: — Думы те, Газзан, тяжелы безмерно. Сказывают, шпион завелся в Огузе, Газзан. Шпион!..

— Не ослышался ли я, мой повелитель? Шпион? — удивление Газзана было столь искренним, что даже я едва не поверил в то, что он впервые слышит о шпионе. Поразил меня Газзан. И вдруг что-то заныло внутри у меня, словно кто-то неслышно шепнул: «Взгляни на хана». Взглянул — и кровь моя застыла в жилах. Не на Газзана смотрел хан, взгляд его прикован был ко мне. Острым шилом взор его пронзал мое полное безграничного удивления лицо.

— Ты пиши, сын мой Горгуд, не отвлекайся, знай себе, пиши. — Голос Байандур-хана изменился неузнаваемо. Был ледяным, словно вода горного потока реки Селлеме. Он повернулся к Газзану, придал голосу теплоту:

— Видишь, Газзан, даже Горгуд в изумлении. Уж не хочешь ли ты сказать, что ничего не знаешь об этом деле?

— Не знал... я имею в виду, отец мой хан... знал, и шпион тот понес заслуженное наказание. Мы схватили его, именно так, схватили, бросили в яму, обрекли на муки нестерпимые. А потом... изгнали его, исчез он бесследно, покинул пределы Огуза, бесповоротно откочевал прочь от нас и уже никогда, иншаллах, не вернется. Извели мы его, отец мой хан, уничтожили... пропал он пропадом...

— Так ли? Уничтожили, говоришь... И как же именно? Четвертовали? Изрубили на куски? Вот это правильно... Решили, значит, чтобы другим неповадно было. Или башку его снесли одним ударом? Тоже правильно. Очень даже правиль-

но... Хвалю тебя, Газзан. Погоди, погоди, а может, сбросили вы его вниз головой с вершины отвесной скалы, чтобы досталось стерво его падальщикам? Что ж, и это недурно. Так, говоришь, уничтожили вы его, Газзан?! Так ли я понял тебя?

Газзан сидел, поникнув головой, как провинившийся ребенок, тело его до последней мышцы было предельно напряжено, но внутри, сдается мне, все трепетало.

— Нет, не четвертовали. — Голос Газзана звучал глухо.

— Не четвертовали?! — Голос Байандур-хана грохотал.

— Нет, отец мой хан. Но в том нет моей вины, знай. — Газзан был ни жив ни мертв.

— Можешь ли поклясться в том, Газзан?

— Отец мой хан... — Газзан уже не говорил, шептал.

— Газзан, спрашиваю еще раз, не гневи меня, Газзан, спрашиваю тебя еще раз: можешь ли поклясться в том, что язык твой не солжет?

— Могу, отец мой хан. Клянусь твоей головой, что не солжет мой язык, ничего, кроме правды, не произнесет.

(О какой правде говоришь ты, Газзан? Ведомо ли тебе, что правда эта обрушит на голову твою темную новые беды, знаешь ведь?! Истинна ли правда, о которой ты заговорил? Кто может знать, кроме всемогущего Тенгри? Поклялся говорить правду? Что ж, говори. Скажи всю правду. Скажи, скажи, что пришла, мол, ко мне Брюхатая Фатима. Открылась мне, что несчастный, которого вы, назвав шпионом, бросили в яму, и мне, и тебе приходится сыном, Газзан. Скажи. Скажи это. Ведь ты должен будешь говорить правду. Но после этого забудь обо мне. Забудь меня, Газзан, раз и навсегда. И впредь, попав в какую беду, Горгуда не ищи.)

— Нет, моей головой не клянись. — Байандур-хан ото-звался, наконец.

— Жизнью юного сына Урруза...

— Нет! — Байандур-хан разгневался не на шутку.

Газан растерялся:

— Как же мне быть-то?

И вдруг его осенило:

— Слушай, мой хан. Клянусь. Жизнью старой матери своей. Клянусь жизнью матери: нет на мне вины.

Гнев Байандур-хана, словно высвобожденная из тернистого кустарника радостная пичуга, в тот же миг, взмахнув крыльями, улетел прочь. Сказал хан:

— Вот сейчас верю тебе. Весь Огуз верит этой твоей клятве. Любишь ты свою мать, знаю.

(Здесь Байандур-хан даже слегка ухмыльнулся. По-видимому, припомнилась ему «делка» Газзана с предводителем кыпчаков по прозванию Неистовый Мелик. Это была известная история. Все в Огузе знали ее. Случилась она во времена одного из набегов Неистового Мелика, когда удача улыбнулась ему и он, разорив дотла приграничные земли Огуза, пленил и увел с собой много народу. Сам же Салур Газзан, бек над беками, предводитель Газзан с отборными воинами дружины своей в это время был на большой охоте. Так что земли его остались без защиты. Впоследствии Газзану за этот просчет пришлось особо отвечать перед Байандур-ханом. Так вот, враг частым гребнем прошелся по приграничным землям Огуза. Однако притчей на устах у всех стала история о том, какое условие поставил Газзан Неистовому Мелику перед ответным походом: «Можешь оставить себе все, что нагрбил. Оставь себе жену мою служанкой, сына моего нукером оставь. Верни мне мать — на этом сочтемся». Позже, отчитываясь перед Байандур-ханом, Газзан все тщился представить свое предложение Неистовому Мелику военной уловкой. «Хитрил я», — твердил Газзан. Поверил ли ему тогда хан, нет ли — сказать трудно, но суть дела не в этом. Вслед за Газзаном, отправившись в поход на врага, подоспели и другие огузские беки. Освободили плененных. Перебили врагов. Прослышав о словах Газзана, Бурла Хатун ровно год не разговаривала с мужем. «Меня предал, сына предал, землю предал, подлая твоя душа», — заявила она. При мне были сказаны слова эти резкие, своими ушами слышал я их. Газзан из кожи вон лез: «То была военная хитрость, не женское это дело». Однако сколько бы ни старался, сколько бы ни унижался, проку не было. Пришлось Газзану ехать в Гюнортадж, в ставку Байандур-хана, объясняться с ним. Только после этого пришло повеление Байандур-хана к Бурла Хатун. Гылбаш передал его на словах: «Женищина есть женищина, негоже ей вмешиваться в воинские дела мужчин. Газзан наш сын, наш зять — им он и

останется навсегда. Дочь моя, Бурла Хатун, знай свое место, перестань осуждать супруга. Сила твоя в покорности мужу», — так сказал Гылбаш.

Бурла Хатун покорилась, перечить отцу не решилась, ответила: «Да будет так» — и простила Газзана, переступила через обиду. И вот с тех пор стоило кому в Огузе поклясться жизнью матери, сразу же поминали Газзана.)

— Клятве твоей верю, успокойся. А теперь расскажи мне все, Газзан.

Байандур-хан поднялся с трона своего, встал напротив Газзана, возвысился над ним, впери в него глаза свои, спросил:

— Ответствуй мне, кто помог шпиону бежать? Ведь не птица же он. Кто-то поспособствовал ему, не так ли? Кому удалось провести стражников, словно малых детей, и умыкнуть пленника? Кто, Газзан, совершил это, какой негодяй? Ответствуй, Гылбаш!

Закончив, Байандур-хан вернулся на прежнее место. Гылбаш без лишних объяснений понял приказ Хана. Силен был Гылбаш, ничего не скажешь. Стоило ему обхватить голову Газзана и одному ему известным приемом сжать ее, как Газзан, ахнув, потерял сознание и мешком рухнул на пол. На людях отважен был Газзан, как барс, в одиночку мужество покидало его — все в Огузе знали это.

— Побрызгай воду на лицо его, — сказал Байандур-хан невозмутимому Гылбашу.

Гылбаш принес с другого конца комнаты кувшин и опорожнил его прямо на голову Газзана. Стекла вода с головы и лица Газзана на одежды его и впиталась в тело. Газзан, всхрипев, пришел в себя.

— Сын мой, Газзан, что с тобой? Уж не отшибло ли память твою? — Байандур-хан спросил без всяких интонаций в голосе.

— Ничего, отец мой хан. Ничего. Сам не понял, что со мной... В глазах потемнело, светлый день померк, чувств лишился, неизвестно отчего. — Прищурившись, взглянул на Гылбаша: — Поддай мне кувшин, Гылбаш, пить захотелось.

Гылбаш наполнил водой чашу, протянул ее Газзану. Тот судорожно схватил чашу и с такой жадностью, причмокивая и урча, стал пить воду, что со стороны могло показаться, буд-

то тысячу лет мучила его жажда. Пил он много и долго. Я, помнится, еще подумал: «Он что, реку текущую пьет?»

Байандур-хан, бросив опять быстрый взгляд на меня, обратил лик свой к Газзану и сказал так:

— Пиши, Горгуд, ты пиши себе, сын мой. Газзан, еще раз спрашиваю. Помни о клятве. Говори только правду. Кто умыкнул шпиона? Сам скажешь или...

— Арруз умыкнул, мой хан, Арруз, — уже не раздумывая, выпалил Газзан.

— Брат матери твоей, дядя твой Арруз, так?

— Именно так, дядя мой Арруз.

— Конеротый Арруз? — хан переспросил с умыслом.

(Хорошее слово выдумал Байандур-хан. «Конеротый». И в самом деле, схож Арруз лицом с мордой коня. Однако не морде коня, но рту его уподобил Арруза хан. «Конеротый Арруз Годжа» — меткое имя, благозвучное. Запомнить бы надо.

Мгновение спустя я поразился, с какой легкостью подхватил Газзан слово хана и присовокупил его к имени Арруза. То, что было у меня на уме, уже вертелось у Газзана на языке. Уж не улавливает ли он мысли мои?)

— Именно Конеротый Арруз Годжа и умыкнул подлого шпиона, мой хан, — повторил Газзан и почему-то взглянул на меня. Словно спрашивал: «Верно ли говорю?» Едва заметно кивнув головой, я постарался внушить ему уверенность. Мысленно я говорил Газзану: «Истинно так, ты на верном пути, продолжишь в том же духе, все образуется, иншаллах, ты на верном пути, истинно так».

— Истинно так, мой хан, верь мне. Арруз причина всех наших бед. Клянусь жизнью матери моей. Не веришь, спроси у Бурла Хатун. — Газзан все более обретал уверенность. — Все беды Огуза от Арруза, знай. Истинно сказано: Конеротый Арруз.

(Газзан едва сдерживался, чтобы не указать на меня, со владом с собой. Сподобил Тенгри, большой беды избежали.)

Байандур-хан молча откинулся на троне. Стал снова поглаживать белую бороду свою мягкими, осторожными дви-

жениями рук. Молчание длилось долго. По тому, как, не мигая, смотрел в одну точку хан, можно было судить о глубине его размышлений. Я посмотрел на Гылбаша, Гылбаш мельком взглянул на меня. Байандур-хан принимал решение. Смогли ли Газзан Байандур-хана в нужном, выгодном ему направлении увлечь? А что если вдруг и меня расспрашивать об Аррузе станет, что тогда? Одно ясно: Арруз Годжа назначен на убой, жертва помечена. Решение — страшнее смерти. Это точно. Арруз обречен. А то, что он родной дядя Газзана, еще сильнее подчеркнет беспристрастность решения Байандур-хана.

(Салур Газзан и дядя его, Арруз Годжа, никогда не испытывали друг к другу той любви, которая обычно связывает племянника и дядю по материнской линии. Будучи почти погодками, они с юных лет соперничали, причем Арруз всякий раз старался утвердить свое старшинство. Для пущей важности он даже раньше времени отрастил бороду и потому в сравнении с молодым Газзаном казался мужем преклонных лет. Именно Арруз Годжа нарек его я. Сейчас вот Байандур-хан добавил к имени удачное, как мне кажется, прозвище: Конеротый Арруз Годжа. Слепил два слова Байандур-хан, из двух сделал одно, а слава достанется мне: если суждено мне до конца вести записи, всяк скажет, что прозвище Аррузу сочинил Горгуд. Байандур-хан не пожелает, чтобы все узнали о том, будто это он дает имена и прозвища. Вот, к слову, и сейчас, произнеся «Конеротый», он, не глядя в мою сторону, голосом переправил мне это прозвище. Мол, запомни его, Горгуд, сын мой.

Они — Газзан и Арруз — не любили друг друга, это я уже отметил. У обоюдной ненависти дяди и племянника были причины и глубинные, и очевидные, однако была еще одна — сокрытая от глаз и ушей, схороненная в глухом, прочно забытом месте заветная причина... Она-то и вспомнилась мне, пока Байандур-хан пребывал в размышлениях своих.

...Это были худые для Огуза времена. Неведомое племя, невесть откуда явившееся, осело у отрогов горы Газылыг и перекрыло воды речки Бузлусел, одного из рукавов горной реки Селлам. Было видно, что бесчисленным ордам племени новые места пришлось по нраву и уходило отсюда они вовсе не собирались. Никто не понимал языка этого племени, объяснить с ними и понять их намерения не было никакой

возможности. Как это случилось не раз, на переговоры отрядили меня. «Пусть откроют путь воде. Взамен дадим все, что попросят», — наказали мне передать чужакам беки, собравшиеся в ставке Газзана. «Таково повеление Байандур-хана: идти должен Горгуд. Переговори с их предводителем, Деде. Мы согласны на любые условия». Без зазрения совести посылали меня славные беки на верную гибель...

...Предводителем оказался одноокий, хилый и невзрачный мужичонка. Единственный глаз его с такой жадностью впился в меня, будто живьем съест собирался. Обмер я, ноги прилипли к земле. «Только бы домой живым вернуться, всемиловитый Тенгри», — мысленно призвал на помощь силу Светкамня, поручил себя воле небес, вознося молитвы. «Каждый день будете поставлять нам по два человека и сотни овец. Это будет ваша плата за воду», — так сказал Одноокий, хотя речью это назвать было трудно. Тонким, писклявым, соответствующим его тщедушному телу голосом он проверял что-то, а стоящий на коленях рядом с ним толмач, откуда-то знавший наш язык, прокричал перевод. «В противном случае, вслед за водой перекроем вам воздух, уничтожим Огуз. То наше последнее слово».

— На что вам по два человека в день? — я спросил.

— Овец мы съедим, сердца людей — наш повелитель, — отвечал толмач, с любовью поглядывая на Одноокого.

«О, ужас, они людоеды», — осенило меня, и я попросил разрешения вернуться к своим.

— Ступай, — отвечали. — Но если завтра с утра все требуемое не будет доставлено, соглашение наше теряет силу. Пеняйте на себя.

Как я вернулся назад в Огуз, не помню, не знаю. Явился к Газзану. Выслушав меня, беки поникли головами, тяжело задумались...

...Байандур-хан внезапно вскочил с трона, подошел к окну и окликнул Гылбаша, уже готового выполнить любое повеление. Склонившись в поклоне, Гылбаш приблизился к хану.

— Гылбаш, опять пичуга запуталась в шипах. Кровью обливается. Ступай, освободи ее, выпусти, пусть живет.

И добавил еле слышно, словно для себя произнес: «Ну что с того, что она всего лишь пичуга малая, она ведь тоже

жить хочет, дышать хочет, летать по небу хочет, ну что с того, что она всего лишь пичуга малая...» — сказал тихо-тихо, но мы услышали.

Гылбаш высвободил пичугу, дал ей улететь и, не задерживаясь, вернулся назад к нам.

— Так... — начал Байандур-хан, прохаживаясь по залу, — значит ты, Газзан, обвиняешь Арруза, верно? Ты сам сказал это. Кому, как не тебе, знать себя самого? Однако... давайте зададимся вопросом, зачем это нужно Аррузу. Шпиона, говорю, зачем отпустил на свободу? Почему пошел против славных беков? Глупцом он никогда не был. Никогда. Берясь за дело какое, он всегда заранее продумывает все. Выходит, некий тайный умысел имеет...

— Отец мой хан... — встрял Газзан.

— ...Никогда не поступит он без умысла. Что сказать хочешь, говори! — нетерпеливо бросил Газзану хан.

— Отец мой хан, знай, шпион этот изначально служил ему. Освобождая подлую тварь, тем самым своего человека спасал Арруз. Верное слово, разве не так?

Байандур-хан промолчал. Вроде бы все сходилось. Шпион служил врагам. Шпион был человеком Арруза, Аррузу был известен каждый его шаг. Арруз направлял шпиона. Следовательно, и сам был предателем, сиречь врагом Огуза. Все стало ясно и понятно. Следствие можно было считать законченным. Да поможет нам Тенгри.

(А что если хан узнает или догадается о том, кто использовал шпиона для передачи в Байбурд вести о свадьбе Бейрека — что тогда? Восточку-то послал Арруз, но вот кто подвиг его, кто надоумил? О, всемогущий Тенгри, только на твою помощь уповаю.)

— Так значит, Арруз, говоришь, умыкнул шпиона, верно? — Байандур-хан спросил тихо, но в голосе его слышался явный подвох.

— Умыкнул, отец мой хан, Арруз и умыкнул, — Газзан подтвердил не раздумывая.

(А я вдруг как-то сразу понял, что Байандур-хану известно все. Ведомо ему и о малом совете, проведенном Газза-

ном, и о голосовании знает досконально. Знает, что никакого такого умыкания и в помине не было, что беки, каждый лично, признали шпиона невиновным и каждый лично же поддержал решение о его незамедлительном освобождении. В таком случае, почему, зная, как выглядит происшедшее на самом деле, Байандур-хан продолжает поиск конкретного виновника?! Ведь нет его — конкретного виновника!)

Молчание нарушил Байандур-хан:

— А не расскажешь ли нам, как повел себя Арруз после задержания шпиона? — наконец, спросил Газзана Байандур-хан. — И чего это ты, Газзан, умалчиваешь о малом совете с беками? Ведь провели же вы малый совет, верно? И по первому разу все прокричали решение: смерть. Не так ли?

— Так, истинно так, повелитель, — Газзан отвечал торопливо, было видно, что он решил, не раздумывая, соглашаться со всеми словами хана. — Я и сам сказал, мой повелитель, я первым сказал: смерть и только смерть. Кровь и только кровь. В назидание Огузу. Чтобы впредь никому неповадно было ступать на тропу предательства. Измена Огузу есть измена лично мне, есть измена самому Ханлар-хану Байандур-хану, можно ли стерпеть такое?! Кровь должна пролиться, месть должна свершиться. Только кровью смоем шпион свое злодеяние. Смерть, только смерть, одна лишь смерть будет достойным воздаянием подлому изменнику. Четвертовать, на мелкие кусочки изрубить, повесить, извести, уничтожить, причем не только его, много еще подозрительных людей в Огузе. Дели Дондар, Алп Рустам, Бекил... Арруз недалеко стоят от шпиона разоблаченного, мой хан. Рубежные огузы превратились в очаг вражды, болтают все, что на ум взбредет, своевольничают. Нас — опорных огузов извести хотят, но не удастся им никогда! Не бывать тому. Мы, мы уничтожим их. Всех до единого... Уф-ф. Деде... Деде... — Газзан вдруг обмяк, словно обесилел от непомерной ноши, почему-то обратился ко мне, с мольбой в голосе проговорил: — Деде, разве по иному мыслю я, Деде?! Деде, подтверди. Скажи, хану нашему...

Я потупился. Что я мог сказать? На мое счастье, Газзан и не ждал моего ответа. Выговорился, облегчил душу и замолк. Ну и дела! Чтобы Газзан да открыто высказал такое? Сдается мне, что не только в угоду Байандур-хану сказано, открыл-

ся Газзан, все мысли свои тайные, годами скрываемые в душе, выложил сегодня Газзан. Поделился с ханом и, выдохнув «уф-ф», успокоился. Дракон, огонь извергающий, вмиг превратился в кроткого агнца.

Я заметил, что Байандур-хан с Гылбашем с таким интересом смотрят на Газзана, будто впервые узрели его. Да Газзан ли это? Газзан ли осмелился произнести такие слова?

Всемогущий Тенгри, обрати зло в добро! Всемогущий Тенгри, ты превыше всего, прости, прости нас. Настоящего Газзана не знал я до сих пор, всемогущий Тенгри, прости, прости его, сам не ведал он, что говорил, не понимал, что прилюдно призвал к расколу Огуза. Не осознавал, несчастный, что возжелал раздора. Прости его. Всемогущий Тенгри, только ты истинно велик.

(Все, что в тайне замыслил, некоторое время спустя Газзан претворит в жизнь. Согласно заведенному обычаю, один раз в несколько лет предводитель рода-племени должен был отдавать на разграбление соплеменникам дом свой и все свое достояние, кроме жены благоверной. Откуда и когда повелось так, не знаю, но свято чтили мы обычай, веря в то, что нет у вождя иного блага, кроме блага соплеменников, и что сторицей возвращает всемогущий Тенгри силу и славу предводителю, щедро и без сожаления отдающего свое добро. Байандур-хан повелит Газзану: «Отдай на разграбление бекам опорных и рубежных огузов дом свой». Исполнит Газзан повеление. Но рубежных огузов не пригласит. По причине этого и начнется открытая вражда.)

Байандур-хан снова устремил взор свой во дворцовый двор. Потом медленно, словно нехотя, обернулся к нам. Сказал:

— Гылбаш, прикажи привести внука моего Урруза. Вы же ступайте, отдохните, на сегодня довольно, я призову вас.

Все мы встали, поклонились и вышли из приемных покоев хана нашего.

* * *

...Молодого Урруз-бека нашли с трудом. Не усидел он на подворье деда, незамеченным вышел через Главные врата и

отправился на Конский майдан. Молодой, одно слово. Доложили Байандур-хану. Тот усмехнулся в усы: «Так, говорите, ушел со двора? Значит, и к невольницам не направился? Что ж, ушел так ушел, однако по возвращении пусть зайдет ко мне. Пусть не уезжает домой, со мной не повидавшись. На Конский майдан потянуло... Знать, вырос уже, негодник». С нескрываемой любовью произнося эти слова, Байандур-хан проследовал в эндерун*.

Мы с Гылбашем вышли во двор перед покоями хана. Газзана рядом с нами не было. Словно дожидаясь нас, солнце тут же устремилось к вершине вяза, да там и замерло. И снова тень от его ветвей пятнистым зеленым ковром устлала землю. Гылбаш обратился ко мне:

— Сесть напротив — не значит быть против. Если ты не против, присядем, Горгуд. — Один Гылбаш мог так приладить слова, чтобы в них одновременно звучали и просьба, и приказ. Не дожидаясь ответа, прошел под вяз и сел, скрестив ноги. — Проходи, садись рядом. Не желаешь ли чего выпить? Может, поесть хочешь? Небось, проголодался? — На сей раз он спрашивал без выкрутасов.

Присаживаясь напротив Гылбаша, я отвечал сдержанно:

— Не без того, проголодался, неплохо бы перекусить. Но вина пить не буду. На допросах Байандур-хана голове ясной должно быть. Захмелею — стыда не оберусь.

Гылбаш одобрительно улыбнулся.

— Хорошо рассуждаешь, — сказал, — я тоже от вина воздержусь, а вот что скажешь о виноградном соке?

И снова, не дожидаясь ответа, кивком головы подозвал двух нукеров, застывших поодаль в готовности выполнить любой приказ без промедления. Нукеры подбежали.

— Приказывай, господин, — произнесли они, склонившись в поклоне.

— Принесите из того, что готово, поесть — плов принесите, да чтоб с мясом, лепешек прихватите да айран* не забудьте. Как быть с виноградным соком, Горгуд? — снова обратился ко мне Гылбаш.

Не подумав как следует, я отвечал беззаботно, не зная, что лезу в западню.

* Эндерун (фарс.) — внутренние, запретные покои.

** Айран — кислое овечье молоко.

— Можно, виноградный сок приятен на вкус, пусть несут, — сказал я, соглашаясь.

— Ступайте, принесите, что сказано. — Гылбаш отослал нукеров.

Нукеры бросились в сторону ханской кухни.

— Газзан, по всему виду, удалился вместе с ханом в эндерун? — Я намерился разговорить Гылбаша, но, чтобы он не насторожился, бросал слова лениво-равнодушно.

— Сильно ты привязан к Газзану, знаю, — словно бы невольно отвечал Гылбаш, применяя одну из своих уловок.

— Да и ты часто встречался с Газзаном.

— Очень часто, не отрекаюсь. А что?

— Ничего, просто сегодня почему-то одолевают меня черные упорные думы. Нельзя оставлять Газзана в беде, Гылбаш. Газзан надежда и опора всего Огуза, знаешь сам...

— А знаешь ли ты, что такое виноградный сок, Горгуд?! — Вот уже во второй раз уклонился Гылбаш от прямого ответа, будто опасался чего. Проследовал ли Газзан вместе с Байандур-ханом по-родственному во внутренние покои, или заперли его в тайной комнате — Гылбаш знал, но не ответил. Вторым вопросом я попытался осторожно выведать, действительно ли над головой Газзана сгущаются тучи. Гылбаш остался верен себе. Оба вопроса оставил без ответа. Заболтал «виноградным соком», явно путает меня, сбивает с толку. Ловушку готовит. Заячьи силки. А я-то каков? Сам полез в западню.

— Виноградный сок... как же не знать мне?! Виноградный сок... это и есть виноградный сок... то есть сок виноградных ягод... — бормотал я, не понимая, чего это вдруг Гылбаш зашелся в радостном смехе.

— Сейчас принесут, выпьешь, узнаешь. Виноградные ягоды, говоришь? — сказал он, отсмеявшись.

— Узнаю, что с того? — Терпение мое слегка заколебалось, готовое переполнить обычно глубокую чашу. Голос мой прозвучал сурово.

— Не горячись, Горгуд. Успокойся. Скажи, разве виноградный сок не есть то же самое, что и вино?! Что станет с виноградным соком три месяца спустя?! Подумаи-ка...

Подоспели нукеры с едой и баклагами воды. Сначала растелили скатерть. Потом расставили еду. Поклонившись, отошли в сторону и застыли безмолвно. Ждали приказаний.

— Гляди, вот он, виноградный сок. Разве это не вино? Разница лишь в том, что хранился он несколько месяцев в деревянных колодах, а теперь готов для питья. Вот виноград, а вот виноградный сок. Разве не так? — Гылбаш наполнил мою чашу хваленным виноградным соком.

Я растерялся, расстроился даже. Мысленно корил себя за то, что не смог распознать столь нехитрой ловушки, заключенной в обычных словах.

— Сказал же, не горячись. — Гылбаш в знак примирения положил руку мне на плечо. — Мы братья. Или шуток не понимаешь?.. Пей. Пей, пусть думы твои растворятся в виноградном соке. Такую голову, как твоя, не всякое крепкое вино одолеет. А это — так себе, не очень-то и крепко. Совсем не хмельное.

Благословясь, приступили к трапезе, ели, пили много. Постепенно и настроение поднялось. Солнце потянуло за собой наш ковер: набросило его сначала на ханский дворец, потом накрыло им все подворье, занавесило Гюнортадж, а затем и весь Огуз. Ковер двигался плавно и неумолимо, и это был уже не наш ковер под вязом — это уже был другой ковер.

На том конце дворцового двора, в проеме Главных врат, показался всадник. Он спешил, нукеры приняли поводья, отвели коня на конюшню, а приезжий заговорил о чем-то с одним из нукеров: спросил что-то, тот ответил. Только потом незнакомец валкой походкой двинулся в нашу сторону. Мы уже завершили трапезу и, едва солнце начало припекать нам головы, встали, не забыв осушить последнюю чарку виноградного сока.

— Кто это может быть? — спросил я вслух больше себя, нежели обращаясь к Гылбашу.

— Кто, кроме Шершамсадина, обладает такой походкой? — Губы Гылбаша тронула легкая усмешка. — Я узнаю его по походке.

Гылбаш отвел взор от Главных врат, и взгляд его, острый, с прищуром, уперся в меня. Улыбка все еще змеилась у него на губах. Да, это был Шершамсадин. Странно, что я не узнал его сразу. Шершамсадин ускорил шаг, переваливаясь, почти подбежал к нам. Поклонился.

Я взгляделся в лицо Шершамсадина. Глаза его криком кричали такие вот слова: «Умоляю, Деде, спроси, ты спроси

о цели моего приезда. Этот Гылбаш ни за что не спросит. Подсоби мне, несчастному, окажи милость...»

— Здоров будь, Шершамсадин! Что случилось? В чем дело твое? Сам по себе пожаловал или хан вызвал тебя? — опережая Гылбаша, спросил я.

— Нет, отец мой Горгуд, — облегченно выдохнул-проговорил Шершамсадин, — ничего не случилось. Слава Тенгри, в Огузе все спокойно, благополучно. И хан не призывал меня к себе. Просто сердцем не утерпел, не смог удержаться. — Шершамсадин обернулся к Гылбашу. — Сердцем не утерпел, вслед за господином моим Газзаном отправился. Подожду его здесь. Если Гылбаш позволит...

— Что ты говоришь? О чем просишь? Разве чужой ты Гылбашу, разве не наперсник тебе Гылбаш? Добро пожаловать, друг мой, мы рады видеть тебя! Одарил ты нас присутствием своим... — Честно говоря, даже мне радушие Гылбаша показалось чрезмерным.

— А мне вас одарить нечем, с пустыми руками явился. Спешил очень, потому. Сидел себе, вдруг в голову ударило, мол, вставай и поспеши в Гюнортадж. Куда господин мой Газзан, туда и я.

(Ну как тут удержаться от смеха раскатистого? Мы с Гылбашом, закусив губы, смотрели друг на друга. Нет, конечно, Шершамсадин был верным соратником. Всегда был рядом с Газзаном. Для Газзана он был тем, кем Гылбаш для Байандур-хана. И что же должен подумать Байандур-хан, когда ему сообщат о приезде Шершамсадина? Он и сам наверняка намеревался вызвать его на следствие — показания Шершамсадина на многое могли бы пролить свет. Сам явился, знать, в буйной его головушке закопошились сомнения, неосознанные, но верные. Ах, ты, Шершамсадин, удалец наш... как бы не испортил все, всемогущий Тенгри, у него же весь ум в правую руку ушел, только он мог ляпнуть сдуру: «Торопился, с пустыми руками явился». В самом деле трудно удержаться от смеха раскатистого.)

Гылбаш сотрясался от беззвучного смеха. А Шершамсадин хлопал глазами, не понимая причины возникшего замешательства. Я подумал: «Всемогущий Тенгри, этот парень

никогда не отличался умом, но вдруг он хитрит, потешается над нами, надоумь меня, всемогущий Тенгри, чему быть должно, то неминуемо, но сделай так, чтобы венец дела добрым был».

Гылбаш, с трудом сдерживая смех, сказал:

— Шершамсаддин, ты правильно поступил, явившись сюда. Все равно хан повелел призвать тебя тоже. Но только после Газзана. После Газзана хан желает видеть тебя. Я как раз собирался отправить посыльного за тобой. А ты сам явился, ну и прекрасно. Да не особенно-то сокрушайся, что с пустыми руками пришел. Не беда, в следующий раз осыплешь нас дарами.

Гылбаш открыто издевался над простодушным воином и, вдоволь потешившись, повернулся спиной к Шершамсаддину, кивком головы подозвал нукеров, наказал: «Займитесь им, подайте все, что ни потребует, накормите досыта, напоите, вина не жалейте, пусть отведет душу», потом, не обращая уже никакого внимания на опешившего Шершамсадина, легонько тронул меня за локоть, сказал: «Идем, Горгуд, хан ждет нас, опаздывать нельзя» и, не оглядываясь, быстрым шагом пошел впереди меня.

Только сейчас я понял, что все время — и когда мы ели, и когда беседовали с Шершамсадином, одним глазом, а порой и в оба глаза Гылбаш смотрел на окно тронного зала. Гылбаш ждал знака, Гылбаш получил его.

— Поспеш! — Гылбаш спиной почуял, что я догнал его, но приказывал он не мне, он словно себя подгонял. Войдя в комнату, мы увидели хана — отдохнувшего и поджидающего нас.

— Проходите, садитесь, — Байандур-хан приказал.

Опустив головы, мы заняли свои места — я у окна, Гылбаш напротив окна. «Чтобы видеть все, что происходит во дворе, — мелькнуло в голове. — Глаз у него, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, как у сокола сапсана, все видит, все замечает, словно и на затылке глаз имеет, чудовище». Подумал о глазе Гылбаша, снова вспомнил подлого злодея... Одноокий на ум пришел. «Сохрани нас от повторения ужаса пережитого, всемогущий Тенгри», — мысленно вознес я мольбу в небеса, голос Байандур-хана вернул меня на землю — в диванхану*. Но до этого я успел вспомнить, как...

¹ Диванхана (фарс.) — судилище, где заседали советники шаха.

В этом месте текст рукописи в очередной раз обрывается, и для нас, к сожалению, навсегда останется тайной, что успел вспомнить Деде Горгуд.

— ...Горгуд, сын мой, как ты думаешь, Гылбаш, что ты скажешь? Что-нибудь уразумели из прошлой беседы? Верно ли объяснил Газзан происшествие? — обратился к нам Байандур-хан.

Мы снова мельком переглянулись с Гылбашем. Тот кивнул головой, мол, начинать тебе: «Конечно же первым должен говорить я. Ведь хан назвал мое имя первым».

(Негодный сын негодника. Ишь, себе на уме. Где тебе равняться со мной? Но так ли ты силен, чтобы со мной тягаться... Или, думаешь, перехитрил меня соком своим виноградным?..)

Я отвечал:

— Мой хан, думается мне, Газзан-бек сказал правду. Вот только про малый совет утаил. Скорее всего — забыл. Взволнован сильно. Правда же заключается в том... Хотя и тяжело мне, но скажу. Ни сегодня, так завтра быть беде, угроза нависла над Огузом, знай, мой хан.

— Неужто? — притворно удивился Байандур-хан, ясно давая понять, что ведомо ему не меньше, чем мне. Тем не менее, потребовал:

— Говори, Горгуд, сын мой. Говори без опаски. Расскажи подробнее, что это за беда витает над головой народа нашего?! Удивительны слова твои. Страшны слова твои... — Как ни старался хан придать голосу своему равнодушие, понял я: внутренне он заарканен моим заявлением.

Я осмелел. Сказал:

— Мой хан, не спрашивай. Не спрашивай меня. Вот Газзан указал на Арруза — ты слышал сам. Меня не спрашивай. Кого пожелаешь — спроси, только меня не спрашивай. Знай это: опорные огузы и рубежные огузы ныне уже не являют собой прежний весь Огуз. Нет сомнения, мой хан, между ними завелась вражда. Сегодня она подспудно тлеет, завтра запылывает огнем. Храни хана, всемогущий Тенгри!

— Так-так... Продолжай, Горгуд, — облокачиваясь на мутакке и не сводя с меня глаз, проговорил Байандур-хан. — Разговор предстоит нам долгий, продолжай.

(Когда Байандур-хан вот так, прищурившись, не сводит глаз с собеседника, значит, заинтересован, и все внимание свое обращает на суть беседы. Смотрит на тебя, а видит сокрытый смысл слов твоих. И ничто не способно отвлечь его внимание, ибо он сам весь внимание. Мало случаев могу припомнить, когда вот так щурились глаза Байандур-хана, долго наблюдал я за ним — таким его видел всего несколько раз. И вот сейчас не сводил он с меня взгляд прищуренных глаз своих.)

Я продолжил:

— Истинная суть происшедшего спрятана глубоко, далеко и надежно, славный хан. Разговор предстоит более длинный, чем предполагает мой мудрый хан, прости за дерзость... Чтобы добраться до сути, кафтанов много снять придется...

Байандур-хан сказал:

— Горгуд, сын мой! Насколько мне известно, враг не стоит у наших стен, реки не разлились, потоки селя не грозят затопить, а горы не намереваются обрушиться на нас. Что за нетерпение подгоняет тебя, Горгуд, или дело спешное имеешь? А мы вот свободны от дел насущных. И времени у нас предостаточно. Верно, Гылбаш? Говоришь, много кафтанов надето на истину? Что с того: вот ты и расстегни все пуговицы и крючки, обнажи истину, оголи правду. Времени у нас много, не беспокойся. Да, слышал, слышал. Шершамсадин, негодный сын негодника, заявился. Видно, для него закон не писан. Разве вызывали мы его? Нет, не вызывали. Ну, ничего. Ничего страшного. Чувствуешь ли ты, сын мой Горгуд, как ослабли поводья Огуза, как изнежилась узда?! Всяк творит что вздумает. Вздумалось Шершамсадину посетить ханское присутствие, скачет в Гюнортадж. Завтра раздумает — не явится на зов. Нельзя. Нельзя так.

Я потушил голову.

— Тебя это не касается, — Байандур-хан продолжал. — Ты-то чего стыдишься? Тебя это, повторю, не касается. Это суть другого вопроса... О чем это я говорил? Ах да, нет у нас

ныне неотложных дел и временем располагаем. Так что начинай с самого начала, издалека и с глубины. Как было сказано, сорви кафтаны, разоблачи суть. Пусть она предстанет в первозданной своей наготе. Проникни в плоть тайны. В дух тайны. Начни сначала, с основы. Посмотрим, что ведомо тебе, а что сокрыто от острого ума твоего.

Байандур-хан остановил поток слов своих. Я же выжидал, полагая, что он захочет сказать еще что-то. Захотел и сказал:

— Знай же, Горгуд, сын мой, наступит день и все истории, события, происшествия, приключения и наваждения пригодятся тебе, понадобятся. Посему будь предельно внимателен. Внимание важно — спору нет, но прежде всего будь справедлив. Трудное это дело — быть справедливым. А теперь... Я слушаю тебя. В чем сердцевина тлеющей вражды, о которой ты заявил? Ведь это ты сказал: вражда завелась. Не я произнес эти страшные слова. Гылбаш, кто сказал это, чьи это слова?

— Горгуд сказал, мой хан, его это слова, — подтвердил Гылбаш.

— Так пусть он и отвечает за свои слова, — хан сказал.

В комнате повисла тишина. Никто из нас не решался нарушить ее. «С чего мне начать, всемогущий Тенгри? Взять да и выложить все, что знаю? А если Хан гневом воспылает на опорных огузов — что тогда? Пошлет Гылбаша с карательным отрядом покарать их? Каждому из беков воздаст по заслугам... А если беки потом сообща порешат отомстить мне? Всемогущий Тенгри, на тебя уповаю. А с другой стороны... Если утаю, недоговорю что-то из того, о чем Байандур-хану доподлинно известно, — что будет тогда? Не зря же он сказал: «Знать хочу, что знаешь ты, а чего не знаешь...» Так сказал Байандур-хан. Что делать? На кого мне уповать? Иного выхода нет, как рассказать все, что знаю. Всемогущий Тенгри, укрепи дух мой, вдохнови душу мою. Свет-камень, к подножию твоему припадаю. Всемогущий Тенгри, именем своим благим осени меня и отпусти грехи мои.

И начал я говорить словами искренними. Резвы ноги скакуна, быстрее ветра язык озана*. Однако не каждый озан дар

* Озан — шаман-сказитель.

имеет. Я же озан по милости Тенгри. Порой мне самому мнится, будто доносятся до меня вести верные из мира, сокрытого от глаз людей. Что будет, каким будет — никому то неведомо. Кроме меня. Начал я говорить так истово, что остановиться не мог. Три дня и три ночи длился мой рассказ. Ровно три дня и три ночи Байандур-хан не проронил ни слова, ни разу не прервал меня, в урочное время приносили еду, молча трапезничали, и снова я продолжал рассказ. Иногда малая смерть поглощала Байандур-хана, впадал он в забытие, и мы с Гылбашем тут же прислоняли головы куда придется, чтобы сном подкрепиться. За миг до пробуждения Байандур-хана Гылбаш толкал меня, я прогонял сон из глаз, готовился продолжать рассказ и всякий раз обнаруживал, что Байандур-хан уже открывает глаза и, не говоря ничего, лицо свое и взор свой устремляет на меня — как бы знак дает, мол, продолжай. И я продолжал. Так прошли-пролетели три дня и три ночи. За все это время хан ни разу не вспомнил томящихся во дворе Салур Газзана, Шершамсадина, Урруза, как, впрочем, и многих других, ожидающих в свой черед предстать перед ним. Три дня и три ночи я, Горгуд, говорил, а хан над всеми ханами — Ханлар-хан Байандур-хан слушал мои слова, вслушивался в мой голос. Что я рассказывал? Почему? Может, вовсе и не должен был я все рассказывать Байандур-хану? Не знаю. В одном уверен: это всемогущий Тенгри вдохновил меня, говорил я и опустошался, опустошался я и обмякал, на исходе третьей ночи — полумертвый и почти бездыханный — завершил свой рассказ, сомкнул уста свои...

А начал я, Горгуд, свой рассказ так:

— Славный хан! Ты один есть опора всего Огуза, на тебя уповают в беде и печали. Возносятся в небеса молитвы о здравии твоём, именем твоим клянутся люди, и крепче той клятвы нет. Горы наши высокие — тебе одному принадлежат, реки наши полноводные — тебе одному принадлежат. Велика твоя армия, неисчислима рать, множество рабов и нукеров служат-прислуживают тебе. Но ведомо ли тебе...

Это место «Неполной Рукописи», как сказано выше, словно бы заляпано чем-то, бумага осталась неповрежденной, однако в результате постороннего воздействия последующий

текст прочтению не поддается. Можно предположить, что около двух-трех страниц текста восстановить не удастся, так что часть записей Деде Горгуда для нас может считаться потерянной навсегда. Не думаю, что когда-то кто-то намеренно оборвал рукопись на самом интересном месте и тем самым сознательно повредил ее. Наверняка все обстоит иначе. Однако все малые и большие случайности, сведенные воедино, обретают одно общее имя — СУДЬБА. Я не имею здесь в виду судьбу Огуза, речь идет о судьбе «Неполной Рукописи» — если СУДЬБА предопределила такую форму явления рукописи именно в наши дни, то что? Этот вопрос в данном случае для меня отсылался в разряд заурядных, окутанных риторическим флером надуманных проблем.

Последующий текст следует считать продолжением прерванного повествования Деде Горгуда, частью того, что он рассказал Байандур-хану за три дня и три ночи...

* * *

...и, как повелось, беки прислали за мной нарочного, чтобы я исполнил обычай имянаречения. Явился я к ним, спросил:

— Проявил ли он себя в бою, рубил ли головы врагу?

— Да, Деде, героем показал себя, немало голов срубил, в одиночку спас жизни сорока купцов, не утратился сотни разбойников, — беки отвечали с гордостью.

— Подтверждают ли честные беки, что юноша этот сердцем тверд, желудком крепок, печенью силен, почками не слаб? — я спросил.

Отвечали:

— Крепок, не слаб, силен. Он как почка весенняя на ветвях дерева нашего рода-племени. Нареки его, имя дай ему, Деде.

Вопросил я Байбура-бека:

— Скажи, Байбура-бек, как до сего дня звал ты сына своего?

Байбура-бек отвечал:

— Звал я сына Басам, Бамсы*.

* Басам, Бамсы — уменьшительно-ласкательное от «упругий», «тугой», «напряженный».

Сказал я:

— Так пусть взрослым именем героя будет Бамсы Бейрек*.

Юноша стоял передо мной, лицо его озарилось радостью, но вот в глубине глаз его заметил печаль, пригляделся и увидел отчетливо, что на лице его зримо отпечатались силуэты дня и ночи, сидящих друг против друга, скрестив ноги и взявшись за руки. Сердце мое кольнуло недоброе предчувствие. Напряг я дух свой и снова взглянул на юношу внутренним взором. Ничего не увидел, ничто не тронуло душу мою. Подумал: «Он чужой мне, моим не будет. Путь его простирается далеко, но с моим не пересекается. Все во власти Тенгри. Я тут ни при чем. Счастливого пути». Однако желтые змейки сомнения и тревоги клубком свились у меня внутри.

Повторил я имя, давеча данное, теперь, отведя парня в сторону от глаз посторонних, провел его сквозь имя нареченное.

Мой хан, после того как завершилось имянаречение, после того как дал я имя Бейреку, Байбура-бек и все славные беки обрадовались, возвеселились. В доме Байбура-бека устроили пир великий. Но в самой середине застолья, мой хан, сердце мое защемило, встал я и вышел из шатра. Стояла лунная ночь, воздух был чист, с вершин горы Газылыг веял свежий ветерок, наполняя грудь прохладой горных лугов. Тот, кого я нарек Бейреком, словно выслеживал меня, вырос будто из-под земли и застыл передо мною. Сказал:

— Деде, что угодно тебе, прикажи — все исполню.

В почтительности ему не откажешь, к чему лукавить? Но что-то в юноше было такое, отчего холодело у меня внутри и желтые ядовитые змейки сомнения начинали шевелиться. В ночном мраке лицо негодника поблескивало странными всполохами. Ушей моих коснулся то ли шепот, то ли стон. Небо ли нашептывало, земля ли постанывала — не разобрать, но смысл послания был ясен: накличет на Огуз беду большую этот отрок.

Тот, кого нарек я Бейреком, стрункой вытянулся передо мной, карие глаза его выражали беспрекословную покор-

* Бейрек — диалектная форма слова «бейрек» — «почка».

ность, но вот во взгляде его горели языки пламени, вырывающегося из недр вулкана. Стоит молча, исподлобья смотрит на меня и с интересом ждет слов моих.

— Сын мой, Бейрек, испытал ли ты страх, когда освобождал купцов от врага лютого? — я спросил.

— При чем тут страх, Деде?! Неведом он мне, — тот, кого я нарек Бейреком, отвечал вызывающе.

— И как же ты одолел врага? Их много, ты один-одинешенек...

— Только тебе откроюсь, Деде. Не было разбойников, их изображали мои друзья-товарищи. Подучил я их напугать купцов. Те впали в ужас от воинственных криков, а тут и я подоспел, разогнал нападающих.

— Как же так? И голов, выходит, не рубил ты? — Удивлению моему не было предела.

— Срубил одну голову, Деде, разве можно иначе? Отсек башку одному из своих ... Был такой, по прозвищу Йаланджикоглу*... Ему. Изменил. Этот негодный сын негодника ранил купца и припрятал отобранный у него товар в своей суме переметной. Это от меня-то?

— Не Йалынджик** ли это сын Йаланджика? — я спросил.

— Нет, Деде, не Йалынджик, был у Йалынджика брат-близнец, имя ему было Йаланджикоглу Паланджик***. Его... башку... хрясь... отсек, — Бейрек сказал.

Кровь застыла в жилах у меня, мой хан. С трудом заставил себя спросить:

— Прознал ли кто-нибудь о том? Отец твой или кто-то из славных беков опорных огузов знает?

— Нет, никто не узнал про это. Ни одна живая душа, кроме наиба моего. Ему я всецело доверяю. Теперь и ты знаешь, Деде.

Я был поражен, мой хан. Вот, оказывается, каким способом заработал этот негодник, сын негодного славное имя! И где он только хитрости набрался, когда успел — ведь мальчишка совсем...

* Йаланджик — имя собственное от «йалан» — «ложь».

** Йалынджик — имя собственное от «йалын» — «голый», «голь».

*** Паланджик — имя собственное от «палан» — «попона» и «обман».

— Почему же ты мне открыл свою тайну? — спросил я снова.

Тот, кого нарек я Бейреком, ответил:

— Знаешь ли, отец мой Горгуд...

И с этого места чтение рукописи затрудняется. Однако особой необходимости в реконструкции поврежденного отрывка лично я не вижу, так как из имеющегося текста, по крайней мере, два момента проявляются со всей очевидностью. Во-первых, мы видим, что Бейрек сам, без принуждения открывается Деде Горгуду и, по всей видимости, надеется на то, что Деде сохранит его тайну. Вернее, даже не надеется, а абсолютно уверен: Деде не выдаст его. Таким образом, здесь особо подчеркивается одна из функций Деде Горгуда, ускользящая при чтении художественного текста канонического варианта дастана. Каждый может доверить свою тайну Деде, ибо он — хранитель тайн. Славные мужи Огуза уверены, что тайны, доверенные Деде, будут хранимы им как зеница ока, никто не сможет выпытать их у него, Деде будет нем как могила. Но если ты носишь в себе тайны и ни с кем не делишься ими, джинны и шайтаны начинают преследовать тебя, стремясь во что бы то ни стало отомстить тебе — непременно придется отвечать за содеянное. Науке известны такие и схожие с ними поверья, бытующие у древних племен. Поэтому для многих Деде был весьма удобным выходом из положения: передоверь ему свою тайну, пусть он ее хранит и сам разбирается со всевозможными джинами-шайтанами. Из этого вытекает, что древние огузы всемерно старались избежать всяческих тайн, не по душе было им возиться со всякого рода секретами, заветами. В этом смысле избранность, магическая сила Деде Горгуда определяется также и степенью его причастности тайнам. Именно в этом заключается, на мой взгляд, первая причина.

Вторая причина коренится гораздо глубже. По-моему, Бейрек одним, как говорится, выстрелом намеревался убить двух зайцев, одним махом хотел решить две проблемы. Раскрывая Деде тайну, он тем самым превращал его в своего союзника, доверенное лицо. Один из авторитетнейших людей Огуза, чьи слова и речения воспринимаются как откровения свыше, чьим именем уже начинают клясться, как бы

автоматически становился гарантом осуществления дерзких планов, роящихся у него в мозгу.

Не будучи столь же убедительной, как первая причина, она тем не менее не должна сбрасываться со счетов хотя бы потому, что, как сказал выше Деде Горгуд или, кажется, Байандур-хан: если что-то приходит на ум, значит, оно имеет место в действительности, должно или может произойти в реальной жизни.

Одно из приведенных предположений, скорее всего первое, находит свое подтверждение в последующей части текста рукописи. Сам Деде Горгуд укажет на тяжесть груза тайн, подчеркнет невероятную ответственность вольного или невольного хранителя исповедей соплеменников.

— ...и потому передаю тебе свою тайну. Тебе хранить ее, Деде. — Тот, кого нарек я Бейреком, умолк, завершив свою речь.

Что оставалось мне? Мой хан, я стоял неподвижно, как громом пораженный. Этот негодник, сын негодяя заарканил и привязал меня к своей тайне. Хочу я того или нет, впредь я был обречен на хранение тайны Бейрека. Мука это невыносимая, мой хан, чистое мучение. Быть хранителем тайны такого рода, мой хан, честь невелика, пуще неволи подобное доверие, знай...

(Здесь присовокупить следует, что не всякий в Огузе удостоивается участи хранителя и владельца тайн. Слов нет — тяжкая это обуза, обременительная, однако прямой путь к уважению и особому положению ведет именно через изнурительную путаницу тайных троп. Не нами придумано, не нам и менять. Кто только не открывал мне свое сердце — страдалцы, обиженные на весь мир светлый убийцы и убиенные, матери, знающие тайну отцовства дитя своего, отцы, подозревающие мать детей своих... а еще — любящие, нелюбимые, не любящие, любимые... а еще — свекрови, доведенные до отчаяния невестками, свекры, горящие злобой к зятям... Все тайны Огуза перепоручены были мне. А я мог жить и дышать только потому, что, в свой черед, доверял их на хранение Свет-камню. Что бы я делал, не будь Свет-камня, не знаю...)

После разговора с Бейреком я вернулся в шатер. Беки уже захмелели, крепкое вино ударило им в головы. Все говорили разом, и никто не слышал другого. Я погрузился в размышления. Темные мысли змеились в голове. Все думал о Бейреке. «Надобно узнать будущее этого парня у Свет-камня, всемогущий Тенгри перегородил пути его разума. Никто до сих пор не осмеливался говорить со мной в таком духе. Будущее его мрачно и темно. Свет-камень, только Свет-камень просветит меня, его спросить надлежит». Так, сидя на пиру, раздумывал я, не замечая, что уже несколько раз вполголоса повторил последние слова. Смятение мое, однако, не укрылось от глаз пирующих. Байбура-бек, оказывается, давно наблюдал за мной. Спросил:

— Горгуд, отец наш, отчего не пробуешь вина? Или не понравилась? Прикажи, подадут все, что ни пожелаешь. Знаешь ведь, сегодня мой праздник. Сына моего нарек ты прекрасным именем. Желаю, чтобы всем было сегодня хорошо. Айда, нукеры, шевелитесь живее, несите Горгуду самого лучшего, самого крепкого вина! Захочет — выпьет, а не захочет...

Байбура не договорил, умолк. Видел наверняка, что не в себе я. Как ни старался, не мог до конца усвоить сказанное Бейреком. Если беки сейчас напоят меня, подумал я, не смогу во хмелю приблизиться к Свет-камню. Остаться же здесь и омрачать веселье хмурым видом негоже, да и неприятностями чревато.

— Путь мой далек, темен наш мир — позвольте мне покинуть вас, славные беки. Вы же ешьте, пейте, веселитесь. Разреши уйти мне, Байбура-бек, — сказал я и, не дожидаясь ответа, поднялся со своего места. — Благословен будь, попируем на большой свадьбе сына твоего. Радость и веселье да не покинут дома ваши, славные беки, счастливы будьте! А мне пора в путь.

Байбура-бек долго упрашивал, почти умолял остаться, гости дружно поддержали его, хмель развязал им языки. И только Бейрек стоял молча. Холодный блеск его глаз пронзал мне душу. Решительно откланявшись, я вышел из шатра, оседлал коня и, ни разу не оглянувшись, поскакал прочь.

Как я достиг заветной пещеры, каким путем добрался до Свет-камня, не помню, не знаю. Стояла лунная ночь. Звезды, рассыпанные по небу крупинками соли, мерцали одна ярче другой. Свет-камень излучал свое таинственное сияние. Приложил я руку свою к груди Свет-камня, где билось его сердце, спросил:

— О, Свет-камень, одной тайной стало больше сегодня. Слышишь ли меня?

Не последовало ответного знака от Свет-камня. Тишина окутала все вокруг. В ушах звенела пронзительная тишина. Я повторил вопрос:

— О, Свет-камень, прекраснейший из всех камней, мудрейший камень мой. Во сне или наяву, но ответь мне, ибо сегодня еще одну тайну доверили мне. Примешь ли ее на себя, или мне носить ее в себе, пока не сгноит, не изведет она меня?

И снова ответом мне была тишина, безраздельно царящая вокруг. Я так подумал: «Не есть ли особый знак молчание это? Конечно же это знак. Свет-камень подает мне знак согласия выслушать меня и принять новую тайну».

Воспрянув духом, ничего не утаивая, ничего не упуская, я рассказал все как было Свет-камню. Не издав ни звука, Свет-камень выслушал меня, а я принялся делиться с ним своими опасениями и сам не заметил, как впал в сонное забытие, в котором увидел, как...

(Пересказывать видение в точности нельзя, никак нельзя. Всемогущий Тенгри, вдохнови меня на превращение увиденного в потребное, желательное сказание, достойное называться «Огузнаме»*. Чтобы весь Огуз очи проплакал. Чтобы Байбура-бек, вскричав «О, сын мой!», зарыдал навзрыд, застонал в голос.)

Сон все раскрыл мне. Мог ли я, недостойный, сам по себе увидеть пророческий сон, в котором открылось будущее Бейрека? Все это сотворил Свет-камень. Сначала поверг меня в сонное забытие. А потом из недр камня стал сочиться туман

* «Огузнаме» (фарс.) — «Слово об Огузе»; «Сказание об огузах».

не туман, но дымка трепещущая пеленой окутала все вокруг и наконец объяла меня вместе с думами моими. Эта туманная пелена погрузила меня в сон, это она показала мне воочию все приключения Бейрека. Таковы чудесные возможности Свет-камня, мой хан. Сила его может проникать сокрытое временем и тайное делать явным. На что способен я без чудодейственной поддержки Свет-камня? Кто я сам по себе? Горгуд, только и всего. Горгуд, каких много. Разве не Свет-камень возвел меня в сан Отца? Разве не Свет-камень дал мне право называться Деде Горгуд?*

В сонном же забытии я увидел следующее. Мой хан, увидел я, что...

* * *

...Шах сегодня что-то рано пробудился ото сна. Проснувшись, он поначалу долго потягивался в постели и, чего с ним не случилось ни разу, продолжал ворочаться с боку на бок, жмурясь от лучей солнца, пробивающихся настойчиво в шахскую опочивальню сквозь обшитую золотой бахромой тяжелую бархатную занавесь. Везир-ага** давно уже поджидал шаха в приемной комнате диванханы. Сегодня должны были прибыть послы — посланники далекой страны, чей главный город, говорят, был выстроен посреди вод. Как они добрались — один лишь Худавенди-алем*** знает. Путь неблизкий, дороги опасны. Некоторое время спустя в приемной объявился и горчубаши****. Везир взглянул на него, он — на везира. Молчали долго. Наконец везир процедил ленивым тоном:

— Гиблейи-алем***** все еще отдыхать изволит.

— Послы вот-вот будут у дворца. А тут еще... — горчубаши оборвал фразу на полуслове.

— Что еще? — везир слегка вроде как оживился.

— Леле дело поручил. Спешное. Может быть...

— Поступай так, как велел Леле. С чего это ты решил со мной советоваться?

* Горгуд: «гор» — огонь, «гуд» — благо.

** Ага (фарс.) — господин

*** Худавенди-алем (фарс.) — Создатель миров — Аллах.

**** Горчубаши — глава личной стражи.

***** Гиблейи-алем (араб.) — Средоточие миров — титул шаха

— Аллах акбар, что я такого сказал?! Ничего такого, что могло бы вызвать гнев твой! — горчубаши замолчал и более не проронил ни слова...

... Сначала из внутренних покоев вышел фаррашбашы* Сафийар. Это означало, что тотчас же вслед за ним в диванхану прошествует сам шах. Однако на сей раз этого не произошло. Шах задерживался. Фаррашбашы Сафийар приблизился к везиру и что-то сказал ему тихим голосом. Везир-ага, кивнув головой, быстрым шагом покинул диванхану. Горчубаши взглядом подозвал Сафийара, тот незамедлительно подошел.

— Куда отправился везир-ага, что ты ему сказал? — спросил его горчубаши.

Фаррашбашы Сафийар опасливо огляделся по сторонам, но отвечал с почтительной готовностью:

— Про послов сказал. Шах повелел, чтобы задержал их везир-ага. Чтобы занял их чем-нибудь. Гиблейи-алем задерживается. И о тебе справлялся. Здесь он, сказал я, ждет повелений с готовностью.

— Так и сказал? Молодец, хорошо сказал. Каково самочувствие, как выглядит гиблейи-алем? Все ли благополучно, иншаллах?

— Все хорошо. Слава Аллаху, шах наш, да стану жертвой на его пути, чувствует себя хорошо.

— Слава, слава Аллаху, иди, займись делом своим. Слава Аллаху... — горчубаши кивком головы отослал Сафийара. Тот удалился.

И в тот же самый миг в диванхану вошел Гусейн-бек Леле**. Горчубаши вытянулся в струнку. Не поднимая головы, медленным шагом Леле прошептал к трону, постоял секунду и опустил у правого подножия трона. Головы своей он так и не поднял. Сидел и неторопливо перебирал зерна четок. Горчубаши подошел и встал напротив Леле. Не заметил, что при этом загородил собой окно.

— Отойди, отойди в сторону, во имя шаха нашего светозарного не загораживай мне свет Аллаха, — Леле произнес это тихим голосом, не поднимая головы.

* Фаррашбашы — глава фаррашей — личных слуг шаха; камергер.

** Леле — имя собственное, от диалектного «молочный брат», прибавляется к основному имени в качестве почетного прозвания.

— Леле, умереть мне у ног твоих, во имя же шаха нашего светозарного дело мое реши сегодня, прошу.

— Ладно-ладно, я же тебе сказал. Имей терпение. Сейчас не время — шах вот-вот выйти должен. Подожди. Хотя нет, нет, ступай с именем Аллаха, делами займись. Потом. Потом. Я же слово дал.

В дверях диванханы вновь показался фаррашбашы Сафийяр. Стремительно пронесся по приемной, цепко осматривая помещение. Потом обернулся к двери и застыл в поклоне.

В диванхану вошел шах. Из противоположной двери — Везир и остальные придворные. Леле вскочил на ноги. Горчубаши пал ниц и распростерся на полу. Леле почтительно приблизился к шаху, подошел к нему вплотную, преклонил колена — лицо его озарила искренняя любовь и восхищение.

— Ты уже вернулся, Леле?! — спросил шах, глядя Леле в глаза.

От группы придворных отделился везир-ага. Подойдя к шаху зашептал:

— Мой шах, послы ждут повеления...

— Да-да, знаю, не беспокойся. Леле, поговорим после, разговор будет долгим, так что сначала с послами побеседуем. Ты только скажи мне, поручение мое выполнено или?..

— Выполнено, мой шах, иначе быть не может. Исполнено точно в согласии с твоим желанием.

— Хорошо, очень хорошо. — Шах удовлетворенно коснулся плеча Леле. — Вставай, вставай же. Иди, подожди меня во внутреннем саду. Провожу послов — приду. Погоди. Он тоже здесь? — Последний вопрос свой шах задал, отведя Леле в сторону, и очень тихим голосом, таким тихим, что Леле скорее догадался, чем услышал.

— Здесь, да буду жертвой на пути твоём, — Леле отвечал, едва шевеля губами.

— Ну и как, выглядит как — сходство сильное?

— Почти полное. Сходство один к одному, повелитель души моей. Если еще рубанд* набросить, никто не отличит...

---

* Рубанд (фарс.) — темная сетчатая вуаль, деталь мужской и женской одежды.

— Хорошо. Поступай, как сказано. Жди в саду. Разберусь с послами, приду... Хотя погоди... Разве ты не участвуешь во встрече послов?

— Не знаю. Велено мне не было.

— Везир! — воскликнул шах.

Везир за спиной шаха преломился надвое.

— Слушаю, о совершеннейший из наставников, — отозвался он слегка испуганным голосом.

Однако насторожился везир зря: шах, вспомнив что-то, промолчал. В приемной воцарилась тишина. Некоторое время спустя тишину нарушил сам шах, он сказал, обращаясь к Гусейн-беку Леле:

— Хорошо, Леле, ты пока займись своим делом. Оно важнее. Я приду, как только закончу. Встречу с послами обсудим с тобой за ужином наедине.

Более шах не произнес ни слова, застыл на миг, а потом быстрым шагом вышел из диванханы. Везир, горчубаши и остальные придворные поспешили за ним. Леле какое-то время задумчиво прохаживался по диванхане, затем и он вышел следом. Диванхана опустела.

Так начинается параллельное повествование «Неполной Рукописи», и здесь оно впервые обрывается. Текст рукописи далее, словно это в порядке вещей, возвращается в прежнее русло повествования, точно так же, как чуть ранее без всякой мотивации перешел в абсолютно иную временную и содержательную плоскость. Сейчас вы сами станете очевидцами этого...

* * *

...В сонном забытии, мой хан, увидел, что под сводами пещеры, а может, и не пещеры, но напоминающего пещеру крепкого строения сидит обросший бородой некто. Присмотрелся внимательней, гляжу: вроде на нашего Бейрека похож он. Сильно похож, мой хан. Это и был Бейреком, мною нареченный, сидел он в верхнем углу пещеры, а перед ним расставлены во множестве яства и разносолы всякие, фрукты свежие и соки фруктовые. Пригляделся и баклаги с вином увидал. Чуть поодаль заметил девушек, трое их было, а мо-

жет, пятеро, сидели чинно, но глаза их сверкали. Рядышком с Бейреком примостилась красавица писаная, дева желанная. Одна из девушек заиграла на сазе*, другая тотчас же вспорхнула с места, руки раскинула в танце. Тот, кого нарек я Бейреком, обнял луноликую красавицу, прижал к себе. Девушка радостно приняла ласку, еще теснее прижалась к Бейреку. Потом спросила красавица томная:

— Почему бы и тебе не спеть песню, мой герой? Услышать бы и нам твой голос. А то все сам слушаешь, да слушаешь. Встань, раскинь руки широко, пройдишь в танце, покажи свою удаль лихую. По нраву ли тебе девушки наши?

Тот, кого нарек я Бейреком, отвечал:

— Ты одна мне по нраву. Одну тебя полюбил я.

— Так ли? Чем же это любя я тебе? Иль девушек мало в стороне вашей? Слышала, недостатка в красавицах нет и у вас. Сказывают, не уступают они юношам в скачках и рубке на мечях. Коли верно это, как ты до сих пор не полюбил ни одну из них? Отвечай, отвечай же. Не прячь лица своего. Лица своего не прячь от меня...

Да, мой хан, кое-что мало-помалу стало для меня проясняться. Это было подземелье крепости Байбурд, сомнений нет. Тот, кого я нарек Бейреком, был узником той крепости. А мы-то думали, что за долгие шестнадцать лет мучений он глаза выплакал в тоске по дому, роду-племени, Огузу, как же иначе?! Ошибались мы, хан мой. Радостным и бодрым увидел я того, кого нарек Бейреком. Бороду отрастил, только и всего.

Отвечал он девушке так:

— Разве могут они сравниться с тобой? В тебе обрел я предел своих желаний, утолил их. Ты — моя желанная, тебя лишь одну люблю.

— А как же невеста твоя — Банучичек? — Дочь инородца не оставляла свое, выскользнула из объятий Бейрека, обиженно отвернулась и повторила вопрос: — Была же у тебя невеста, Банучичек. Или забыл ее?

— Разве мог я полюбить ее, как тебя люблю? Еще не родившись, были обручены мы отцами нашими...

— Да возможно ли такое?

---

* Саз — шипковый струнный инструмент.

— Согласно обычаю, обручать детей можно в колыбели. Не мог пойти я против обычая, волю отца нарушить не мог. И сейчас некого забывать мне, любимая. Одна ты у меня. Только тебя око узрело — сердце полюбило. Всех забыл я. Но тебя никогда не забуду. Скажи об этом отцу своему, откройся ему. Пусть изрубит меня на куски. Только тогда я смогу забыть тебя.

— Ах, душа моя, ах, свет очей моих! Бейрек, Бейрек, мой Бейрек. Полюбила тебя. Никого видеть не желаю, тебя, только тебя, одного тебя. Око узрело. Сердце полюбило. Откроюсь отцу с матерью, нет сил моих больше терпеть. Кто-то другой лишь в могиле сможет возлечь рядом со мной. Покуда жива — только ты. Один лишь ты, — так говорила лунокожая красавица.

На миг показалось мне, что не Бейрек это привиделся. Не может того быть. В сонном забытии чего не узришь. Мнится мне все это, наваждение это, убеждал я себя.

Сплелись они в любовном порыве, мой хан. Губы к губам. Трепетали они, покусывали друг друга, впивались друг в друга до обморока. Девушки же танцевать не прекращали, и, танцуя, подхватывали чаши с водой, орошали лица влюбленных. Те, очнувшись на миг, вновь жадно набрасывались друг на друга, а девушки налюбоваться не могли на их любовные игры. Длилось это долго, сколь долго — не знаю. Как вдруг вбежала в круг девушка-охранница:

— Прячьтесь, живее! Отец твой, Байбурд, идет сюда. Сам Байбурд идет.

Мой хан, тут я окончательно убедился, что крепость эта есть владения Байбурда, привидевшийся бородач — Бейрек, а девушка эта — прекрасная дочь самого Байбурда.

* * *

Потом, мой хан, на крыльях сна унесся я в другое место. Крепко смежив веки, с закрытыми глазами стал я созерцать картины бедствия, свалившегося некогда на головы наши. Одноокого узрел, увидел иссушенные жаждой, потрескавшиеся, как земля в засуху, губы людей. Мой хан, словно наяву увидел я, как орда Одноокого перекрыла все проходы Огуза, так, что оставаться нестерпимо, а откочевать невозможно

стало. По одному прошли перед моим мысленным взором обреченные на гибель от рук безжалостных убийц. Ясно увидел я лица невольников, пленников, слуг и служанок, юношей и девушек Огуза, назначенных в жертву Одноокому. Увидел совет беков в доме Арруз Годжи. Услышал, как в крайнем раздражении бросал Арруз Годжа резкие слова:

— Где же хваленые герои, весь мир покорить грозившиеся? Где опора Огуза Салур Газзан? Где сын его — Урруз? Где Бейрек, Гантуралы, Шершамсаддин, Гарабудаг, где отец его Гарагунн? Нам ли, рубежным огузам, суждено одним сгнать в войне с Однооком, только наша ли это доля?! Ответствуйте, славные беки...

Увидел я беков, услышал, как Байбеджан, Дели Дондар, Дели Гарджар, Амман, Гыйан Сельджук с пеной у рта доказывали что-то. Но вот что доказывали, к чему призывали, разобрать, как ни старался, не смог, мой хан.

Потом увидел молодежь рубежных огузов, стройными рядами проходящую мимо стариков, юношей, с мольбой простиращающих руки и шепчущих тихо «воды, воды». Вел их на битву с Однооком старший сын Арруз Годжи Гыйан Сельджук. Арруз Годжа глазами выискивал среди молодых воинов кого-то, отыскать не мог. Спросил стоявшего рядом сородича:

— Басата не вижу. Куда он подевался?

Сородич отвечал:

— Мой бек, искали его с самого утра, не нашли нигде. Полагаем, снова отправился в лес.

— Сыщите его, сыщите и приведите ко мне, скажите, мол, отец хочет видеть тебя, а если откажется, пусть после этого на глаза мне не является до окончания времен. — Слова Арруз Годжи ядом брызгали с уст его.

И вот что вспомнилось, мой хан: и себя самого видел я со стороны. Да, это был я, сущий в собственном сновидении. Ведь я был там, на том совете, и я отчетливо помню, как Арруз Годжа, послав человека за сыном, взглянув на меня, горестно покачал головой, мол, вот ниспослал Тенгри сынка. Вслух же произнес следующие слова: «Горгуд, Горгуд, горе мое велико... сам видишь. Мошь и силу великую дал ему Тенгри, а разумом как был дитем, так и остался. Что поделаешь, может, явится на зов, уговорим его сообща. Чует мое сердце: если кто и справится с Однооком, только он один.

Гыйан Сельджук умен, страха не ведает, силой же... слаб он, слаб. Ему бы хоть полсилы Басата...»

Я спросил:

— Что говорит сам Басат, почему уклоняется от боя?

Арруз Годжа отвечал:

— Кабы знать. Твердит одно: не желаю проливать человеческой крови. Говорю: он враг. Отвечает: враг он или кто еще там, я крови проливать не стану. Горгуд, Горгуд, горе мое велико. Он словно и не сын мне. Коли придет, поговори с ним, прошу тебя.

Я сказал:

— Пусть только явится, там видно будет. Молод еще, многого не понимает. Растолкуем ему, что к чему. Ишь, что надумал — крови проливать не желаю...

— Так, именно так говорит. Наставь его, Горгуд, на путь истинный. По собственной воле послал я сына своего, свет очей моих Гыйана на верную смерть. Минует ли его погибель? Не минует. Не его это дело — война. Не ему тягаться с Однооком.

Сказал и зарыдал Арруз Годжа, слезы дождем пролились из глаз его.

Долго ли, коротко ли продолжалось это, не помню. Сколько времени прошло-пролетело, не знаю. Вот нукеры Арруз Годжи силком втокнули Басата к нам в шатер. Отряхнулся Басат, почтительно поприветствовал нас обоих вместе и по отдельности, а затем потупился, насупился и замкнул уста свои. По знаку Арруз Годжи нукеры вышли вон.

— Сын мой, Басат, где ты был? — спросил сына отец.

— В лесу был, отец, на своем месте, — отвечал Басат.

— Что это за место такое, Басат, сын мой? — я спросил осторожно.

— Есть в лесу поляна широкая. На поляне той только я бываю, да деревья, что вокруг стоят. Под ветвями тех деревьев волки, рыси, медведи и пантеры бродят свободно. Они меня привечают, я в ответ привечаю их. Место мое на той поляне. Рядом с Божественной Львицей. Она любит меня, — не поднимая головы, продолжал Басат. — Отец мой знает то место.

Мы молча переглянулись с Арруз Годжой. Некоторое время все трое не произнесли ни слова. Там же, в сновидении моем, вспомнилось мне, хан мой, вот что. Годами ранее, в

годы отрочества Басата не были еще руки его крепки, точно ветви дуба, станом не был строен и высок, как тополь, плечьями широк не был, словно холм крутой. Великаном не гляделся среди сверстников, был как все. И тогда вдруг исчез он в лесу, пропал бесследно на той самой заветной поляне, никак найти его не могли. Закручинился Арруз Годжа, затосковал. Явился я на его зов о помощи. «Горгуд, помоги, сын исчез. Пусть Тенгри вдохновит дух твой, скажи мне — где он?!» Внял мольбе горемычного отца, духом, мой хан, воспарил я. Закрыв глаза, разверз грудь — дух мой понесся к Свет-камню, совершил над ним полный круг, вернулся. Уста мои помимо воли моей проговорили: «Арруз Годжа, сын твой в лесу пребывает. Есть в лесу поляна широкая, окруженная дубами вековыми, осинами истовыми и буйными кустарниками ежевики, среди которых прохаживается Божественная Львица, логово ее там. Там твой сын, там ищи его».

Пошли, в указанном месте нашли парня, на счастье, не было в логове Божественной Львицы, вытащили его, домой приволокли.

— Сынок, ты человек, место твое рядом с отцом и матерью в доме своем, не безродный ты бродяга, ты сын своего племени, тебе предначертано стать опорой и надеждой Огуза. Негоже наследнику славного рода бродить среди зверей, ночевать в логове львов. — Я наставлял парня по возвращении.

Мой хан, слова мои не возымели над Басатом никакого действия. Не раз слышал я потом, что он продолжает свои побег в лес, с глаз людских долой укрывался он в излюбленном логове. Всякий раз силком возвращали бедолагу домой, иногда сам возвращался спустя много дней.

...Не выдержал Арруз Годжа, всхлипнул и застонал навзрыд, снаружи отозвались женщины и дети, зарыдали, запричитали, заверещали в голос. Басат же как стоял, так с места не двинулся, словно утес врос в землю. Глядя на его могучую стать, живо представил битву Басата с Однооким, справился у Свет-камня раз, справился два, и всякий раз выходило, что победа достанется Басату. Да, мой хан, Басат был превосходен, любо-дорого смотреть.

Арруз Годжа умолк. Молча оглядел сына, потом с надеждой взглянул на меня, глазами моля, мол, поговори с ним, может, ты надоумишь его, перестанет упрямитесь, пожалеет

нас. Я откашлялся и начал уговаривать Басата такими словами:

— Сын мой, Басат, знать ты должен и понимать. Брат твой старший Гыйан Сельджук на битву с Однооким отправился. Не осталось в Огузе более мужей, способных сразиться с врагом. Так что же теперь, ты будешь есть-пить, да бока пролеживать или возьмешь в руки меч свой обоюдоострый, оседлаешь коня боевого и пойдешь на бой с Однооким, дабы выбить единственный глаз подлого насильника?! Он враг, Басат, враг отцу твоему, враг всему Огузу. Юноши отважные в боях с врагами мужами достойными становятся.

Долго молчал Басат, наконец спросил:

— Что такое враг, Горгуд?

Честно говоря, мой хан, растерялся я, не нашел, что ответить. Нужные слова ниспосланы были Свет-камнем, сами собой прозвучали:

— Басат, врагом считается тот, кто... убивает нас, если может убить, и кого убиваем мы, если убить можем. Вот что такое враг, Басат.

— Достойно ли рабу божьему проливать кровь врага своего?

— Достойно, Басат. Враг для того и создан, чтобы кровь его проливать. Вот, скажем, как поступишь ты, настигнув в лесу хищного зверя?

— Разве тот, кого ты называешь хищным зверем, не живое существо, созданное по воле Аллаха и Тенгри для жизни на этом свете? Мне с ними делить нечего, им тоже нет дела до меня. Божественная Львица никогда не причинит мне зла, она благоволит ко мне, вылизывает, словно детеныша своего.

— А что ты сделаешь с тем, кто вознамерится пролить твою кровь?

— Тому, кто захочет кровь мою пролить... я... зла не причиню. Решу, не ведает он, что творит, неразумный еще, — Басат отвечал, размышляя, но уверенно.

В разговор вмешался Арруз Годжа, не выдержал, спросил:

— А если кто-то прольет кровь брата твоего Гыйан Сельджука, жизни его лишит? Простишь его?

— Нет... его простить не смогу, — на сей раз Басат отвечал с трудом. — Разве кому-нибудь зло сотворил Гыйан, чтобы смерти его желать?

— Гыйан Сельджук не вынес позора, сын мой Басат, не стерпел обид, нанесенных Огузу, не выдержал слез женщин и детей, стариков и немощных, не захотел видеть муки жажды, которые испытывают невинные люди. На битву отправился Гыйан. С Однооком сразиться отважился брат твой Гыйан. Не так ли, Горгуд? Скажи ему сам.

Я, опустив голову, бормотал одно лишь: «Так, так, верно, так». Когда поднял голову, взглянул на Басата, обнаружил, что слова отца смутили его. Взгляд застыл на одной невидимой точке, слов для возражений он не находил.

— Что скажешь, Басат? Знают все, знаю и я: только ты сможешь победить Одноокого, повергнуть его и уничтожить. Не по силам это Гыйан Сельджуку.

— Что скажешь, сын? — Арруз Годжа спросил с мольбой.

— Если хоть один волос упадет с головы Гыйана, Одноокому не жить, вот что скажу, — после недолго молчания ответил Басат. Мы с Арруз Годжа поняли, что решение его бесповоротно.

...Скоро пришла весть. Конечно же Гыйан Сельджук пал от руки Одноокого, сердце разорвалось, умер на поле боя. Об этом сообщили бежавшие в панике воины, это они сказали: мол, сердце разорвалось прямо на поле боя, там, мол, и умер. Небо обрушилось на голову Арруз Годжи, земля ушла из-под ног его. Рухнул он на землю, завыл в смертной тоске, рычал, словно зверь раненый. Заголосили женщины, стон витал вокруг нестерпимый. Басат же стоял неподвижно. Потом огляделся по сторонам и вдруг на глазах у всех стал меняться; глаза его налились кровью, тело вытянулось, руки-ноги набухли, и ростом он стал выше, неожиданно для всех без всякого разбега он с места подпрыгнул вверх, мой хан. Казалось, головой достал до облаков. В невероятном прыжке своим он перекувырнулся через голову и опустился в седло жеребца своего. А тот словно бы поджидал его. Взмыл свечой жеребец Текел, радуясь предстоящей битве. Пролетело мгновение, тысячелетия промчались, конь с всадником растворились в пыли. Отец Басата даже слез своих утереть не успел, он, как и я, пораженный увиденным, в изумлении всматривался в удаляющийся вихрь...

* * *

...Далее в сонном забытии привиделся мне Бекил. Стоял он со своим кланом на рубежных подступах к Гюрджистану* по твоему повелению, мой хан. Упавшего духом увидел Бекила. История Бекила длинна и замысловата. Имеет ли она какое-либо отношение к нашему делу или не касается его — не ведаю, тебе лучше знать, мой хан. Стычка Бекила с Газзаном, раздоры Бекила с Газзаном, обида Бекила на Газзана — все это произошло в одночасье и повергло Бекила в долгое уныние. Во сне же увидел другое. Увидел, что...

В этом месте рассказ Горгуда неожиданно обрывается. При сопоставлении с продолжением повествования видно, что для понимания общего содержания поврежденные страницы особого значения не имеют. По-моему, речь может идти всего лишь о двух-трех развернутых предложениях, отсутствие которых почти не влияет на суть и полноту истории, связанной с Бекилом.

...Во сне очутился я у рубежей Гюрджистана в пределах клана Бекила и направился к его жилищу. Увидел я, что у дома сидит женщина и горько плачет. Узнал ее — то была его благоверная. Звали ее Чешме Хатун по прозвищу Волоокая. Там же, во сне, спросил ее:

— Чего ты плачешь, почему рыдаешь, дочь моя Чешме?

Волоокая Чешме Хатун подняла свою поникшую голову, глянула на меня стылым взглядом, не видя, не различая поначалу ничего, потом признала меня и закручинилась пуще прежнего:

— Ты ли это, Деде? — произнесла. — Плачу по сыну моему, Имран причина слез моих.

— Что стало с сыном твоим? — я спросил.

— Не спрашивай, Деде. Сердце мое жалят, словно змеи, видения. Вот только что перед глазами моими ожила страшная картина. Все ведомо тебе о самом себе, неведомы тебе страдания наши. Знаешь ли о том, что из сопредельной стороны напал на нас Гара Таккур. Бекил же болен, с постели

---

* Гюрджистан — Грузия.

подняться нет мочи. На охоте увлекся погоней за дичью, не уберегся, ногу сломал. Вместо отца выступил против Гара Таккура сыночек мой Имран. Уж как я просила, как умоляла... Вступил в бой, сразился, это в его-то годочки... Смотри, смотри, Деде. Вот оно, видение. Вижу, что происходит на поле битвы. Гибель его близка. Меч инородца, чтобы пусто ему было, занесен, голова сына моего склонена, меч тот голову сына срубить готов, различаешь ли ты это в видении, как и я, Деде?! О помощи молю, о милости взываю. Да будет жертвою твоею темная глава моя, неужто откажешь в милосердии?! Во всем одна я виновата. Мой грех. Я несчастная, я бесталанная... ах... ох...

Мой хан, жена Бекила с пущей горечью зарыдала, а я, подумав: ум женщины короток, снова спросил:

— Где сам Бекил?

— Где же ему быть? Бекил дома. Встать не может. К постели прикован. Сказала же, ногу сломал на охоте. Газзан, будь он неладен. Чтобы пусто ему было до конца дней его. По его вине свалились на головы наши все эти несчастья.

— При чем здесь Газзан? — я удивился.

— Деде, ты только верни мне сына, все, все расскажу тебе. Иначе... прокляну всех вас. Деде, верни мне сыночка моего Имрана. Не вернешь, пусть один ваш враг непримиримый обратится в тысячу врагов, уж я молитвами своими упрошу Тенгри постараюсь. Бекил задумал откочевать в пределы кровавой земли абгазов*. Хочет покинуть родину опостылевшую. Причина — Газзан. Разве не знаешь об этом, Деде? Разве не был ты на охоте той приснопамятной, Деде? Газзан пригласил Бекила на большую охоту. Уж лучше бы на похороны свои пригласил. Разве не был ты свидетелем их ссоры? Деде, ты человек милосердия. Попроси Тенгри, чего тебе стоит?! Пусть инородец не убивает моего сыночка. Гляди, убить хочет. Гляди же. Вот оно, видение, перед глазами...

Мой хан, там же, во сне своем, стал я всматриваться в видение женщины и увидел юного сына Бекила, стоящего на коленях перед Гара Таккуром. Голова Имрана безвольно склонилась на грудь. Меч Таккура над ней занесен был. Выиграла в жилах моих кровь милосердия, мысль моя рванулась

* Абгазы — абхазы.

к Свет-камню, воззвала: «О, Свет-камень, мудрейший из всех камней, возлюбленный камень души моей, яви силу свою, воспрепятствуй намерению инородца, погубить желает юношу, не дай ему, отсрочь гибель Имрана, пусть застынет видение».

Не успела мысль моя вернуться ко мне, как видение воистину застыло. Онемели руки-ноги инородца, только зрачки его изумленно вращались в глазницах. Меч, вознесенный над головой юноши, повис в воздухе.

И сказал я Волоокой Чешме Хатун:

— К милосердию воззвала ты, гляди. Тенгри протянул тебе руку помощи. Гляди, видишь — видение твое застыло. Предвечный Тенгри явил свою милость, пощадил тебя и твоего сына. Теперь рассказывай по порядку — где Бекил, что это за вражда, что за битва? За что клянeshь Газзана? Рассказывай не торопясь. Сын твой под защитой, не беспокойся.

Волоокая поначалу глаз не могла оторвать от застывшего видения. Потом, как только смогла увидеть все, что видел я, упала к ногам моим, обвила их руками, заголосила:

— Деде, сам всемогущий Тенгри послал тебя мне! Деде, да разрушится дом, да обрушится кров всякого усомнившегося в святости твоей... Слушай же, Деде. Грех на мне, Деде, я проболталась о том, что Бекил сломал ногу. Чтобы отсох мой язык! Не смогла удержать его за зубами, рассказала служанке. Кабы я знала!..

— Знай же впредь: служанке служить не суждено, прислуживать ее удел, — я сказал.

— Не знаю, Деде, не знаю, кому пересказала новость служанка, не знаю, кто понес эту весть дальше. Но только проведал об этом Гара Таккур, воспрянул: «Поспешим, налетим на земли Бекила, ветром буйным пронесем, убивая и грабя. Житья от него не стало, поквитаемся».

— А Бекил с постели встать не может, так? — я спросил задумчиво.

— Именно так, Деде, прикован к постели, Деде. Решил он: «Пусть вместо меня сын мой Имран выступит против врага». Вот он и... выступил. Да что это мы на пороге разговариваем?! Проходи в дом, Деде, проходи. Уж как обрадуется Бекил, тебя увидевши.

— Как он может увидеть меня, Чешме? Ведь это же сон. Не сможет он войти в мой сон.

— Лишь бы ты пожелал, а он уж войдет. Непременно войдет. Деде, сотвори это, что тебе стоит? Бекил сам расскажет тебе о ссоре своей с Газзаном, обо всем узнаешь из уст его. Перескажешь Байандур-хану. Заодно поймешь, за что проклинала я Газзана.

С каких это пор стали мы посещать сны друг друга, возможно ли такое? Нет, невозможно. Нельзя входить в сон другого человека, не дано нам это. С другой стороны, важно узнать, почему женщина проклинает Газзана, повинен ли Газзан в несчастье Бекила и есть ли его вина в дерзком набеге Гара Таккура на пограничье Огуза? Поколебавшись, я снова подумал: «Ум женщины короток», и прошел вслед за Волоокой Чешме Хатун в дом. Провела она меня в опочивальню. Увидел Бекила в постели, лицо его опухшее, ногу, обмотанную тряпьем, увидел. Видно, боль была сильна, коли такой удалец, как Бекил, стонал в голос.

— Бекил, храбрец мой, чтостряслось с тобой? — я спросил с порога.

Мой хан, признаюсь, очень люб мне Бекил. Помнишь, как в урочное время вместо дани обычной получили мы от Гюрджистана клюку сучковатую. Поняли мы, что это вызов дерзкий, но все беки отвертеться пытались, никто не желал жить и сражаться на дальних рубежах, один он выступил вперед и сказал: «Если будет на то воля Ханлар-хана, я готов отправиться туда, я буду охранять рубежи Огуза».

Отправился, защитил, оборонил. Много сил и старания приложил, подвиги славные совершал, с тех пор вестей тревожных с рубежей Гюрджистана в Огуз не поступало. За беззаветную верность Байандур-хану, а, значит, и всему Огузу, полюбился мне Бекил. Сейчас же, видя его в беспомощном состоянии, сердце мое сжалось от жалости великой... Во сне том джубба* моя походная оказалась на мне: пошарил по потайным карманам и вытащил щепотку мелко нарубленной травы. Росла эта трава у подножия Свет-камня и была чудодейственной. Стоило пожевать ее, любая боль тотчас же уле-

* Джубба — верхняя мужская одежда; грубошерстный кафтан без рукавов со вшитыми внутренними карманами.

тучивалась. Взамен ее ты начинал ощущать блаженство, грезить наяву, а потом дух твой без всякого усилия покидал брентную свою оболочку, возносился к небесам, витал там беспрепятственно и, натешившись вволю, возвращался обратно в оболочку свою. Втиснул я щепотку травы в рот Бекила, сказал: «Жуй, жуй, не бойся», и стал ждать. Бекил взглянул на меня ослабленным взором, узнать не узнал, скорее всего, но траву жевать стал. Я видел, жует он с трудом, с неохотой, лишь бы отстали от него. Постепенно начал приходить в себя, глаза прояснились, засмеялся Бекил:

— Горгуд, ты ли это? — спросил, вроде признавая меня.

— Я, Бекил, это я.

— Чем потчевал ты меня? — Бекил спросил.

— Трава эта лечебная, жуй, боли твои улечутятся.

— Уже улечутились, Горгуд. — Бекил радостно засверкал глазами, но вдруг прищурился и спросил: — Что привело тебя сюда, Горгуд? — Бекил приподнялся в постели, облокотился на мутакке. — Женщина, — обернулся к Чешме. — Вели служанкам нести угощение, сам Горгуд пожаловал к нам.

— Не время для угощений, мой бек, — Волоокая Чешме Хатун ответила тихим голосом и потупила взгляд.

— Почему это? Что случилось? Или вести худые? Где Имран?

— Имран... сыночек мой... — Волоокая Чешме Хатун снова плакать собралась, голос ее дрожал.

— Бекил, погоди, с угощением не спеши, — обратился я к встрепенувшемуся Бекилу. — Выслушай меня.

— Горгуд, нога моя косточкой каждой разрывалась от боли, куда улечутилась боль? — Бекил спросил.

— Бекил, трава лечебная, ты пожевал ее, вот боль и улечутила прочь.

(Здесь Байандур-хан остановил меня, подробно расспросил о траве. Все, что знал о свойствах травы, без утайки рассказал я Байандур-хану. Сказал, что боли и муки утоляет. Сказал, что сознание расщепляет. В подробностях поведал, как начинаешь видеть себя со стороны, как дух оставляет тело, как облетает бесконечность и вновь возвращается в плоть. Байандур-хан велел принести ему этой

травы, не объяснив, для чего она понадобилась. Я же не спросил, надо будет — сам скажет.)

Бекил на глазах оживал. Очи его сияли. Он смеялся без умолку. При этом сам же удивлялся смеху беспричинному. Вдруг заозирался по сторонам, что-то важное ища:

— Где Имран, сын мой? Он же выступил против врага, не вернулся еще?

— Не вернулся, — Волоокая Чешме Хатун отвечала, не поднимая головы.

— Что с ним? — Бекил резко обернулся ко мне.

— Бекил, сын твой едва не погиб от руки Гара Таккура, слава Аллаху, не случилось этого. Как ты мог послать юношу, неискушенного в битвах, против Таккура? Неразумно поступил ты, — я высказал все, что было на сердце Чешме Хатун.

— А что мне оставалось? Знаешь ли ты, что сказал мне Газзан? Откуда же тебе знать, ведь тебя на охоте той не было, — Бекил прервал себя, обернулся к Волоокой: — Оставь нас, оставь, мне с Горгудом посоветоваться надо.

Волоокая Чешме Хатун, бросив на меня взгляд полный печали, вышла вон.

— Разве не слышал ты о том, что произошло со мной на большой охоте? — Бекил начал говорить сразу, как только вышла супруга его. В голосе его звучала уже не обида, ярость и гнев наполняли его. Он повторил: — Слышал ли ты, какую игру затеял Салур Газзан на охоте? — и глухо добавил: — Какими словами бранил меня Бейрек, слышал?

— Не слышал, ты расскажешь. Расскажешь, я и услышу.

— Слушай же, Горгуд. Но нет. Сначала надо вызволить Имрана. Я должен опередить Гара Таккура. После. Потом я подробно перескажу происшествие. — Бекил попытался встать с постели, но тотчас же опрокинулся навзничь, тяжело дыша, проговорил: — Нога моя сломана, Горгуд. Гара Таккур каким-то образом прознал... Помогите мне. Мой сын... — Бекил умолк и жалобно посмотрел на меня.

— Жена твоя рассказала. Не беспокойся. Я это дело улажу.

— Как?! Как уладишь?! Не знаешь ты Гара Таккура. Я виноват, это я послал неокрепшего юношу против могучего Таккура. Моя вина...

Не выдержал Бекил, зарыдал, из глаз его заструились слезы.

Что оставалось мне, мой хан?! Ничего, кроме как снова обратиться к милости Свет-камня. Не просыпаясь ото сна, я про себя начал возносить молитву во спасение, да так громко, что едва мог стоять на ногах. Чуть не упал. Но, спотыкаясь, успел схватиться за высокую спинку ложа и устоял на ногах.

Вот она, молитва моя: «О, Свет-камень, не пожалей частичку света своего для раба твоего верного. Видишь отца, видишь мать, вина большая на них. Но юноша безгрешен. Сжался над его молодостью. Направь частичку света своего на занесенный меч Гара Таккура. Пусть отразится свет от зеркального лезвия и поразит очи инородца, спаси юношу. Смилуйся».

Внял Свет-камень моей мольбе, хан мой. Оторвал от себя частичку света и направил его на меч Таккура. Заблестел в воздухе меч, ударили блики по глазам инородца, зажмурился он от сверкания невыносимого, а я только того и ждал — тотчас же, не медля, разморозил видение. Таккур прижал руки к глазам, меч и выпал. Имран живо вскочил на ноги, подхватил с земли меч свой, выбитый из рук Таккуром, приставил его к горлу пораженного инородца. Сила его возросла неимоверно. Пал Гара Таккур к ногам Имрана.

— Видишь ли ты, Бекил?! Юноша одолел Таккура. Сейчас снесет ему голову. — Я открыл глаза Бекила, дабы и он мог узреть видение. Вмиг преобразился Бекил, плач его в смех радостный обратился.

— А ну, живо! — закричал он. — Живо накрывайте праздничный стол, Имран с победой возвращается!

Когда Волоокая Чешме Хатун ворвалась к нам, я и не заметил, успел только обхватить ее за плечи, не давая ей пасть к ногам моим. Завопила-запричитала женщина:

— Горгуд, Горгуд! Пусть сдохнет тот, кто не верит тебе! Ты — отец наш, отец, отец, Горгуд! По воле твоей свершилось это чудо! Ты, ты один избран Тенгри! Здоров будь, счастлив будь! Пусть судьба всегда будет милостива к тебе! Пусть слова твои, как лекарство, излечат души страждущих! Будь опорой нашей неколебимой! Ты скажи беку... Скажи ему... Какой путь открывается перед изменником хана своего — путь чести и славы или бесчестья и позора? — Воло-

окая Чешме Хатун причитала таким жалобным, беззащитным голосом, что слова ее пронзали сердце мое, не выдержал боли я, слово дал себе крепкое помочь Бекилу в деле его, если понадобится, то и к хану нашему обратиться. А уж потом... На все воля хана нашего, он знает, что лучше. Бекил же рассказал мне следующее...

Оказывается, у ссоры Бекила с Газзаном, известной нам по варианту дастана, имелась тайная причина, о которой сейчас узнаем. Конечно же Горгуд был не прав, думая, что рассказ Бекила не имеет отношения к основной проблеме. В рукописи он прямо так и пишет: «...История Бекила длинна и замысловата. Имеет ли она какое-либо отношение к нашему делу, или совсем не касается его — не знаю, тебе лучше знать, мой хан». На самом же деле для выявления настоящего виновника освобождения шпиона из ямы и высылки его за пределы Огуза эпизод на большой охоте имеет особое значение. Чуть позже и вам станет ясной суть происшедшего.

Вот что Бекил поведал мне, мой хан. В один прекрасный день пришла весть от Салур Газзана. Мол, если Бекил когда-либо по надобности какой наведается в Огуз, пусть непременно завернет к нему, ибо давно желает он оказать ему почет, устроить в честь него пиршество великое. И без того Газзан всегда выказывал мне свое неизменное уважение и искреннюю приязнь. Однако радушное приглашение, скрывать не стану, сильно обрадовало меня. Посланником от Газзана был Гонур Годжа Сары Чобан. Я сказал ему, чтобы шел он в кошару и выбрал бы самых упитанных овец и баранов на шашлык Газзану. По приезде же в Огуз привезу с собой в дар Газзану косуль и джейранов, которых собственноручно изловлю на охоте. Сары Чобан отобрал по своему усмотрению овец и ягнят и погнал отару в Огуз. Прошло время, в один прекрасный день Байандур-хан призвал меня к себе. Ты, конечно, помнишь историю с крепостью Дузмурд. Как Аршын Дирек схватил и бросил нашего Газылыг Годжу в подземелье своей крепости. Никому не удавалось освободить его. Каждого, кто пытался сделать это, я убеждал, что крепость Дузмурд так просто не взять. Стены Дузмурда высоки, а на стенах стоят воины, крепкие, как башни самой кре-

пости. Но, увы, никто не прислушался к моим словам. Сам Амман собрал рать из наемников, но и он вернулся ни с чем. Словно заколдованный месяц на небе, стал недостижимым Газылыг Годжа. Так вот, Байандур-хан желал посоветоваться со мной по поводу этой самой крепости Дузмурд. Дело было в том, что сын Газылыг Годжи, молодой Йейнек, испросил у хана разрешение на освобождение отца из заточения. Хан дал свое позволение на это. Меня известили, что я должен рассказать Байандур-хану все, что мне известно о местности, где стоит Дузмурд, о путях и подступах к крепости — словом, все сведения, необходимые для успешного похода. Поход предстоял ответственный. В назначенное время я прибыл в Огуз и явился во дворец хана. Окрестности крепости Дузмурд были известны мне хорошо, исхожены были мною не раз. Несмотря на то, снова разослал разведчиков, до мельчайших подробностей изучал каждое ущелье, каждую тропинку. Только после этого я посчитал себя вправе докладывать хану, что и сделал с чистой совестью. В конце добавил: «Наемникам не взять Дузмурд, мой хан. Сердце каждого воина должно пылать любовью к Огузу».

Хан, проявив благосклонность ко мне, внимательно выслушал. После недолгого размышления призвал к себе сына Газылыг Годжи, молодого Йейнека, и повелел ему без промедления начать подготовку к походу и отобрать для похода мужей Огуза. Само собой разумеется, Газзан тоже участвовал в совете и на выходе из ханского дворца обратился ко мне с такими словами:

— Приглашаю на охоту, хоть и не увидели обещанных тобой косуль и джейранов, не беда, мы тебя угостим, Бекил. Ты же ныне наш гость. У большой охоты перед набегом особый вкус, верно?

Горгуд, тебе ведь известно, какой я стрелок из лука, не так ли? Только я один могу пришить стрелой ногу джейрана к уху его, много джейранов пометил я таким образом, ибо не убивал их, отпускал на волю. Кто в Огузе добывал потом джейрана с моей меткой, непременно пересылал его мне, признавая мое право владения. А теперь услышь мой голос. Итак, Газзан пригласил меня на большую охоту, я и обрадовался. Много славных мужей приняли участие в охоте. Среди них был Шершамсадин, был и Гарагунн — брат Газзана.

Гара Чаккур был, а где он, там, как тебе известно, и сын его Гырггунг. Бейрек был. Гара Чаккур послал стрелу в цель, Газзан на похвалу не скупится, заслуга стрелка велика, говорит. Гырггунг стреляет, слышишь, этот недомерок Гырггунг, каково, а? Газзан и тут осыпает стрелка похвалами. Одним словом, всякий, кто стрелял, целился для расположения и похвалы Газзана, всякий непременно попадал в цель. Я тоже стрелял, Горгуд, на сей раз я превзошел себя. На полном скаку послал я стрелу в летящего, словно вихрь, джейрана, стрела моя обогнала ветер, вонзилась в бок животного, прошила его насквозь и вылетела меж ребер с другой стороны. Как думаешь, какими словами оценил Газзан мой выстрел?

— И какими же? — я спросил.

— Газзан сказал: «Заслуга стрелка невелика, конь достоин похвалы». Вот так! Коня, значит, похвалил. Ну и дела! Я, выходит, ничто. Говорю Газзану: дескать, всяк в Огузе знает, что я заслужил славу лучшего стрелка, тебе тоже это должно быть известно...

— А что ответил на это Газзан?

— Не поверишь, Горгуд. Уперся, стоит на своем, твердит: конь не постареется, всадник не прославится. Конь у тебя умный. Он достоин похвалы.

— И что потом?

— Потом беки решили еще раз испытать меня. Особенно старался Бейрек. «Газзан-бек верно рассудил, конечно же конь достоин похвалы», — громче всех кричал.

Я спросил:

— Моей заслуги нет?

— Нет! — Бейрек отвечал дерзко.

Горгуд, кровь ударила мне в голову, глаза затянула пелена.

— Готов с закрытыми глазами поразить цель, — сказал я.

В ответ услышал дружный хохот.

— Засиделся ты на пороге Гюрджистана, Бекил, заплесневел, — это слова Бейрека.

Беки разом притихли. Нависла гнетущая тишина.

— Бейрек, — произнес я с вызовом, — не тебе судить обо мне. Я стремлюсь к миру и ладу, а ты воротишься ко мне задом. Выходи, посмотрим, кто из нас лучший стрелок, а потом поговорим, чья заслуга больше — коня или стрелка...

Бейрек взъярился, двинулся на меня:

— Это я ворочусь задом?

Я не ответил Бейреку, повернулся к нему спиной. Обратился к Салур Газзану.

— Бек, — сказал я, — окороти его, пусть знает свое место. Иначе...

Видно было, что Салур Газзану пришлось по нраву дерзость Бейрека. И без слов мне понятно стало, что он заранее знал о готовящейся выходке Бейрека. Чувствуя молчаливую поддержку Газзана, Бейрек совсем разошелся. Заорал во всю глотку:

— Иначе что? Говори, чего замолчал?

Я по-прежнему не обращал на него внимания. Снова обратился к Газзану:

— Газзан, прикажи псу своему, чтобы не тявкал. Дорого обойдутся ему дерзкие слова. Меры не знает щенок.

Бейрек не унимался:

— Это я-то меры не знаю?! Бекил, это ты вдали от Огуза одичал, волком-одиночкой рыщешь по горам, кроме зверей, никого не видишь, человеческий облик потерял! Что ты сможешь сделать? Ничего ты не сможешь! Это ты знай меру, а не то зарублю!

Прокричав это, Бейрек взялся за рукоять меча и набычился на меня. С огромным трудом сдерживая гнев, я вновь обратился к Газзану:

— Газзан-бек, в последний раз прошу тебя — уйми его. Иначе я за себя не отвечаю.

Газзан решил не усугублять положение:

— Славные беки, прекратите свару. Довольно. Оба замолчите. Слово за мной. Мы собрались здесь, чтобы развлечься охотой. Или забыли?

— Это меня ты назвал псом? — Бейрек не желал успокаиваться.

— А разве есть здесь другой пес? Ты и есть, — отвечал я.

Бейрек выхватил из ножен меч свой:

— А ты не пес даже, ты шакал поганый... Выходи на бой.

Я, было, взялся за меч, но Газзан на сей раз действительно сурово прикрикнул на зарвавшегося Бейрека.

— Я же сказал тебе — прекрати сейчас же, или не слышал?! Может, не желаешь слышать? Шершамсадин, отведи его в сторону.

Шершамсаддин обхватил Бейрека за плечи и повел его к роднику, остудить пыл ледяной водой. Бейрек поначалу упирался, но Шершамсаддин был настойчив. Бейрек поддался и пошел к роднику, бросив напоследок в мою сторону взгляд, полный ненависти.

— А теперь ты послушай меня, Бекил, — Газзан смотрел на меня исподлобья. — Послушай и запомни. Слава о моем луке, молва о моих стрелах докатилась до самого Трабзона. Каким бы искусником ты ни был, с Газзаном тебе не сравняться. Уразумел? Знай свое место. Повторяю: за счет коня тебе удастся пришить ногу джейрана к уху его. Заслуга коня.

— Так, значит? — Я был оскорблен до глубины души.

— Так, именно так и никак иначе. — Газзан был неумолим. — Подтвердите, славные беки, так ли дело обстоит?

Все беки, опустив головы, подтвердили правоту Газзана, говоря: «Так, именно так».

— Ты опозорил меня перед лицом славных беков, Газзан, с грязью смешал меня. Знать тебя после этого не желаю, и ты забудь обо мне.

Выговорив Газзану, я повернул коня, сделал знак рукой наибам* следовать за собой и тронулся в путь домой, в свои пределы. В пути многое передумал. Думал, гадал, принял окончательное решение. Газзан так просто это дело не оставит, ни за что не простит мне дерзость мою. Не моргнув глазом, очернил меня, принизил заслугу мою. Беки поддержали Газзана. Не исключено, что Газзан при желании сможет очернить меня и в глазах самого Байандур-хана. А что еще хуже, организует набег на мои земли, частым гребнем прочешут мои села и аулы его наймиты. И от Бейрека всего ожидать можно, на любую подлость готов. Готов ли? Конечно, готов! И это награда за труды мои. Что делать, как поступить? Обуреваемый тяжелыми предчувствиями, добрался до дома. Десятники встретили, приняли коней, отвели их на конюшню. Видя мое расстройство, с расспросами не приставали. И без того завтра всем будет известно происшедшее. Наибы, те всю дорогу молчали, но видно было, что и они подавлены моей ссорой с Газзаном и стычкой с Бейреком. К тому же над всеми витал страх перед Байандур-ханом. Что

если Байандур-хан по навету Газзана обрушит свой гнев на меня, каково им придется? Дома супруга, увидев хмурое лицо мое, спросила:

— Что случилось с тобой, мой бек, уходил из дому веселым, вернулся квелым?

Отвечал ей:

— Газзан перед лицом славных беков опорочил меня. На охоте случилось это, когда стреляли из луков по косулям и джейранам. Меня унижил. Сказал: заслуга коня.

— И всего-то? Ну и что с того? Сказал так сказал. Разве не шлот тебе со всего Огуза джейранов и косуль с твоей меткой? Пусть Газзан говорит себе... Сам, небось, не верит словам своим.

— Нет, в обиде я на Газзана. И с Бейреком посчитаться должен.

— А Бейрек здесь при чем? Что он-то натворил?

— Он-то и виноват во всем. Долго я терпел. И чем больше стремился к ладу, тем наглее он дерзил. Меч свой обнажил передо мной. Славные беки разняли нас. Хочешь знать, что решил я? Слушай: не дожидаясь, пока Газзан с Бейреком, объединившись, нападут на меня, надо откочевать куда подальше. Отвратился я от Огуза. Знаю, грех это великий, но иного выхода нет.

Супруга принялась умолять меня:

— Остановись, мой бек, одумайся, султан мой. Изменникам нет в жизни пути прямого. Сбрось камень с души своей, супруг мой. Не терзай себя попусту, не мучай. Не гляди на меня в тоске. Отправляйся лучше на охоту, пусть развеются мысли мрачные, думы темные. Возьми с собой удалцов своих, да отправляйся в горы, места наши не хуже охотничьих угодий Газзана. Да пусть он трижды Газзан, ты же знаешь цену себе, Бекил. Не будь тебя, ни дня покоя не будет всему Огузу, султан мой. Или легким делом кажется издалека оборона Огуза от Гара Таккура?! Коли так, почему никто не рвется сюда? Из-за тебя одного, дыхания твоего боясь, держится враг в отдалении от Огуза! Разве не так? Разве не об этом доносят лазутчики наши? Встрепенись, встряхнись, мой герой, пойду прикажу, чтобы коней не расседывали. Отправляйся на охоту, свежатинки захотелось, добудь ее для меня, Бекил, мой отважный Бекил...

* Наиб — особо доверенный воин.

Так супруга моя отвлекла меня от замысла тяжкого. «Газзан еще не Байандур-хан. Вот соберусь с духом, да отправлюсь к самому Байандур-хану, расскажу ему обо всем. Верю, хан накажет Бейрека. Получит он по заслугам своим. Он виноват больше, чем Газзан. Хвостом виляет, пес шелудивый. В Байбурде, небось, обучился этому презренному ремеслу. Женщина права, надо на охоту ехать, развеюсь, супруга рассуждает здраво, я же разгорячен ссорой. А горячей голове холодные мысли не присущи». Рассудив таким образом, презрев усталость долгого пути домой, кликнул удальцов, десятников своих и наибов, вскочил на коня. Горы у нас крутые, высокие, травой густой покрытые. Джейранов здесь множество великое, горных козлов, архаров несчитано. Давно не охотился я в горах, супруга права. Айда, удальцы мои, в горы, вперед, вперед, на охоту, на ловитву, за мной!.. гони его!.. лови его!.. эй, лови его!.. эгей!..

От лихих охотничьих возгласов Бекила очнулся я живо ото сна, открыл глаза, обнаружил себя у подножия Свет-каменя, мой хан.

* * *

Шах не был настроен на обстоятельную беседу с послами, нетерпение одолевало его. Причину столь несвойственного ему поведения знал только он один, да еще Гусейн-бек Леле. Хотя нет, наблюдая за шахом, везир в меру своей осведомленности, пусть и без достаточных оснований, но все-таки близко к истине искал и находил причины необычного настроения повелителя правоверных. Видно было, что настроение шаха поменялось после короткого разговора с Леле, но вот о чем они говорили? Шах в пол-уха слушал речи послов, порой смотрел на них отсутствующим взглядом, хотя еще недавно с нарастающим интересом ожидал прибытия чужеземцев, проделавших немисливо длинный и долгий путь из своей далекой страны.

— Мой шах, да буду я жертвою твоей, они спрашивают, есть ли у нашего совершенномудрого повелителя намерение направить посольство в их пределы? — Везир почти приник губами к уху шаха, и только тогда шах сообразовал прислушаться к его словам, потом повернул голову к нему и сказал:

— Отчего же не послать? Мысль неплохая. Иншаллах, намереваемся отрядить посольство. — Шах утвердительно кивнул в сторону послов и продолжил: — Перед началом любого свершения мы говорим «иншаллах». Переведи...

Посольство состояло из четырех человек. Один из них знал тюркский язык. Он-то и переводил.

— Почтенный посол, сколько времени, говорите, вы были в пути? — шах, не дожидаясь перевода, задал очередной вопрос.

— Больше года, повелитель.

— Больше года. За то, что преодолели вы столь дальнюю дорогу, каждый из вас заслуживает получить из рук наших подарки ценные. А стольный город их, что, действительно стоит на воде? — В голосе шаха слышались ирония и недоверие, однако недоверия было больше. — Прекрасно, значит, так... — И опять не дожидаясь перевода, шах поднялся с трона, давая понять о завершении высочайшего приема. Все незамедлительно вскочили с мест, замерли в ожидании. Шах сказал:

— Вы проделали трудный путь, утомились. Везир, поручаю гостей твоему попечительству. Лично проследи, чтобы их окружали заботой, прислуживали с рвением. Через день-другой продолжим нашу беседу, иншаллах.

Не произнеся более ни слова, глядя поверх голов присутствующих, шах торопливо покинул тронный зал. Везир, послы и остальные придворные, склонив головы в поклоне, ждали ухода шаха. Потом везир пригласил послов сесть и, с трудом скрывая озабоченность, попытался продолжить беседу. Вслушиваясь в рассказ послов о своей столице, о пройденных дорогах, о родных местах, пытаясь вникнуть в названия неизвестных ему человеческих рас и народов, Везир старался запомнить каждое сказанное слово, запечатлевая некоторые из них в своей цепкой памяти. А что-то, не доверяя той же памяти, записывал на бумаге, предполагая, что шах, да буду жертвой его, может потребовать доклада, к которому надо быть готовым каждую минуту. Однако мысли о коротком разговоре шаха и Леле, повлиявшего на поведение обычно требовательного в вопросах этикета шаха, мешали сосредоточиться, вынуждая его перебивать и переспрашивать послов, выискивая в их словах возможный тайный смысл. Послы же после ухода шаха почувствовали себя несколько свободнее,

охотно и подробно отвечали на каждый вопрос этого странного седовласого царедворца с рассеянным взглядом.

— Вы утверждаете, что, если мы отправим послов в вашу страну, путь их пройдет по землям Османов. Нет ли другого пути? — Везир старался казаться заинтересованным, но это получалось у него не очень убедительно.

Глава посольства, это был бледнолицый ромей*, уловив суть вопроса, надолго задумался, потом развернул карту и вполголоса начал совещаться с другими послами, водя длинным сухим пальцем по карте, после этого уверенно ответил. Толмач так передал его слова:

— Как я уже имел честь доложить его светлости господину везиру, это единственно короткий путь и лежит он именно через владения Османов. Кроме того, есть и другие пути. Их к тому же, насколько нам известно, несколько. Однако надо учитывать их неимоверную продолжительность, а также принять во внимание опасности морского путешествия, а также огромное число разбойников на больших дорогах... Если будет на то пожелание вашего повелителя, мы в мыслях своих прочертим путь удобный, а потом подробно обозначим его на карте. Даже если пройдет он через владения Османов, они останутся в неведении.

— Конечно же, конечно же. Предложение ваше будет обсуждено с нашим совершенномудрым наставником...

Впервые за всю беседу посол переспросил:

— А разве не с его величеством шахом?

— Шах наш и есть совершенномудрый наставник, он наш духовный учитель, и для нас высшая честь принести жизнь свою в дар повелителю нашему. Свято место, куда ступала нога нашего повелителя, — везир говорил с неподдельной любовью и гордостью. Потом помолчал немного и буднично спросил: — Выходит, согласно вашей карте земли Османов простираются далеко и лежат прямо между нами и вами... Занятно... — везир хмыкнул и без всякого перехода спросил: — А что, ваша столица и вправду стоит посреди моря?

Послы переглянулись и в который уже раз принялись утвердительно отвечать на этот вопрос. Везир сделал еще несколько пометок в своих записях и в крайне гостеприимных

выражениях высказался о своем желании пригласить гостей на обед. Гости признательно согласились и поднялись на ноги, которые порядком затекли с непривычки. Приговаривая на ходу «Вот и хорошо, вот и прекрасно, прошу, прошу вас», везир увлек послов за собой. Придворные, согласно сану и должности, последовали за ними. Диванхана снова опустела.

* * *

...Быстрым шагом его пресветлое величество шах проследовал в свою тайную комнату отдыха, сооруженную по его же высочайшему повелению в дальнем углу роскошного сада. Услышав приближающееся дыхание шаха, Леле отворил дверь и, едва шах переступил порог, быстро захлопнул тяжелые створки. Шах мельком глянул на Леле, безмолвно вопрошая о чем-то, Леле утвердительно склонил голову, и шах, не медля, прошел в опочивальню. Здесь у окна стоял взволнованный юноша, который, увидев шаха, тотчас же пал ниц. Шах, не торопясь, снял с лица рубанд, подошел и замер перед распростертым на полу юношей, внимательно принялся разглядывать его. Гуссейн-бек Леле тоже подошел и встал на почтительном расстоянии от шаха. Руки сложил на груди, выражая покорность и готовность выполнить любой приказ повелителя.

— Соблаговоли-ка встать для начала, подойди сюда, повернись лицом к свету, — говоря это, шах вывел юношу на освещенное место и начал всматриваться в черты его лица. — Превыше всех похвал, слава Аллаху, создателю миров. Всемогущий Творец не создал доселе ничего более прекрасного, — сказал некоторое время спустя, перестав любоваться, отошел и воссел на византийское полукресло, стоявшее возле ложа. Затем обратил лик свой в сторону Леле:

— Леле, ответствуй, где ты нашел его? — потом, не удержавшись, добавил: — И сам ты достоин тысячи похвал...

Леле, не переводя дыхания, отвечал:

— Да буду жертвою твоей, мой совершенномудрый наставник, получив твое поручение, тотчас же понял, что это дело государственной важности. Машаллах*, нет предела твоей

* Ромей — византийский грек.

* Машаллах (араб.) — храни Аллах.

мудрости. Пришлось самому пешком обойти село за селом, ибо никого расспрашивать не мог, тайну нашу оберегая. Всю — страну, мой повелитель, шаг за шагом обследовал. Выбрал поначалу нескольких. У одного нос похож — челюсть не та, челюсть похожа, уши не сходятся. Словом, более подходящего, чем этот юноша, стоящий перед тобой, да буду я жертвой на твоём праведном пути, отыскать не удалось. Если и тебе он нравится...

— Нравится, очень нравится. Имя какое-то есть у него?

— Имя ему Хыззыр, мой шах. — Леле предостерегающе сверкнул глазами в сторону юноши. Будто тот сам вознамерился отвечать шаху.

— Ввел ли ты его в суть дела? — спросил шах.

— Ввел, повелитель. Каждый твой приказ — закон для него, жизнь готов отдать за тебя.

— Вот и прекрасно... В таком случае пусть он первым делом завтра вместе с тобой совершит утренний намаз в многолюдном месте.

— Слушаюсь и повинуюсь, мой шах. Но ведь ты сам собирался на рассвете отправиться на прогулку по городу? Помнится, базар желал посетить...

— В город я отправлюсь с везиром. Но... ему об этом ни слова — запрещаю! Сам должен понимать. Основная цель наша убедить людей, придворных, всех от мала до велика в том, что я могу находиться в одно и то же время в двух разных местах. Так мы с тобой решили. Займись-ка приготовлениями, пусть он хорошенько переймет мою походку, усвоит все мои повадки, однако... кажется мне, без рубанда ему не обойтись, рановато, что скажешь? — спросил шах.

— Рано, да буду жертвою твоей, конечно же рано. В этом деле спешить никак нельзя. Потихоньку все образуется. Верно говорить изволишь, рано ему без рубанда.

Шах еще раз внимательно оглядел Хыззыра. Словно пытался обнаружить скрытую ото всех некую черточку, какое-то пятнышко. Не обнаружил, довольный встал:

— Хорошо, я пойду. — Потом огляделся по сторонам. — Он должен жить вдалеке от посторонних глаз, здесь ему самое место. Распорядись, чтобы ему постелили в углу. Вот еще, Леле... хорошо вспомнил — обучи его шатрандж*.

* Шатрандж (фарс.) — шахматы.

— Слушаюсь и повинуюсь, мой шах. Обучу. К тому же он и сам... — Леле оборвал себя на полуслове.

— Ну и что же он сам?

— Он сам, мой шах... — Леле растерялся, не мог решить, правильно ли поступает, сообщая об этом, или следует промолчать, но было поздно: стрела вылетела из лука. — Он сам и стихи слагать может.

— Слагать стихи? — удивился шах.

— Да, мой шах, слагает.

Шах ни о чем больше не спросил. Еще раз мельком взглянув на юношу, покинул комнату. Леле, проводив его до двери, вернулся к Хыззыру. Сел на ковер, скрестил ноги. Сделал знак юноше, тот подошел и сел напротив него, лицом к лицу. Оба хранили молчание. Долго сидели они молча, друг против друга.

* * *

Со временем Хыззыр все более стал походить на шаха, да будет жизнь моя приношением, брошенным к ногам его. Леле постепенно все чаще позволял ему появляться на людях. Бывало, сидит он в диванхане, поглаживает рукой золотую бахромку рубанда, а все придворные, сидящие вокруг согласно закону с опущенными головами, исподтишка наблюдают за движениями его пальцев, грациозно перебирающих золотые нити, и возносят благодарственные молитвы Аллаху, создавшему столь благое существо, как шах, то есть Хыззыр. Все, и как он стоял, как сидел, как поворачивал голову, как без всякого затруднения резким движением воздевал руку вверх, подавая хамуш* — словом, все в нем выдавало царственное достоинство, он был шахом и никем иным. Леле давно уже обучил его игре в шатрандж. Иногда, удалив из сада стражу, он устраивал в саду укромное место, и шах с Хыззыром играли в шатрандж, а Леле любовался ими. Шах, наш повелитель, возлюбил этот цветник в глухом уголке сада. В свободное от великих деяний время он навещался сюда,

* Хамуш (фарс.) — «внимание», знак, подаваемый предводителями любого ранга, от сотника до шаха.

призывал Хыззыра, беседовал с ним, интересуясь жизнью села, родных и близких юноши. Родился Хыззыр в далеком от столицы горном кишлаке. Отец его был жив, с ним оставались и сестры. Мать же умерла, селевой поток унес мать. Всю работу по дому справляла старшая сестра, Зарниса звали ее. Отец старел себе потихоньку. На службе шаха не состоял, хотя однажды, услышав призывы сотников, собирающих людей для похода шаха на Дагестан, присоединился, было, к гызылбашам*, однако по возвращении почему-то ушел от них. Сажал, косил, собирал урожай, приезжал в Ардебиль или Табриз, продавал свой товар — как мог старался прокормить семью. Вторая сестра — Периниса была малолеткой. Глядя на нее, Хыззыр думал, что растущая без матери девочка...

В этом отрывке, связанном с шахом, последняя строка снизу не читается, а следующая страница вообще отсутствует. Связи между последующим повествованием с предыдущим нет никакой. О семье Хыззыра, опережая события, можно сказать только то, что больше никаких подробных сведений о ней мы не получим. Что же в таком случае этот рассказ означает, для чего нужно было начинать повествование об этой семье?! Невообразимые метаморфозы судьбы Хыззыра в ходе последующих событий хоть как-то сказались на участии его отца и сестер, что выпало на их долю?! И об этом тоже сказать что-нибудь определенное не представляется возможным, а может, это и вовсе невозможно. Одной из исчезнувших тайн «Неполной Рукописи» стало больше...

* * *

— ...Как это у тебя получается каждый день сочинять стихи? Тут без тайных способностей не обошлось, верно?

Шах, задавая вопрос, пронзительно смотрел в лицо Хыззыру. Хыззыр же настолько увлекся игрой, что слова повелителя слышать слышал, но внимания на них поначалу не

---

* Гызылбаша (тюрк.) — букв.: красноголовые; прозвище сефевидов, возникшее из-за красных повязок, обвязываемых вокруг головы во время военных походов.

обратил. Леле заерзал, хотел, было, тумачком пристыдить Хыззыра, но шах остановил его:

— Пусть думает, не мешай ему, в ловушке он. Леле, посмотри туда... — Шах протянул руку в сторону розовых кустов.

Леле обернулся и увидел, что среди колючих ветвей бьется маленькая пичуга, безуспешно пытаясь вырваться на волю.

— Пойди, освободи ее, пусть летит себе, — шах полуприказал, полупопросил Леле. — А ты, — обратился шах к Хыззыру, — как ни старайся, выхода из этого положения не найдешь, ибо нет его вовсе. Плохи дела твои, юноша. Загнан в тупик твой конь. Поражение неминуемо, сдавайся.

Не ожидая ответа, шах, хлопнув себя по колену, поднялся. Леле подошел к нему, держа в руке вызволенную из кустов пичугу.

— Во имя Шахи-Мардана*, не мучай бедняжку. Отпусти ее, пусть летит, — шах произнес это с затаенной грустью.

Леле поднял руку, разжал пальцы, пичуга, встрепенувшись, взмыла вверх, сделала круг над садом и скрылась с глаз.

— Однако ты не ответил, как у тебя получаются стихи. В прошлый раз ты сочинил одно стихотворение, сегодня — совсем другое. Запомнить их не могу, а вот нравятся они мне очень.

Глаза Хыззыра засияли, на губах заиграла счастливая улыбка:

— Милость твоя вдохновляет мне сердце, повелитель. Душа моя отзывается на величие духа твоего!

— Хвала учителю твоему. А тебе, Леле, стихи по нраву, или?..

— По нраву, очень даже по нраву, да буду жертвой твоей...

Шах довольно улыбнулся, но сразу же посуровел, накрыл лицо рубандом, это означало, что разговор окончен и шах уходит. Завтра предстоял трудный день. На вечер был назначен военный совет. В последнее время мысли шаха навязчиво вились вокруг предводителя узбеков Шейбани-хана. Неизвестно почему, но при одной мысли о нем шах прихо-

---

* Шахи-Мардан (араб.) — букв.: шах достойных; почетное звание имама Али, зятя пророка Мухаммеда.

дил в ярость. На расстоянии ненавидел его шах, выводило из себя само существование Шейбани. С недавних пор уже велась подготовка к военному походу. Как он пройдет, чем завершится — об этом кроме Всевышнего знал достоверно еще и...

* * *

...кроме того, от моего снадобья нога Бекила быстро заживала, и он на радостях не хотел так скоро расставаться со мной. Как бы там ни было, сон есть сон, мой хан. Во сне мало что зависит от тебя самого. Я завершил разговор с Бекилом, попрощался, как положено, вышел вон. Вижу, Волоокая Чешме Хатун сидит на том же камне, где увидел я ее вначале. Не меня ли поджидает? Я поинтересовался:

— Что еще, дочь моя Чешме? Чего еще желает душа твоя? Сын твой спасен, возвращен тебе. Жив-здоров, слава Тенгри всемогущему. О чем печалишься?

(Мысленно присовокупил к слову благодарственному и Свет-камень. Не мог не сделать этого, по причине, известной тебе, мой хан.)

Волоокая Чешме Хатун отвечала не сразу. Оглядела меня печальным взглядом и так начала рассказ свой:

— Здоров будь, счастлив будь, отец наш Горгуд. Да продлит дни твои, на радость и благо нам, всемогущий Тенгри. Выслушай меня, благодетель Горгуд. Бекил-бек наверняка поведал тебе подлинную причину свалившихся на головы наши напастей. Послушай и меня. Вернулся Бекил домой и говорит: мол, я обижен на весь Огуз. Отвратился от народа своего. Думаю откочевать, куда глаза глядят. Так ответила я Бекилу: «В обиде ты на Газзана, будь по-твоему. Зол ты на Бейрека, оставайся при своем. От хана нашего, Ханлар-хана Байандура, господина нашего, не отвращайся, мой бек. Не изменяй клятве, не переступай через слово, данное единожды. Нет в этом мире счастья клятвopеступнику. Сказал только: откочую в глубь Гюрджистана — сразу же свалились несчастья. Всего лишь слово произнес, но разве это слово мужа?! Сказал только: я отвратился от Огуза, знай. Всего

лишь слово произнес, но разве это слово героя?! Не обязательно претворять слова эти в жизнь, довольно того, чтобы мысль об измене, шайтаном внушенная, проникла в голову твою. Что тут началось! Вражеская орда во главе с Гара Таккуром тучей налетела в тот же миг на земли наши, разве не знак это? Сыночка отправил на битву, чудом спасся от гибели Имран. Знаю я — измена не замена, счастья не принесет. Как бы там ни было, что бы ни случилось, послал тебя Тенгри, Горгуд, на помощь нам, избежали мы беды великой. Но вот говорю тебе, отец мой Горгуд. Все равно, что к Тенгри обращаюсь с мольбой, услышь меня. Наставь Бекила на путь истинный. Воздаст ли по заслугам Газзану Байандур-хан, накажет ли Бейрека, воля его. Что изменилось, что поменялось с годами? Разве не Бекил обороняет рубежи Огуза, разве не хранит свято Бекил слово, данное Байандур-хану? Разве не Бекил, рук не покладая, отдыха не зная, стеной стоит на рубежах опасных, отбивая вылазки врага на дальних подступах к земле Огуза? За что такая немилость? С чего это Газзану с Бейреком вздумалось порадовать врагов наших непримиримых?! Неужели покой и мир принесет Огузу гибель Бекила?!

Видя мое внимание, Волоокая Чешме Хатун распалась все более. Однако сил ее надолго не хватило, видно, намучилась бедняжка, умолкла внезапно. Я сказал:

— Чешме, доченька, коли искренни слова твои, поручаю Бекила тебе. Не позволяй ему даже думать об измене. Сейчас он в постели. Пусть отдыхает, пои-корми, развлекай его всечасно. Будь уверена, я непременно передам слова твои нашему Байандур-хану. И с Газзаном потолкую. Думаю, уладим дело, ничего серьезного в нем нет. С помощью Тенгри развеем обиды, исчезнут они бесследно, знай. Только скажи мне прямо: как прознал враг, что Бекил занедужил, кто сообщил им о том, что не может Бекил встать во главе орды?! Или шпион завелся в местах ваших?

Волоокая Чешме Хатун долго молчала. Наконец, вздохнув тяжело, поведала следующее:

— Отец мой Горгуд, знать желаешь, кто виноват? Вина на мне. Да-да, не смотри на меня так. Мой грех. У этой истории зачин долгий. Не на пустом месте выросла вражда между Бекилом и Бейреком, знай. Помнишь ли ты, как Бекил

умыкнул меня, бросив поперек седла коня своего? Или за-
памятовал? Быть того не может, чтобы ты, да не знал чего-
то! В те времена Бейрек волком рыскал вокруг нашего дома.
Перед свадьбой своей вышел на девичью охоту Бейрек, мес-
том охоты выбрал Рубежный Огуз. Увидел меня, возжелал.
Решил потешиться перед женитьбой. И только Алп Рустам
встал на его пути преградой. Нет у меня тайн от тебя, знай,
отец мой Горгуд. Любовь была между мной и Алп Рустамом.
Едва только ночь накрывала теменью землю, как только
месяц на небе высвечивал урочище Замба, что позади дома
нашего, сначала появлялся он, потом я подкрадывалась сза-
ди, ступала в тень его и обнимала широкие, мощные плечи
Алп Рустама... Вот так любили мы друг друга... Отец мой
был среди тех, кто выступил в поход против Мелика, чтобы
отомстить за обиду, причиненную им Газзану. Вместе с дру-
жиной Арруз Годжи отправился отец мой на сечу. Погиб он,
не вернулся. У кого должен был просить руки моей Алп
Рустам? Дни летели, а дело стояло, не знали мы, как посту-
пить, что делать, к кому обратиться за советом... А тут и Бе-
кил объявился невесть откуда. На меня ему указали племян-
ники Алп Рустама, сговорились, сладили дело. Цель у них
была, Деде, цель очень простая: намеревались они сосватать
сестру свою за Алп Рустама. Схватили они меня, силком до-
ставили к Бекилу. Алп Рустам в неведении, а Бекил, увидев
меня, полюбил с первого же взгляда, взыграла в жилах кровь
его молодая, бросил меня в седло коня своего, помчался
быстрее ветра, не успела прийти в себя, как оказалась в доме
Бекила. Только и смог Алп Рустам, что отомстил сыновьям
брата своего, порубил всех на куски, хоронить нечего было.
Где они, те дни тревог, куда унеслись лунные те ночи?..

Волоокая Чешме Хатун, рассказывая, заново переживала
историю молодости своей, стонала и корчилась от избытка
чувств. Выстраивала перед глазами моими видения, нанизы-
вая одно на другое.

— Бейрек глаз свой положил на меня. Будто порчу наве-
сти вознамерился, нет веры в нем. Злобу свою, годы спустя,
выместить на Бекиле желает. Не позволяй ему. Алп Рустам
опозорил имя свое, лицо свое потерял, злыми духами одер-
жим, двух сыновей брата своего родного, единокровного-еди-
ноутробного убил. Чего добился этим Алп Рустам, разве не

достоин он участи безумного изгоя? Горько и тяжело созна-
вать мне, что я, только я одна причина всех бед. Да простит
сам Тенгри грехи наши.

И вот сейчас Бекил. Я настояла, чтобы он отправился на
злосчастную ту охоту, мол, развеешь думы мрачные, вернешь-
ся веселым. А он вернулся со сломанной ногой. Мне, одной
только мне рассказал он об этом. Сейчас я бьюсь головой о
стену, каюсь, казню себя, одно утешение, что обошлось все
без страшных потерь. Ты давеча спросил о шпионе, по недо-
мыслию своему, сама того не желая, я стала шпионом в соб-
ственном доме. Я рассказала служанке о том, как упал с коня
Бекил, я открыла ей правду о сломанной ноге Бекила. Стыдно
сказать, с кем откровенничать вздумала — со служанкой. «Что
случилось, душенька моя госпожа, отчего так бледен Бекил-
бек?» — спросила чернавка негодная. Я и ответила, не поду-
мавши: «Слышишь, девка, держи язык за зубами, бек сло-
мал ногу, к постели прикован, подняться не в силах, но об
этом никому ни слова, чтобы не разнеслись вести, особенно
до Гара Таккура, поняла?»

Чернавка пересказала другой служанке, та поделилась
новостью с нукером, тот, в свой черед, с другим нукером, а
этот проболтался невольникам. То, что вырвалось из-за трид-
цати двух зубов, стало известно всем, весть разнеслась по
всему пограничью. Узнает об этом Бекил, семь шкур спустит
с меня, семь раз жизни лишит и будет прав. Ты ищешь
виновного? Он перед тобой, я виновата, я... я...

*(Вслушиваясь в слова бедняжки Чешме, мой хан, я во-
очию увидел подлинные очертания истории Бекила. Долго
размышлял я над причинами ссоры Бекила с Бейреком и одер-
жимостью изгоя Алп Рустама, думал над случившимся и
надумал две истины. Обе эти истины пересказал Свет-кам-
ню. Молчание Свет-камня в ответ на мои слова снова ста-
ло знаком того, что он воспринял все сказанное мною. Как
всегда, в глубокой тишине Свет-камень внимал моим открово-
вениям. Первая истина заключалась в том, что служанкам
нельзя доверять, нельзя причислять служанок к женскому
роду, ибо служанка и женщина — две вещи несовместные.
Хочешь, окружи ее лаской и почетом, обряди ее в роскошные
наряды, суть ее останется неизменной. Чернавка, она и есть*

чернавка, не отмоешь, как ни старайся. Вторая истина заключалась, хан мой, в следующем...)

Рукопись обрывается. О второй истине Горгуда узнаем чуть позже. Здесь же считаем необходимым подчеркнуть один важный момент: из предыдущего отрывка становится очевидным контекст, проясняются предпосылки возникновения одного из крылатых выражений, а именно: «Чернавка останется чернавкой, женщиной не станет чернавка, хоть облачи ее в роскошные одежды», включенного в канонический текст дастана, точнее, в его эпический зачин.

* * *

— Хан мой, на сей раз во сне своем посетил я дом Газзана. Шершамсадин неведомо как проник в мой сон. Однако подробности этого сна, как ни старался, в памяти удержать не смог, да простит меня хан за погрешность эту во имя Тенгри. Одно уяснил себе достоверно: Шершамсадин настолько привязан к Газзану, что не раздумывая пойдет на смерть ради него. В деле нашем о шпионе нет между ними никакого различия: Газзан ли говорит, Шершамсадин ли отвечает на вопросы — все едино. По сути, перед нами один человек, и слово его, мысли и чувства его неразрывны. На том памятном малом совете по делу о шпионе Шершамсадин в рот глядел Газзану, не успевало слово сорваться с его уст, как Шершамсадин подхватывал его, подтверждал и другим внушить старался.

Здесь Байандур-хан жестом остановил меня. Я тотчас умолк, весь обратился в слух. Байандур-хан сказал:

— Этот Шершамсадин, по-моему, не имеет равных себе в бестолковости. В поступках безрассуден. Сначала сделает, потом думает. Действует без позволения. Помнится, однажды без спросу, без вызова явился на военный сбор. Болтает много, а за слова свои не отвечает. Возможна ли какая-то связь его со шпионом?

— Совсем не допускаю, мой хан, — ответил я внешне спокойно, но мурашки, пробежав по телу, затрепетали в кончиках пальцев моих. Сложив руки на груди, я добавил: — Не больше и не меньше остальных...

Байандур-хан задумался. Нахмурил брови, глаза прищурил, долго сидел молча. Наконец заговорил:

— Продолжай, Горгуд, — повелел хан. — Пропусти все, что связано с Шершамсадином, и продолжай. Или тебе уже нечего поведать нам?

(Я был основательно растерян. Не знал, как свести все мне сказанное, все, увиденное в моих снах, воедино. Вернее, знал, но затруднялся. Байандур-хан чутко уловил мое замешательство, настаивать не стал.)

Байандур-хан сказал:

— Во всем, что ты поведал нам, Горгуд, видим мы знаки предостережения по поводу неблагополучия в делах Огуза. Знаки, только знаки и более ничего. Уразумел ли слова мои, сын мой?

Я сказал:

— Да, славный хан, уразумел.

Байандур-хан продолжил:

— В таком случае, подведем итоги сказанному. Согласен?

— Согласен, мой хан, самое время подвести итоги, — я сказал уверенно, а сам почувствовал, как по спине заструился холодный пот.

Байандур-хан поднялся с места своего, стал прохаживаться. Я сидел, опустив голову, но при этом замечал, что Гылбаш не сводит глаз с Байандур-хана, готовый на лету схватить любое слово, буде оно сорвется с уст повелителя. Он тоже почуял, что дело близится к завершению. Байандур-хан кашлянул, собираясь говорить, взглянул на меня, чтобы удостовериться, готов ли я записывать. И, все так же прохаживаясь, размеренно начал речь свою:

— Достоверно известно стало, что в Огузе царит смута. Уже не тот Огуз, что прежде. Случай со шпионом на многое открыл мне глаза. Газзан против Арруза, Арруз против Бейрека, Бейрек против Бекила. Опорные огузы недовольны рубежными огузами, те, в свою очередь, кивают на другую сторону. А тут еще этот шпион объявился... Газылыг Годжа отправляется в набег. Товарищи бросают его в руках врага и убегают. Гыйан Сельджук выступает против Одноокого, гибнет на поле боя, друзья-товарищи опять же спасают лишь

свои жизни. Все это теперь в порядке вещей. Газзан может бросить слово оскорбительное, Бекил способен обидеться и откочевать в Гюрджистан, оставив беззащитными рубежи. А тут еще этот шпион... Шершамсаддин без разрешения является во дворец, достославные беки дерзают не считаться со словами моими, могут уклоняться от долга своего по защите рубежей, никто не вознамерится выставить щит свой против Гюрджистана, вся надежда остается на Бекила. Вопрос возникает: а кто же тогда я? Сын великого шамана Байандур-хан или кто? Нет уж, чем так жить, лучше не жить вовсе. Почетнее будет нынешнему Огузу умереть, чем влачить столь жалкое существование. Арруз Годжа открыто требует для сына своего верховенства над беками, бекларбеком сделать его желает. В подтверждение своих притязаний вопит: «Если бы не сын мой Басат, Одноокий по одному сожрал бы всех, никого в Огузе не осталось бы. Где был тогда Газзан, где был Гарагунн, где был Бейрек?» Все уши прожужжал своими речами о Басате, слушать тошно. Басат отомстил за смерть брата своего, а сейчас выходит, что расплачиваться должен весь Огуз. Бейрек хитростью добывает себе имя, входит в доверие Газзану, чтобы не сражаться с Однооком, подгадывает пленение и заточение в крепости Байбурд. Так, именно так все и было на самом деле. Уж кто-кто, а я это точно знаю. Человек Байбурда лично мне рассказал об этом. А тут еще шпион... Как нам быть? Несомненно, есть кто-то, кто заварил эту кашу, а теперь круто подмешивает в нее соль раздора. Несомненно также, что рука этого кашевара видна в деле со шпионом. Тот, кто мутит воду в Огузе, кто стравливает людей в своих целях, и есть спаситель шпиона, знайте. Что скажете?

(Байандур-хан закончил речь свою, замолчал, но чувствовалось, что ему не по себе, что-то еще хотел сказать он, не сказал, возможно, главное оставил на потом. Решение не находилось. Были спуски, были подъемы, но до вершины было далеко. В обязанности хана входило принятие справедливого решения по любому делу, каким бы сложным оно ни было. Потому он пока промолчал, взвешивал все в уме, может быть, решал, кого еще привлечь к следствию. Как бы там ни было, одна надежда на Тенгри всемогущего, да хранит он Огуз в испытаниях суровых.)

— ...безусловно, Газзан. Но мы не можем разглашать это. Газзан зять наш. И потом, мне не нужен тот, чья вина на лице написана. Ищите того, чей грех начертан на скрижалях души, высечен на камне, который негодный сын негодника носит за пазухой. Горгуд, ты понял меня? Хорошо понял? — Байандур-хан, проговорив это, замолчал, а затем, не дожидаясь ответа, тяжелыми шагами вышел вон. В ханском зале остался я и...

И здесь текст обрывается, хотя восстановить последнее предложение не составляет особого труда, ибо в нем недостает одного слова — «Гылбаш». Концовка вышеприведенного отрывка дополняет общую картину, придавая ей сходство — по мысли и стилю — с прочими отрывками. В целом же невозможно не заметить достаточно необычную ситуацию, возникшую в содержании рукописи. Попытка Деде Горгуда с помощью снов, а, вполне возможно, под видом снов рассказать Байандур-хану все, что ему известно, придает повествованию некое новое звучание, добавляет непривычные нюансы. Может быть, это предназначено ускорить получение ответа на главный вопрос: кто есть подлинный шпион? Это же явственно слышится в словах Байандур-хана: «Тот, кто мутит воду в Огузе... и есть спаситель шпиона, знайте».

Вполне вероятно, что Байандур-хан таким образом пытается увязать две проблемы. Он выдвигает идею: возмутителем спокойствия, заведенного порядка и спасителем шпиона является один и тот же человек, намекая на то, что хотел бы услышать имя человека, причем человека известного своим вызывающим поведением. Черные тучи начинают, как говорится, стучаться над головой одного подозреваемого или, точнее, подразумеваемого. Горгуд, как на то и рассчитывает хан, понимает ход его мыслей, и теперь возникает новая задача: необходимо, чтобы имя этого человека было произнесено всеми подследственными. Как мы уже видели, первый, кто сообразил и прочел сокровенное имя в глазах Деде Горгуда, был именно Газзан.

...Потом снова остались мы втроем — Байандур-хан, Гылбаш и я. После отдыха Байандур-хан выглядел посвежевшим и бодрым. Оглядев нас, он улыбнулся лукаво, потом согнал улыбку с лица и сказал деловито:

— Не начать ли нам? Начнем, пожалуй. Я внимательно выслушал тебя, Горгуд, очень внимательно. Вывод мой таков: не по душе нам, как идут дела в Огузе. Налицо раздор и смута, ненависть беков может взорвать Огуз изнутри. Это ты хотел внушить нам, Горгуд, не так ли?!

Я почтительно склонился в поклоне, произнеся при этом вполголоса: «Да, мой хан, именно это хотел я довести до твоего высокого внимания».

— Славно, воистину славно. — Байандур-хан испытывающе посмотрел на меня, удовлетворенно кивнул и продолжил слово свое: — Однако не следует нам отвлекаться от основного дела. Вернемся к вопросу о шпионе. После этого принять решение не составит особого труда. Прав ли я, как считаете?

(Было ясно, что Байандур-хан уже принял решение и желает, не мешкая, довести дело шпиона до конца, иначе не будет ему покоя. Что оставалось нам? Лишь одно: исполнять повеления хана и предоставить все воле всемогущего Тенгри, уповая на судьбу и благоволение предначертанного...)

Мы оба — и я, и Гылбаш подтвердили правоту слов Байандур-хана, после чего он велел Гылбашу:

— Желаю видеть Шершамсадина. Позови его. Ведь он здесь где-то. Успел, небось, пошептаться с Газзаном. Зови его.

Гылбаш, поклонившись, вышел. Я начал приводить в порядок письменные принадлежности.

— Знай же, Горгуд, сын мой, что бы ни делали, что бы ни предпринимали мы, суть наших стараний одна — выявить подлого негодяя. Дело не в том, кто шпион, а кто нет. Основная забота наша найти смутьяна, а для этого мы должны ответить всего лишь на один вопрос: кто сеет семена раздора в Огузе? Можно без конца твердить «Басат, Басат», а дело с места не сдвинется. Вот ты, Горгуд, разве ты чувствуешь сладость во рту, произнеся слово «халва»? Чего молчишь, негоже тебе молчать, отвечай, сын мой.

Некоторое время не находясь с ответом Байандур-хану, решимость моя улетучилась. Однако, не смея гневить Хана, ответил так:

— Славный хан, сказавши «халва», сладости не почувствуешь. Сказавши «халва-халва», тоже во рту слаще не станет. Но...

— Какое такое «но», говори? — заинтересовался Байандур-хан.

— Но, если сказать «халва» много раз, мой хан, сладость во рту появиться может, — сказал я и напрягся, ожидая услышать гневную отповедь.

Однако Байандур-хан после моих слов лишь закусил губу и задумался. Молчал он до тех пор, пока в зал не вошел Гылбаш, а следом за ним и Шершамсадин.

(Я мысленно рассудил так: если хан знал заранее или, узнав только сейчас о причастности Газзана к разбираемому делу, не желает или не намерен наказывать его, значит, все было просчитано заранее и дело идет к задуманному концу. Арруз Годжа определен в виновники, и это устраивает всех или почти всех. Истинную беду на голову Огуза именно он хочет навлечь. Кто знает, какова в действительности степень его участия в деле этого шпиона? Газзан с самого начала выбрал верную цель, произнес имя Арруза, надеюсь, и Шершамсадин поступит таким же образом, иншаллах, Тенгри образумит его.)

Гылбаш, а за ним, согнувшись в поклоне, Шершамсадин вошли в зал. Сделав несколько шагов, Шершамсадин пал ниц и застыл в неподвижности. Байандур-хан, не глядя на распростертого перед ним Шершамсадина, проговорил небрежно:

— Подними его, подведи ближе, пусть сядет.

Байандур-хан явно показывал, что разговор с Шершамсадином не доставляет ему удовольствия. Однако Шершамсадин не замечал этого. Не дожидаясь помощи Гылбаша, он ползком приблизился к Байандур-хану и сел перед ним, склонив голову и скрестив руки на груди. Байандур-хан без обиняков спросил:

— Шершамсадин, раскрой свои уши, слушай внимательно. У меня к тебе всего один вопрос. В длинных словесах нужды нет. Коли солжешь, пеняй на себя. Отвечай мне, хану своему, кто умыкнул шпиона?

Шершамсаддин начал говорить, да так истово, словно всю жизнь ждал этого момента:

— Да, могучий хан, истинно ты изволил сказать. Вернее верного слова твои. Горы твои, ввысь устремленные, да пребудут в высях небесных, мой хан... Да не оставит тебя Тенгри в дни испытаний. Воды твои жизнедатные да будут течь вечно...

(Каково, а?! «Горы, ввысь устремленные», «воды жизнедатные». Негодный сын негодника, откуда только слов таких набрался?! Сказано не к месту, но красиво.)

Язык Шершамсадина меж тем, словно мельничный жернов молот и перемалывал зерна слов:

— Хан, выслушай меня, позволь освободиться от слов, вот уже столько времени пронзающих сердце мое. Давно уже стремлюсь я увидеть лик твой светозарный. Услышь мой голос страждущий, повелитель. Помнишь ли, как собрал ты в долине Дарашам орду великую, и мы вместе с тобой двинулись на крепость Агджа? Ты и меня взял в поход, помнишь? Клянусь Тенгри всемогущим, никто не подстрекал меня. Разве достойно воину без воли на то Байандур-хана выступать против его врага?! Нет. Не было такого отродьясь. Сам не знаю, как это получилось. Не верь наветам, мой хан, я предан тебе всецело и готов умереть хоть сейчас за тебя, великого Ханлар-хана!

Байандур-хан продолжал невозмутимо сидеть в прежней позе. Понимал, что другого выхода нет. О чем бы он ни спросил, чего бы ни допытывался, не высказав до последнего слова все то, что было у него на сердце, Шершамсаддин к сути вопроса не перейдет. Нужно запастись терпением и переждать словоизвержение Шершамсадина. Мудростью покорили мир достославные герои, мудр был и Байандур-хан — он дал возможность Шершамсадину выговориться.

А тот говорил, не умолкая, зная, переполнен был словами.

— Нет для меня большого счастья, чем умереть за тебя, мой хан. За честь посчитаю всю жизнь служить тебе, и пусть отсохнет мой язык, если хоть раз произнесу слово «устал». День и ночь могу возносить за тебя молитвы всемогущему

Тенгри, не отвлекаясь ни на что иное. Да чтобы я, да чтобы без дозволения твоего вступил в бой с врагом твоим?! Ни за что! Никогда! Чур меня! Не верь, хан...

Байандур-хан наконец убедился, что Шершамсаддин не намерен переходить к делу, если не остановить его, долго будет еще тарыхтеть, словно колесо кочевой повозки. Гнев хана уже остыл, и потому он остановил поток слов Шершамсадина почти ласково:

— Шершамсаддин! Погоди немного. Дыхание переведи. Ты уж не обессудь, мой отважный герой, но нет у меня времени слушать тебя до утра, хотя вижу, что слова твои идут от сердца. Ты сказал, я выслушал. Уверяю, ты убедил меня, верю я тебе. Об этом больше ни слова, негодный ты сын негодника — что было, то прошло. Понял меня?

Шершамсаддин, не поднимая головы, ответил:

— Понял, мой хан, отчего же не понять, разве я такой уж непонятливый?

— Конечно же нет. Ты один из умнейших мужей, тебе ли быть непонятливым?! Поэтому давай-ка перейдем к сути. Готов ли ты, мой храбрый Шершамсаддин? — Байандур-хан решил приободрить Шершамсаддин. — Что скажешь?

— Что скажешь ты, мой хан, то же скажу и я. Ничего другого не говорю. И никогда не скажу.

— Коли так, то повторю свой вопрос. Ты готов? Славно... Так отвечай, мой барс. Кто... умыкнул... шпиона... из-под... стражи? Говори!

Шершамсаддин понял, что избежать прямого ответа нет никакой возможности. Сразу запричитал жалостливым голосом:

— Арруз умыкнул, славный хан, Арруз содеял это. Хочешь — режь меня, хочешь — на кол сажай...

— Ты сказал «Арруз», не ослышался я? А не расскажешь ли нам, как это ему удалось? Разве не ты должен был сторожить шпиона, негодник? — Байандур-хан поразил Шершамсадина в самое сердце.

Тот растерялся окончательно. Бросал в мою сторону вороватые взгляды, спрашивая глазами: «Что мне делать?» Как я мог помочь ему, кто я такой, чтобы встречать в допрос хана?! К тому же Байандур-хан задал простой вопрос. Кто охранял яму со шпионом? Ты. Кто убежал из-под стражи?

Шпион. При чем здесь Арруз? Главный же свой вопрос Байандур-хан еще не задал. Он не спросил о приснопамятном совете. Выходило, что любой участник совета мог или имел основание умыкнуть шпиона.

Дело усложнялось. Если так пойдет дальше, Шершамсаддин все испортит. Байандур-хану необходимо было узнать правду, а там, кого он признает виновным, кого оправдает, слово за ним, никто не сможет повлиять на его решение. Нам ли тягаться в мудрости с Байандур-ханом? Нам ли сомневаться в силе предчувствий Байандур-хана?! Все понимает, все чувствует великий хан глубже и раньше всех нас. А пока он желал всего-навсего знать правду.

— Расскажи мне, как все было. Расскажи с самого начала. Бросили вы поганого сына поганца в яму, решеткой накрыли, заперли на замок. В ту ночь встречался ты с женщиной по имени Брюхатая Фатима. Доподлинно мне известно, приходила она к тебе. О чем вы с ней говорили?

(Байандур-хан впервые за все время следствия произнес имя Брюхатой. Знать, сильно вывел его из себя Шершамсаддин. Выходит, что Байандур-хан знал о Брюхатой. Знал, но умышленно ни разу не упомянул ее имя. В таком случае, что это за следствие такое? Для чего расследует он то, что и без того ему известно? Нам остается только на собственных ногах прошествовать на другой конец подворья и самим открыть дверь пыточного подвала...)

Лицо Шершамсаддина пожелтело, и я отметил про себя, что цветом стало схоже с листьями бумаги, присланной Байандур-хану в дар из Трабзона. Разница была лишь в том, что бумага лежала передо мной неподвижно, а лицо Шершамсаддина трепетало каждой жилкой. Казалось, вот-вот охнет и дух испустит. Однако крепким был Шершамсаддин, выдержал, не пал духом. Но такое вдруг брякнул негодный сын негодника, что мурашки пробежали по телу и утонули в холодном поту, покрывшем меня с головы до пят.

— Помилуй, мой хан, пусть Деде расскажет... Горгуд то есть... ему все известно...

В зале повисла мертвая тишина. Байандур-хан молчал мучительно долго. Наконец нарушил молчание:

— Негодный трус. С тебя спрашиваю. Или вздумал отвертеться? Вину свою отрицать решил?! «Пусть Горгуд расскажет». Он уже рассказал все, что знал. Теперь твой черед.

(Байандур-хан прямо так и сказал: «Горгуд уже рассказал». Этим он и сломал Шершамсаддина. Впрочем, на его месте любой бы сломался. Где ему знать, о чем я рассказал?! Байандур-хан, да сподобится он достигнуть всех целей своих, одной рукой загнал беднягу в ловушку и теперь спокойно ждал. Горгуд рассказал все? Да, Горгуд рассказал все... Теперь расскажешь ты.)

Шершамсаддин как стоял на четвереньках, так и застыл, взглянуть на Байандур-хана страшился. Неизвестно, сколько еще он стоял бы в столь неподобающей позе, только Гылбаш одним рывком приблизился к нему, пнул беднягу локтем в бок и прошептал змеиным шипом:

— Исполняй повеление хана, иначе... Не испытывай терпение повелителя.

И в самом деле, чаша терпения Байандур-хана уже была близка к краю. Он был почти готов кликнуть кнутобойцев из пыточной. Много раз приходилось мне вздрагивать от невыносимых воплей и душераздирающих криков, вырывавшихся оттуда. О ней говорили только шепотом, только с оглядкой. Кнутобойцы были не самым страшным кошмаром, говорили о мастерах владения щипцами, раскаленными шомполами, костоломными тисками...

Шершамсаддин молчал. Не похоже было, что он в состоянии говорить.

— Пока белое мясо его кусками не отвалится! Тащите его в пыточную, бросьте к ногам кнутобойцев! — Байандур-хан не выдержал.

Шершамсаддин, услышав это, тотчас обмяк и лишился чувств. Гылбаш подхватил бесчувственное тело и поволок, было, к выходу, но Байандур-хан, поразмыслив, вдруг смилостивился, сказал:

— погоди, Гылбаш. Негодный сын негодника вывел меня из себя. Побрызгай воды на лицо его, приведи в чувство.

(Всемогущий Тенгри! Что наговорит он, когда ему язык развяжут? Конечно, конечно же, Шершамсаддин был самым

уязвимым звеном в нашей цепочке. Даже с Бекилом Байандур-хан не позволил бы себе говорить в подобном тоне и уж, конечно, пыточной не страдал бы. Шершамсаддин довел его до белого каления, это правда.)

Вода привела Шершамсадина в чувство. На сей раз, не дожидаясь вопроса, без понукания, даже не утирая воду с лица, крепко зажмурившись, он начал говорить. Лиха беда начало! Я едва успевал записывать за ним, но замечал, что Байандур-хан, слушая откровения Шершамсадина, лицом светлел и внимал с возрастающим вниманием. Временами на губах его мелькала улыбка. Чему он улыбался, о чем он думал в эти мгновения, что решал, — кому, кроме всемогущего Тенгри, ведомо сие? Шершамсаддин же говорил следующее:

— Славный Байандур-хан! Смею уверить тебя, нет во всем Огузе другого такого верного раба, как я. Не спорю, может и я не без греха, конечно, и я когда-то совершал ошибки, но поверь мне, хан мой, не сомневайся, господин мой, по недомыслию и неведению своему. Чтобы я, да без позволения хана... Перехожу к сути, перехожу к сути!.. Еще до той ночи произошли кое-какие события, и, сдается мне, имели они отношение непосредственное к шпиону. Салур Газзан, тобою поставленный над беками, надежда и опора твоя и всего Огуза, согласно обычаю отдал дом свой на разграбление. Опорные огузы явились все как один. Рубежные огузы на этот раз прийти не пожелали, мой хан.

Газзан спросил меня:

— С чего бы это? Тебе что-нибудь известно?

— Нет, — отвечал я, — ничего мне неизвестно. Однако, видно, мой бек запомнил. Ты же сам не пригласил их на торжество. Так и сказал: мол, пусть держаться от нас подалее.

— Так ли? — Газзан смотрел на меня сквозь прищур.

— Так. Так, — я отвечал уверенно.

Салур Газзан задал очередной вопрос.

— Шершамсаддин, — сказал он, — приведет ли этот наш шаг к раздору или все обойдется? Дядя мой Арруз Годжа, — здесь Газзан помолчал немного, — оскорбившись, обидится на меня или оставит без ответа нанесенное оскорбление? Как ты думаешь?

Я отвечал:

— Газзан, много ведомо тебе, но неведомы тебе устремления рубежных огузов. Невелика беда, коль запылят они костры раздора. Но все-таки надо было бы пригласить их. Они готовиться начали к празднику...

— Ты прав, — Газзан согласился со мной. — Было бы лучше, если бы минула нас эта беда. Что поделаться, не смог я с нею справиться...

Газзан заозирался. Убедившись, что никого рядом нет, продолжил:

— Бурла Хатун воспротивилась. Пригрозила, что, если приглашу дядю и его беков, непременно пожалуется отцу своему. То есть тебе, славный хан. Это сказал мне Газзан, сделай милость, мой хан, пусть останутся между нами его слова. А тут еще, в тот же день, мой хан, Бейрек прорвался к Газзану. Худое предчувствие кольнуло в сердце, не хотел поначалу допускать его, не получилось — бек сам позвал Бейрека к себе. Знал я наперед обо всем, что они обсуждали наедине, с глазу на глаз. Мой хан, ты спросишь, откуда я знал. Ведь спросишь же, верно? Отвечаю на вопрос твой. Коли поклялся говорить всю правду, не могу умолчать я еще об одном событии. Ровно за день до разграбления у Бейрека, мой хан, состоялась тайная встреча с Бурла Хатун. Газзану об этом я не доложил. Зачем, думаю, возбуждать в его душе темные подозрения? Сейчас же мне кажется, что встреча эта повлияла на последующие события.

Встретилась Бурла Хатун с Бейреком ночью в саду Газзана у родника Узун Пынар. Что было между ними, для чего встречались они, не знаю и знать не хочу — какое мне дело? Притаился я за толстым стволом смоковницы. Ничего не видел, больно темно было, но некоторые слова долетали до слуха моего. Говорили они вполголоса. Услышал я, как Бурла Хатун сказала:

— Завтра же сообщи Газзану, что в Огузе завелся шпион. Сейчас самое время, момент удобный для огласки этого дела.

— А что если Газзан спросит, почему я так долго молчал об этом, что отвечу я?

— Скажешь, не хотел действовать сгоряча, размышлял, сомневался, а как увидел, что рубежные не явились на торжество... Не случайно все это, подумал и решился.

— Рубежных на празднике не будет? — обрадовался Бейрек.

— Как я могу допустить это? — Бурла Хатун говорила как мужчина. — Я все устроила таким образом, что и Арруз, и сын его Басат из сетей моих и за тысячу лет не выпутаются.

— Истинно так, Хатун, выпутаться из твоих сетей дело немыслимое. В таком случае...

— погоди. Газзану скажешь, что шпион — сын Арруза Басат. — Так повелела Бейреку Бурла Хатун.

— Нет, госпожа, не выйдет. Газзан не поверит мне. Басат — да вдруг шпион? С чего вдруг, спросит он непременно, ты все оставил на последний день? И о шпионе известил, и имя его назвал в одночасье. Здесь надо действовать с умом.

— Что ты предлагаешь?

— Ничего страшного не произойдет, если кто-то другой назовет Газзану имя шпиона. А это уже моя забота.

Бурла Хатун сказала:

— Будь по-твоему, мой Бейрек...

Нет-нет, вру, не говорила этого Бурла Хатун, мой хан, сказала так:

— Будь по-твоему, удалой Бейрек, пусть удача сопутствует тебе. Ступай же. — Вот так сказала Бурла Хатун.

— До встречи, о достойнейшая Бурла Хатун. — Так отвечал Бейрек. Поклонился и, перескочив ограду, исчез. Тайком явился, незаметно удалился, мой хан.

Потому-то я знал, что именно сейчас Газзану внушает мысль о шпионе Бейрек. Прошло совсем немного времени, и Газзан позвал меня.

— Шершамсадин! — Газзан гневался. — Знаешь ли, какую весть принес нам Бейрек!

— Не знаю, мой бек, мне он ничего не сказал. — Однако, как я уже докладывал тебе, мой хан, я все знал.

— Оказывается, в Огузе завелся шпион! — Газзан почти кричал, а потом сдавленным голосом спросил: — Куда твои глаза глядели, Шершамсадин?!

Потом Газзан долго укорял меня, попрекал куском хлеба. «Почему ты раньше всех не проведал о шпионе?! Ты мне должен был доложить о нем, а не Бейрек. Хлеб мой ешь, так-то служишь мне?! Весь Огуз знает о шпионе, на каждом углу

обсуждают это дело. Только я один живу в неведении, а все потому, что на тебя надеюсь». Много еще горьких слов наговорил мне в тот раз Газзан.

— А может, все это вражеская выдумка? — я спросил, преждав гнев Газзана. — Военная хитрость, мой бек. Умышленно запускается слух, чтобы смуту посеять в Огузе.

— Не болтай глупости! — Газзан взъярился с новой силой. — Вот Бейрек утверждает, что во время заточения в Байбурде сблизился он с девственницей юной, дочерью Байбурда, и было между ними ... — Газзан взглянул на Бейрека и неожиданно ухмыльнулся. — Что было между вами, Бейрек, расскажи подробней, не стесняйся. Ну да ладно. — Обернулся ко мне и с прежней яростью продолжил: — А ты что щеришься?! Эта байбурдская девица и рассказала ему о шпионе. Вот я и думаю...

— Что ты думаешь, мой бек? — спросил я, ибо почувствовал, что должен спросить.

— Что думаю? Думаю, что в этом что-то есть. Помнишь, я устроил большую охоту? Подлый шпион тотчас оповестил хозяев своих. В мое отсутствие налетела орда инородцев на Огуз, частым гребнем прошлись проклятые по землям нашим, увели в полон всю мою семью, помнишь? Тебя спрашиваю — помнишь?

— Помню, мой бек, разве такое забудешь?! — я сказал.

— Дальше. Перед самой свадьбой Бейрека снова сделал свое черное дело шпион. В Байбурде уже были готовы. Налетели, похитили Бейрека. Подумать только — жениха похитили! Перед самой брачной ночью! Неслыханное... непотребство! Было такое? Было, я спрашиваю?

Бейрек молчал, потупив голову. Я вынужден был отвечать, сказал:

— Было, мой бек, было. Много неприятностей пережить пришлось. Вон, Бейрек шестнадцать лет просидел в заточении. Стыд и срам, мой бек...

— А тут еще одна новость. Бекил на охоте ломает ногу, снова шпион оповещает Гара Таккура, орда нечестивца этого переходит рубежи Огуза. Опять шпион. Понимаешь ли, Шершамсадин, о чем толкую?!

— Понимаю, мой бек, понимаю. Как же не понимать? — я сказал.

— Господин мой Газзан, — вмешался Бейрек. — Нельзя, чтобы Байандур-хан прознал про поганца. Узнает, не сдобровать...

— Кому? — Салур Газзан запаниковал.

— Поганцу, мой бек, — Бейрек поспешно заметал следы. — Кому же еще, как не поганцу?

Вижу, мой хан, Бейрек очень опасная птица. Во что бы то ни стало пытается вселить в Газзана страх и смятение. Пораскинул умишком, и вот что сказал я:

— Мой бек, уж если кому не сдобровать, так это нам. Байандур-хан обязательно спросит, почему так долго молчали о поганом шпионе.

Газзан глянул на меня:

— Верно рассуждаешь. Гнев хана обрушится в первую голову на нас. Что мы ответим хану? Почему мы этого поганого сына поганца, шпиона то есть, до сих пор не схватили, не бросили в яму? Отвечай Шершамсадин.

Я промолчал, Бейрек безмолствовал. Что мы могли сказать? Газзан спросил и сам ответил на свой же вопрос:

— Мы не знаем, кто он, шпион. Шершамсадин, ты знаешь?

— Нет, не знаю, мой бек.

— Ты, Бейрек?

— Я тоже не знаю.

— А разве тебе в Байбурде твоя... ну эта... дочь инородца не рассказала все о шпионе?

— Нет, всего не рассказала. Только то, что в Огузе орудует наш шпион... то есть их шпион.

— Так... — Газзан призадумался. — Как нам быть, славные беки? Как нам узнать имя шпиона?

— Не из рубежных ли огузов этот шпион?! — Бейрек осторожно выпустил первую ядовитую стрелу.

— Из рубежных огузов, говоришь? Кого имеешь в виду? Опять об Аррузе подумал? Нет, у Арруза на уме одно — Басат. Какой из Арруза шпион? Арруз — шпион? Нет, не он, не думаю, не думаю.

— Ну, тогда... — Бейрек начал готовить новую уловку.

— Что «тогда»? — Газзан терял терпение. — Во имя Тенгри, поторопись, солнце за полдень перевалило. Пора начинать праздник разграбления. Разговоров потом не оберешься,

будут болтать, мол, Газзан не благословил разграбление, никак, добро свое пожалел? Шершамсадин, как там Бурла Хатун, покинула дом?

— Давно, мой бек. Хатун направилась в рощу, что возле водопада Бузлусел. С нею служанки и охрана.

— Хорошо. Чем дальше, тем лучше. Бейрек, ты что-то хотел сказать?

— Да так, подумал, а может...

— Я нашел! — Газзан радостно захлопал в ладоши. — Вызовем Деде. Призовем Горгуда, — поправился он. — Он всегда говорит, что Тенгри вдохновляет его дух. И что способен он получать из будущего вести верные. А ведь мы ни разу не испытывали его. На что нам сдалось будущее? К чему нам оно? Пусть осветит нам прошлое, получит ли он вести верные из былого? Если да, пусть назовет нам имя шпиона. Так ли говорю, славные беки?

(Негодник, вы только поглядите на него, он сомневается в моей силе. Что ж, мы еще посмотрим.)

— Верно, господин мой Газзан, — мы с Бейреком отвечали в один голос.

— Так не медли же, Шершамсадин. Срочно найди и приведи Горгуда, я жду.

— Бек мой Газзан. Не так-то легко найти Горгуда. Да еще срочно. Время потребуется, — я сказал.

— Времени у нас нет. Как же быть? Ага, сделаем вот что. Ты выйди и объяви о начале разграбления, пусть потешатся без меня. Пусть забирают все, что приглянется. Скажи им от моего имени: не жалею добра своего всему Огузу. И вы ступайте. — Это он нам. — Чего стоите? Благое разграбление сегодня — берите себе самое лучшее...

— Я ли буду грабить повелителя?! — Бейрек аж глаза выпучил. — Мне ли предлагаешь это, мой бек?! Никогда глаз мой не позарится на добро Газзана. Ни пылинки ни соринки не возьму. Не надо мне ничего, знай.

Я оторопел. Выходило, мой хан, что я зарюсь на добро Газзана. Я сказал торопливо:

— Господин мой Газзан, знай. Ничего из этого дома я не возьму. Любовь твоя, которой пользуюсь от тебя, мне ее достаточно.

— Ладно, ладно, мне ли не знать вас? Мне ли будете представляться?

Я до сих пор не знаю, съзвил ли Газзан или высказал то, что на сердце у него лежало? Ни Бейрек, ни я не проронили ни слова. Газзан еще раз оглядел нас с ног до головы и сказал мне:

— В таком случае ступай же, Шершамсадин, бекам славным передай мои слова, потом сходи в опочивальню, возьми шкатулку с волоском, возле подсвечника лежит, сразу увидишь. Принеси ее мне.

Я вышел. Подошел к бекам, толпой сгрудившимся напротив дома Газзана, приветствовал их и передал слова Газзана.

— Славные беки, — сказал я. — Газзан благословляет вас. Все, что есть у меня, все мое добро — сегодня ваше. Благо Огуза превыше всего! Приступайте к разграблению во имя Тенгри всемогущего!

— Мы не можем начать праздник. — Из толпы вышел Тарсузамыш, мой хан, и заговорил от имени всех собравшихся.

— Почему это, брат Тарсузамыш? — я спросил.

— Рубежные огузы запаздывают. Как можно без них? — отвечал Тарсузамыш.

Зная подоплеку дела, я не стал обращаться к Газзану, сказал:

— Славные беки, на сей раз рубежные огузы не примут участия в благом разграблении. В торжестве будут участвовать только опорные огузы. Прошу вас, прошу, проходите в дом... Чего застыл, брат Тарсузамыш, проходи...

Славные беки поначалу не решались, недоуменно поглядывали друг друга, потом постепенно зашевелились, один за другим потянулись в дом. Что тут началось! Воспрянувшие духом славные беки принялись азартно растаскивать добро Газзана. Тащили на руках, тащили в зубах, уносили в глазах, да-да, мой хан, в глазах уносили то, что не могли унести на горбу, прошу прощения за грубое слово. Опомнившись, я бросился в опочивальню Газзана, куда, слава Тенгри, еще не добрались благословленные хозяином грабители. Возле подсвечника, а был это золотой подсвечник, память о набеге лихом на Трабзон, хотел, было, припрятать его, уберечь от разграбления, да утратился гнева Газзана, от сердца оторвал подсвечник... Древняя вещица, из чистого золота, подсвеч-

ник весь покрыт был тонкой резьбой: на ручке был изображен... все-все, перехожу к сути. Взял я шкатулку с волоском и принес ее Газзану. Газзан беседовал с Бейреком, вернее, Бейрек говорил, а Газзан внимательно слушал его. Увидев меня, Бейрек умолк. Газзан тоже недовольно поморщился, но, увидев у меня в руках шкатулку, вспомнил о своем поручении. Принял шкатулку из моих рук, открыл ее и вытянул оттуда длинный волос.

— Что это за шкатулка такая, господин мой Газзан? — Бейрек спросил.

— Это та самая шкатулка, которую после вызволения из плена Мелика дал мне Горгуд. «Возьми, Газзан, — сказал он, — в ней хранится один лишь мой волосок, да не простой, а волшебный. Попадешь в беду, запали его, увидишь меня возле себя».

— Волшебный? — Бейрек удивился почти искренне.

— Горгуд сказал «волшебный». Вот сейчас и посмотрим, какой он. Волшебный он или нет, сейчас станет известно. А ну-ка, подай мне факел, — велел мне Газзан.

Я снял со стены горящий факел и протянул его Газзану. Он принял из моих рук факел и поднес к нему волосок. Волос вспыхнул.

(Все верно пересказывает, негодный сын негодника. Когда Газзан запалил волос, голова моя словно воспламенилась. Что поделаешь, давши слово — должен держать. В тот же миг перенесся я к нему.)

Я невольно зажмурился, а когда открыл глаза, увидел рядом с Газзаном Горгуда. Как он явился, откуда возник, неведомо. Мой хан, хочешь, спроси у него самого, пусть он ответит — я не знаю. Газзан с Бейреком тоже ничего не понимали. Все мы были изумлены и растеряны...

(Попробовали бы не растеряться, негодники.)

Прости, мой хан, я напутал. Еще до появления Горгуда, то есть до того, как запалил волос, Газзан спросил меня о разграблении. Все происходило уже после разграбления, сначала беки растащили все добро Газзана, потом Газзан запалил волос Горгуда. Да-да, разграбление уже завершилось,

точно помню. Славные беки унесли с собой понравившиеся им вещи. Все были довольны. Газзан спросил:

— Беки разошлись?

Я сказал:

— Разошлись, мой бек.

Газзан спросил:

— Довольными разошлись?

Я ответил?

— Довольными, очень довольными разошлись. С чего это им не быть довольными?! Унесли все, что смогли! Да будет доволен тобой всемогущий Тенгри. Я же, господин мой, ничего не взял, знай...

Газзан посмотрел на меня, собирался что-то сказать, но промолчал.

Я сказал:

— Бейрек не ушел, дожидается. Позвать его или пусть отправляется к себе домой?

— Нет, позови Бейрека. И сам возвращайся. Обсудим новость о шпионе.

Мой хан, я вышел, позвал Бейрека, вдвоем вернулись к Газзану. Горгудовский волосок Газзан запалил именно тогда, сейчас точно припоминаю, да-да, точно — когда Деде явился, беки уже разошлись, значит, разграбление уже закончилось. Короче, Газзан запалил волосок Горгуда. Все мы растерялись, потому что, когда открыли глаза, увидели сидящего на полу Горгуда. Именно сидящего, а не стоящего возле Газзана, вспомнил я.

Газзан сначала не поверил:

— Горгуд, ты ли это? То есть... ты явился на самом деле?

Деде ответил:

— Ты же вызвал. Или не верил?

Газзан сказал:

— Я... много я... чудес разных видел... Но такое!..

Я тоже не мог сказать ничего путного, только бормотал непрерывно «я, я, я, я». Бейрек же... едва чувств не лишился. Заячья душа у Бейрека, об этом все знают, чуть живой стоял на ногах...

Придя в себя, Газзан почтительно приветствовал Горгуда:

— Добро пожаловать, Горгуд, дом наш всегда открыт для тебя, — сказал он и сел лицом к лицу с Деде.

Воцарилось напряженное безмолвие.

— Ведомо ли тебе, Горгуд, — решил наконец нарушить молчание Газзан, — какая нужда вынудила нас потревожить тебя? Поверь, не стал бы я беспокоить тебя по пустякам, не...

— Говори прямо, Газзан, не утруждай себя лишними словами. — Горгуд прервал Газзана без церемоний и только сейчас глянул в нашу сторону. — А это кто? — спросил он. Мы стояли в полумраке, свет не падал на лица наши, может статья, поэтому Горгуд поначалу не признал нас.

— Мой бек, дозволю выйти, явлюсь по первому зову, — я сказал, обращаясь к Газзану.

Бейрек подхватил тут же:

— Мой бек, дозволю нам подождать снаружи.

Газзан взглянул на Горгуда: мол, что скажешь: остаться им или удалиться? Горгуд отвечал:

— Нет, отчего же. Пусть подойдут ближе. В темноте не различимы... Шершамсадин, ты ли это? Бейрек? Подходите же, присаживайтесь. Слушаю тебя, Газзан.

Мы присели рядом. Газзан начал:

— Ведомо ли тебе, Горгуд, зачем призвал я тебя?

— Ведомо, Газзан, ведомо. В Огузе завелся шпион, за тем и призвал...

Газзан оторопел, вскочил на ноги, походил немного, потом сел и, осуждающе взглянув на меня, пожаловался:

— Вот и он знает. Все знали, кроме меня одного. Куда это годится? Ну ничего, после разберемся. Шершамсадин, видишь, понимаешь? Твоих рук дело... Ну ничего. Что скажешь, Горгуд? Мое мнение таково — горько и тошно слышать такое.

— Да, бек, новость эта горька, ничего не скажешь, — Горгуд подтвердил.

— Горгуд, как нам быть? Что предпринять? Кого подозревать? Кого схватить и бросить в яму? Ведь если мы не изловим шпиона, гнев Байандур-хана обрушится на головы наши, знай.

— Знаю, так и будет.

— Так скажи же, Горгуд. Только твой дух вдохновляет Тенгри всемогущий. Только до тебя доходят из будущего вести верные. Только тебе дано различать могущее сбыться и несбыточное. Ответь, кто шпион?

— Не спрашивай, Газзан, ой, не спрашивай.
— Отчего же не спрашивать? Как я могу не спрашивать?
— Оттого не спрашивай, Газзан, что как бы каяться потом не пришлось...

— Не буду. Не буду каяться. Ты только имя его назови. Да я этого инородца в бараний рог скручу... Кнутами забью до смерти. Я ему такое устрою, пыточная Байандур-хана покажется негодяю шатром на лужайке.

Так сказал Газзан, мой хан. Слово в слово пересказываю тебе. Говорю все, что слышали уши мои. Ни словечка не убавил, не прибавил, знай. Ведь, верно, Деде? — Шершамсаддин обернулся ко мне в ожидании ответа.

(Вспомнилась пичуга, запутавшаяся в кустах и бьющаяся в бесплодных попытках вырваться на волю. По сравнению со мной сейчас она казалась мне беззаботной баловницей. Мне бы оказаться на ее месте, всемогущий Тенгри. Как я буду после всего этого смотреть в лицо хану — право, не знаю.)

Я промолчал. Выждав немного, Шершамсаддин обреченно продолжил свой рассказ:

— Говорю тебе, не спрашивай имени шпиона. — Горгуд снова уклонился от прямого ответа на вопрос Газзана.

Газзан застыл в безысходности. Как ему умолить Горгуда? Дело раздувалось.

И впрямь, дело, как сказал Шершамсаддин, «раздувалось». Выходило, что Деде Горгуду с самого начала было известно имя шпиона и что именно сейчас он назовет его. С другой стороны, если Горгуд каким-то чудом узнал имя шпиона, то он не мог не знать имена тех, кто умыкнул его. По логике все выглядит именно так. Для чего же, в таком случае, нужно было затевать это, так называемое следствие? Ведь достаточно было Байандур-хану напрямую спросить об этом Деде Горгуда, и тот, хочешь не хочешь, вынужден был бы рассказать хану всю правду. Однако, копнув глубже, обнаруживаем, что этого было недостаточно. Подлинная, тайная цель Байандур-хана заключалась в другом. Каким образом он претворит в жизнь эту свою цель — мы будем свидетелями этого дальше.

— Мой хан, Горгуд наконец принялся по одному выкладывать из-за пазухи камни, отягощающие и нас, и его самого. Он раскрыл нам шпиона. «Всем вам известна Брюхатая Фатима. Шпион — единственный сын Брюхатой, знайте. Однако, повторяю, как бы ни пришлось славным бекам горько раскаяться в обретенном знании...»

Газзан в радостном возбуждении вскочил на ноги. Я вздохнул с облегчением. Бейрек же помрачнел лицом и даже не пытался скрыть этого. Конечно же он не ожидал от Горгуда такого ответа. Как я уже имел честь доложить хану, у него имелись свои намерения в отношении шпиона...

* * *

Гусейн-бек Леле держал Хыззыра в тайне, разумеется, подальше от глаз любопытных и ушей чутких. Место было выбрано с умом: в маленький домик для отдыха, сооруженный в садике, что позади тронной залы, никто, кроме шаха, не то чтобы войти, взглянуть в ту сторону права не имел. Одному Леле дозволялось появляться там, а теперь еще и Хыззыр поселился в нем. Таким образом, только три человека — сам шах, Гусейн-бек и Хыззыр могли находиться в домике для отдыха. Никто другой не мог, даже если бы и очень того возжелал, увидеть Хыззыра. Иногда вечерами, когда вокруг тронной залы не бывало ни души, позволял ему Гусейн-бек прогуляться по садику. Бродил по садику в одиночестве Хыззыр, беседовал с цветами, общался на ему одному известном языке с деревьями и кустами. Он сам себе и лаггаб* присвоил: Хатайи**. В концовках стихов, сочиняемых с легкой душой, он использовал издревле придуманный поэтами хитаб***, где и объявлял свой лаггаб. Сам шах с неустанным вниманием слушал стихи Хыззыра, и не было такого случая, чтобы он оборвал поэта. Леле с удовлетворением отмечал про себя и то, что птица высокого благоволения шаха крылом своим осенила Хыззыра, шах явно прики-

* Лаггаб (араб.) — поэтическое имя, псевдоним.

** Хатайи — от араб. «опасность» и «прегрешение».

*** Хитаб (араб.) — традиционное для классической поэзии Востока обращение поэта к самому себе по лаггабу в последних строках стиха.

пел к нему душой. Временами они играли в шатрандж. Светоч сердца моего был мастером этой игры. Поражений в ней не знал. Хыззыр довольно быстро усвоил правила и условия шатранджа, но до шаха ему было еще далеко. Само собой разумеется, что один только Леле присутствовал при сражениях на деревянной доске, которым всецело отдавались шах и поэт. Он сам и прислуживал им, испытывая при этом почти отеческое чувство заботы. Очень скоро Леле определил, что при почти полном внешнем сходстве, они разительно отличаются характерами. Леле неоднократно проверял первое свое предположение и убедился в его верности. В противоположность шаху, человеку резкому, решительному, безжалостному к любой провинности, вззирающего на всех с высоты повелителя и мюршида*, свято верившего в свою миссию сахиб-аз-замана** и осознающего себя шахси-мугаддасом***, Хатайи был мягким, доброжелательным, покладистым и миролюбивым. При всем при том он был всецело очарован шахом. Голос имел тихий, сердцем был отходчив, манерами обладал мягкими и изысканными. Временами Леле становилось жалко его, такого хрупкого и незащитного: «Несчастный бедняга», — думал он. Единственным утешением для «бедняги» служило лишь то обстоятельство, что его невольное затворничество облегчало жизнь отца и сестер, которых всячески опекал Леле. Конечно, о Хыззыре им не было сказано ни слова, это была сокровенная государственная тайна, Леле хранил ее пуце зеницы ока своего, но, пользуясь всяким удобным случаем, он посылал родичам Хыззыра подарки от его имени, следил за их положением и в нужный момент, не раскрывая себя, отводил от них житейские невзгоды. Узнав об этом, Хыззыр возлюбил Леле и в сердце своем возносил за него молитвы Аллаху, милостивому и милосердному.

* Мюршид (араб.) — духовный наставник; высший сан в иерархии суфийских орденов.

** Сахиб-аз-заман (фарс.) — букв.: повелитель времени; согласно верованию шиитов-мусульман — титул последнего, скрытого пророка.

*** Шахси-мугаддас (араб.) — букв.: святая личность; харизматическая личность, отмеченная с рождения признаками избранности Аллахом.

До самой битвы под Чалдыраном жизнь во дворце протекала для Хыззыра без особых волнений и каких-либо забот. Все поменялось вдруг и бесповоротно после этой, как он считал, противной Аллаху войны.

Было одно такое непримечательное село под названием Чалдыран, сражение османского султана Селима с шахом там и произошло. Шах лично руководил битвой, распределял полководцев по флангам, отдавал приказы об атаках и отступлениях. Походный шатер его был разбит на одном из холмов, господствующим над равниной Чалдырана. Никто не смел войти в шатер — приказы выслушивались на пороге. Порученцы и гонцы слышали голос шаха, отдавали честь голосу и мчались по назначению. Хыззыр находился в шатре, на нем была точно такая же одежда, как и на повелителе нашем шахе, с той лишь разницей, что поверх шахского одеяния была наброшена простая хламида. Хыззыр не отрывал глаз от шаха, внимательно вслушивался в каждое слово, в каждый его приказ, временами прикивал к специальному отверстию в стенке шатра и всматривался в мелькающие картины битвы. В один из таких моментов он увидел Гусейнбека Леле, который, словно барс пустыни, бился в самой гуще сражения. Не успел Хыззыр восхититься яростной удалью Леле, как вдруг потерял его из виду. Снова увидел: Леле упал с коня, а враги, точно коршуны, бросились на распростертое тело. Сердце Хыззыра облилось кровью, сил не было выдержать эту страшную картину. И тут его словно подменили, обратился он к шаху с мольбой:

— Мой шах, смилуйся, позволь и мне сразиться во имя твое. Отпусти меня, повелитель. Что за жалкий удел, наблюдать за сечей из дырки! Не могу я более оставаться тут, сердце мое, клянусь Аллахом, разорвется.

Шах пребывал в задумчивости, не понять — слышал он Хыззыра или нет, потому как не ответил на его мольбу.

К шатру стремительно приблизился горчубаши. Шах на этот раз сам вышел к нему навстречу.

— Мой шах, светоч души моей... левый фланг... левый фланг дрогнул...

— Немедля передай Халил Султан Зулгадару, чтобы поспешил на левый фланг.

Горчубаши пал ниц:

— Мой наставник... мой повелитель... мой алтарь... мюршид мой...

— В чем дело, говори, не тяни.

— Зулгадар изменил нам. Зулгадар покинул битву.

Шах взъярился:

— Сбежал?! Подлый предатель! Изменник порождает изменника. Живо отыщите Устаджлу Абдулла-хана, где бы он ни был, — пусть незамедлительно скачет на левый фланг. Ступай. Не медли.

В тот же миг к шатру подскакал другой горчу. Прямо с седла пал к ногам шаха и вымолвил ужасную весть:

— Мой шах, правый фланг разбит.

Шах вздрогнул, потом обмяк и в бессилии преклонил колено.

— Хорошо, идите, все уходите, пусть останутся одни только горчу, но пусть они встанут перед входом в шатер. Ступайте, хотя нет, подождите меня, подождите немного, я выйду к вам.

Сказав, шах вошел в шатер. Хыззыр застыл в ожидании приказаний.

— Где твой нигаб?* Накинь его на лицо, — шах приказал Хыззыру.

Хыззыр покорно надел нигаб на голову и опустил вуаль на лицо. Постояв немного, откинул ее с лица и вопросительно взглянул на шаха. Благодарение воле Аллаха предвечного! Словно зеркало поставили посреди шатра, и некто, глядя в свое отражение, стал разговаривать сам с собою.

Шах сказал:

— Слушай меня. Времени почти не осталось. Не перебивай, холоп, только слушай. Внимательно слушай. Помнишь, недавно я выходил из шатра? Не утерпел, бросился на врага. Едва не пленили меня османы. Конь споткнулся, сбросил меня на землю и придавил собой. Правая нога повреждена была. Враги окружили меня с четырех сторон. Ты знаешь Султанали Мирза Афшара. Запомни. «Шах — я! Шах — я!» — закричал он и бросился на османов. Те, оставив меня, ринулись на него. Слушай меня внимательно. Если Султанали спасется, щедро наградишь его. Помни: он спас тебя.

* Нигаб (фарс.) — разновидность рубанда.

Изменника же и труса Зулгадара постарайся изловить и сурово наказать. Все.

Хыззыр стоял в полной растерянности. О чем говорил мюршиди-камиль, что наказывал — до него не доходило. Слова слышал, а смысла их не понимал. Увидев, что уста шаха сомкнулись, он упал в ноги повелителю:

— Мой шах, светоч души моей. О чем говоришь ты? Как это, Султанали Афшар спас меня? Кто я таков, чтобы карать Зулгадара?

Шах, взяв Хыззыра за плечи, рывком поднял его.

— Встань, парень! — Потом постарался придать голосу мягкость. — Встань, мой шах. Исход битвы предрешен. Я ухажу. Ты же остаешься. Прошу, что стоит тебе, скинь на миг нигаб...

Хыззыр с готовностью сорвал с головы нигаб. Шах, словно зачарованный, некоторое время молча смотрел на него, потом возвел глаза к небесам:

— Благодарение могуществу твоему, создатель миров! — шах прошептал эти слова едва слышно, но они огнем опалили слух Хыззыра. Шах продолжил: — Надень, надень нигаб. Никто не должен видеть лика твоего.

Снаружи раздались крики:

— Отец благой!... Мюршиди-камиль!.. Фланги... фланги... опрокинуты... враг близко... Пора отступить!.. Спасайся! Спасайся!..

— Слышишь, зовут, — промолвил шах с неизъяснимой улыбкой, затем зычным голосом своим прокричал: — Во имя Шахи-Мардана, иду, иду!

Затем светоч души моей снова обернулся к Хыззыру и снова голос его обрел мягкость и теплоту.

— Ты готов? Сейчас тебе предстоит самому, уже без меня, без Леле выйти к людям. Ни меня уже нет, ни Гусейн-бека Леле. Ни единой душе неизвестно о существовании Хыззыра. Пойми, шах умереть не может. Никогда ... А я должен умереть. К тому же я не могу оставить Селима безнаказанным. Сейчас брошусь я в самое пекло. Ох, и полетят же головы османские! А там, кого выберет Аллах, тот и победит, посмотрим, кто из нас люб Аллаху — я или Селим. Слышишь, прямо сейчас ты выйдешь из шатра. Твой горчу ждут

тебя. Сам я уйду отсюда. — Шах подошел к задней стенке шатра, отодвинул замаскированный полог. — Вон там, гляди, ставка Селима, видишь? Там и мое место.

— Мой шах, я... я не справлюсь, мой шах...

— Справишься. Еще как... Сегодняшняя битва — переходяща... Снова солнце взойдет, снова наступит завтра, страна и государство будут твоими. Ты только подумай, какую державу я оставляю тебе. В тайне от всех. Никто, ни один смертный не будет знать этого. Ты превратишься в меня. Батин* — ты, захир** — я. Так было задумано. Готов ли?

— Кого мы обманываем, мой шах? — Хыззыр произнес это едва слышно, поблуднев и опустив голову.

Шах резко взял его за подбородок.

— Смотри мне в глаза, мой шах, — сказал он и почти вплотную приблизил свое лицо к помертвевшему лицу Хыззыра. — Ни-ко-го. В сущности, никого мы не обманываем. Во имя Шахи-Мардана, возьми себя в руки! Разве пристало шаху плакать? Стыдись, мой шах. Это же все игра, что-то вроде шатранджа. Или боишься?

— Боюсь, мой шах. А может, все же Леле... ты понимаешь...

— Не бойся. Леле исчез. Красивую и достойную смерть принял Леле. Он уже в раю, будь уверен.

Рядом с шатром прогремел взрыв. Это пушечное ядро разорвалось в двух шагах от шаха и Хыззыра. Дикое ржание перепуганных коней смешалось с криками и воплями людей. Шум поднялся до небес.

— Теперь ты свободен, поэт. Мог ли ты когда-нибудь вообразить себе такое? Ступай, ступай к свите... Пора спасаться. Армия разбита... Я же...

— Мой шах, мюршиди-камиль...

— Не перебивай... Не сумел я оборонить державу свою. Но долг свой последний исполнить смогу. Я ухожу. Знай же, мой шах, послышался мне голос на заре. Исходил он с небес. Чуть раньше я вторично услышал призыв, возможно, мне это почудилось, но дело не в этом. «Что ты забыл в тех местах, человек?! — голос спросил. — Следуй к нам, — продол-

---

* Батин, ** захир (араб.) — термины восточного мистицизма; батин — невидимая сущность, захир — видимая оболочка.

жил он, — здесь заждались тебя. Все мы здесь, тебя возлюбившие души». Так что задерживать меня никак нельзя. Ступай же вон из шатра, не жди и не ищи меня. Даже тела моего не найдут. Голова с плеч, тело — в прах... А ты живи себе... Да здравствует шах Исмаил! — последние слова шах произнес почти шепотом и на миг словно бы в удивлении застыл. Затем встряхнул головой, отодвинул потайной полог и, перед тем как выйти, снова обернулся к Хыззыру, сказал напоследок:

— И еще хочу, чтобы ты знал. Это лишь имя мое — шах Исмаил. Сам же я не шах Исмаил вовсе.

Хыззыр и глазом не успел моргнуть, как светоч души моей, прокричав «Аллах, Аллах», исчез навсегда.

В немом изумлении застыл Хыззыр посреди шатра. Крики снаружи усиливались по мере приближения разрыва ядер. Однако войти в шатер не решался никто. Наконец, словно откуда-то со стороны, в сердце Хыззыра вселилась решимость. Он выпрямил стан свой и, в точности повторяя движения шаха, твердой поступью направился к выходу из шатра. В самый последний перед выходом миг он снова застыл. Затем медленно обернулся и бросил взгляд на потайной полог. Однако от него не осталось и следа — стенка шатра оказалась сплошной и ничем не отличалась от остальных. Все было предрешено — назад пути нет. Мысленно, во имя Шахи-Мардана возвав к помощи рабби-уль-алемина,* Хыззыр сделал первый шаг и вышел наружу. Шатер опустел.

* * *

— Все слышали?! Шершамсадин! — Газзан был грозен. — Что вы тут расселись? Живо вставайте! Стрелой летите, найдите, где бы он ни был, это подлое существо и на аркане притащите его ко мне! — Голос Газзана доселе никогда не гремел с такой силой.

Нас с Бейреком, словно пыль с ковра, мигом сдуло наружу. А когда я смог наконец осмотреться, Бейрека рядом с собой не обнаружил. Махнув рукой, я помчался быстрее вет-

---

* Рабби-уль-алемин (араб.) — букв.: наставник миров; одно из явленных имен Аллаха.

ра, будто, мой хан, крылья выросли за спиной. В миг долетел до хибарки Брюхатой, что стояла на краю ущелья. Слово камень с неба, ринулся я на порог лачуги убогой. Заколотил изо всех сил кулаками по двери. Ответа не последовало. Поднял я булыжник и принялся безостановочно стучаться в дверь. Снова нет ответа. До слуха моего, однако, изнутри голоса доносились. Неведомый кто-то разговаривал с Брюхатой. Долго ли я стучал, коротко ли, не знаю, но дверь все не открывалась. Ждать пришлось порядочно. Потом обернулся к подоспевшим нукерам и приказал:

— Прочешите частым гребнем весь Огуз. Разыщите сына Брюхатой и доставьте его мне. Ступайте, живо!

Пошли, нашли, притащили. Я набросил на шею ублюдка аркан и поволок его к Газзану. Лететь я уже, понятное дело, не мог, так что пришлось вышагивать медленно. Газзан поджидал нас у Пестрых врат. Бейрека рядом с ним не было, потом вдруг возник, словно из-под земли. Поискал глазами я Горгуда, не нашел. Не было Горгуда. Подтащил я бедолагу-шпиона к Газзану, бросил к ногам его:

— Вот он, подлый изменник, — сказал я.

И еще добавил:

— Бек мой Газзан, вот он, шпион, гляди — у ног твоих.

Тут Газзан захлопал в ладони, расхохотался зычно. Руки в боки, стал прохаживаться вокруг несчастного.

— Вы только поглядите на него, это же чистый молокосос. Однако делов натворил поболее иного зрелого негодяя. Отвечай, подлая душа твоя, когда принялся за свое гнусное ремесло, кто сообщники? Отвечай, тварь! — прокричав последнее слово, Газзан в ярости принялся пинать ногой парня.

А тот, корчась на земле, словно подбитый крысенок, не издал при этом ни звука.

— Бросьте его в яму! — приказал Газзан. — Там-то уж он образумится, быстро захочет рассказать всю правду. Тащите его!

Яма, о которой напомнил нам Газзан, была у нас вместо темницы. Уходила она под землю многоярусно, и на каждом из них можно было поместить по одному узнику. Не приведи всемогущий Тенгри попасть туда, в первую же минуту сердца разрывались от ужаса. Как я уже имел честь доложить светлomu хану, в яме было много ярусов. От зловония душу

воротило. Заваливали мы яму мельничным жерновом. Раз в день отодвигали жернов и бросали туда пищу и воду. Кто успевал что-то схватить на лету, тем и питался. На самом дне ямы жировали крысы и мыши, им доставалось больше всего. Порой обнаглевшие грызуны нападали на узников. Тогда вопли несчастных прорывались даже сквозь толстый камень и резали нам слух. Но не буду отвлекаться. Опустили мы шпиона в яму. И опять от него ни звука, ни стоана... Нукеры задвинули камень на место, я вернулся к Газзану. Бейрек сидел рядом с ним и о чем-то ему говорил, а вот что он говорил, врать хану не стану, ибо не слышал: стоило мне войти, как Бейрек — хырп, умолк на полуслове.

— Брошен ли негодник в яму? — Газзан спросил.

— Бросили, мой бек. На пятом ярусе было свободное место. Туда и пристроили. Стоит ему шевельнуться, сверзнется вниз — в грязь, к крысам. Ни вдохнуть ему, ни выдохнуть. Ничего. Быстро образумится в яме, — я отвечал Газзану.

Газзан сказал еще вот что:

— Смотри, как бы он не сдох раньше времени. Кое-что мы должны выпытать у него. Хватит с него двух дней. Не забудь, Шершамсаддин, перед тем как привести ко мне, обольешь эту тварь водой. Ты же знаешь, я не выношу вони. Короче, ты отвечаешь за него.

— Головой ручаюсь, господин мой Газзан, — отвечал я с поклоном.

Газзан пригласил Бейрека во внутренние покои, и они, многозначительно переглядываясь, удалились. Меня Газзан не пригласил, так что я не последовал за ними и потому, мой хан, не знаю, о чем они там судили-рядили. Могу только сказать, что вышел Бейрек от Газзана поздно, далеко за полночь: месяц на небе уже двигался в сторону предрассветных звезд.

Наступило утро. Газзан еще не проснулся, а Бурла Хатун уже призвала меня к себе. Я предстал перед нею. Хатун спросила:

— Шершамсаддин, вчера здесь был Деде Горгуд. Не скажешь ли мне, зачем он приходил?

Я отвечал:

— Хатун, Горгуда вызвал Газзан, тот явился, было что спросить у него, Газзан спросил и получил ответ на свой вопрос...

— Какие вопросы задавал Газзан Горгуду?

— Хатун, спроси у него самого, он сам тебе и ответит.
— Я спрашиваю у тебя, Шершамсаддин. Или мне отвечать не станешь?

— Я и отвечаю. Тайна это, Хатун. Без повеления Газзана ничего более сказать не могу.

— Шершамсаддин, удалец мой, разве могут быть у Газзана тайны от меня? — Бурла Хатун настаивала, и видно было, что отступать она не намерена.

Я так рассудил: «Мужи славные мир наш умом освоили. К чему таить явное? Чуть ли не весь Огуз уже все прознал о шпионе. Вчера сами же устроили тарарам с поимкой негодника. Чернавки, нукеры, стряпухи видели, как мы бросали шпиона в яму. Почему же я должен упорствовать, что мне мешает поведать Хатун обо всем, что знаю? Наверное, связь Хатун с Бейреком так подействовала на меня, как знать...» Наконец, я решился. Сказал:

— Хатун, только тебе одной скажу. Тебе одной. Первым появился Бейрек... Может, ты слышала... Нет? Ну, ничего... Бейрек сообщил о шпионе. Бек сильно разгневался. Вызвал Горгуда, Горгуд явился, Газзан спросил его о шпионе, Горгуд ответил.

— И кто же шпион? — Бурла Хатун спросила так искренне, будто и в самом деле ничего не знала. Играла со мной. А может, и нет, может, действительно ничего не знала Хатун, все может быть, мой хан.

— Ты изловил его и доставил к Газзану, так? Кто он, негодный сын негодника? — Бурла Хатун поставила вопрос ребром.

Я отвечал:

— Хатун, это единственный сын Брюхатой Фатимы.

— Вот оно как... Значит, сын Брюхатой... Значит, и тогда, когда Газзан был на охоте, перед свадьбой Бейрека, и когда Бекил сломал ногу на охоте, все это он... Вай-вай-вай, какой подлец, какой негодяй, какой бессовестный...

— Да, Хатун, оказывается, все так и было. Его рук дело. Бросил я его в яму. Пусть посидит там, пока не образумится. Так велел Газзан, — я сказал и решил, что Хатун отпустит меня.

— Так-то оно так, да что-то не совсем так, Шершамсаддин...

— Что именно, Хатун?

— Шершамсаддин, что-то не больно верится мне... Сын Брюхатой, да вдруг шпион. Что скажешь на это, Шершамсаддин? — Бурла Хатун спросила.

— Я? Что я могу сказать? Главное, что Газзан скажет. Это Горгуд раскрыл нам шпиона.

— А что Бейрек? Разве он не назвал имя шпиона?

— Нет, Хатун. Об этом он ничего не сказал. То есть имя шпиона не назвал.

— Значит, не назвал... Хорошо, ступай, скоро Газзан проснется. Может, утром он будет в лучшем расположении духа. Не станет злиться по пустякам...

— Подождем, Хатун, увидим, — сказав это, я покинул Бурла Хатун и вышел во двор.

На всякий случай решил наведаться к яме. Из-под камня едва слышно пробивались глухие стоны. «Выживет, иншаллах, два дня выдюжит, — подумал я, не умрет. — Бек отпустил ему два дня. Правильно рассчитал. За три дня богатыри, не ему чета, дух испускали. Этот нужен нам живым...»

Затем я направился к Газзану. Господин мой уже сидел на своем месте в совещательном зале. Я вошел, почтительно поздоровался, Газзан ответил на приветствие и, не глядя в мою сторону, продолжил прерванный моим приходом разговор с самим собой:

— Вот так, Газзан, старайся, разрывайся на части, терпи муки и заботы, а в ответ получай то, что получил. Шпионить за мной, каково, а?! Мать родную, сына, супругу, все самое дорогое — чтобы врагу досталось?! Ну погоди, я покажу тебе... Почувствуешь ты тяжесть карающей моей десницы! Ты еще не знаешь Газзана... Один я. Один-одинешенек. Были бы у меня верные доносчики в Огузе, смог бы ты тогда шпионить у меня под самым носом? Те, на кого надеялся, ели, пили, жировали, бока себе отлежали, на ноги встали, грудь надорвали...

(Каков негодник! Последние слова сам, небось, выдумал. «Ели, пили, жировали, бока себе отлежали, на ноги встали, грудь надорвали...» Газзан такое не скажет. Дурак дураком, а слова неглупые... Незазорно использовать их в сказаниях напевных «Огузнаме».)

...Опора моя хилая, поле битвы огромное, я — один в поле. Разве слышал кто звук одной ладони?

Потом Газзан обратился ко мне и сказал:

— Тебя спрашиваю, Шершамсаддин. Или оглох? Бывает звук от одной ладони?!

Что я должен был отвечать? Ответил, как мог, сказал первое, что на ум пришло:

— Бывает, господин мой Газзан, почему не быть...

— И какой же звук издает одна ладонь? — Газзан издевательски посмотрел на меня.

— Одна ладонь... мой бек... одна ладонь... Одна ладонь издает звуки тишины, мой господин.

Газзан, разинув рот, смотрел на меня. Долго молчал. И больше к этому разговору ни разу не возвращался.

(Оказывается, одна ладонь может издавать звук тишины! Шершамсаддин, Шершамсаддин... Я подметил, что хан тоже слушает этого негодника с возрастающим интересом. Неудивительно, что Газзан опешил от такого ответа. Однако не уверен, что он понял смысл сказанного.)

Прошло довольно много времени, пока Газзан спросил:

— Как он, ну, тот, что в яме?

Я ответил:

— Молчит, ни слова не произнес. Стонет, но молчит. Кроме стонов и всхлипов, ничего не слышать.

— Подождем, — Газзан сказал.

— Подождем, мой бек, — я отозвался.

Скоро на суд к Газзану явились двое из опорных огузов. Это были Сары Гумаш, сын Элин Годжа, и Долек Урран, сын Эйлик Годжа. Просили рассудить их спор, возникший во время праздника разграбления. Дело, видишь ли, мой хан, заключалось в том, что Сары Гумаш поднял с земли выпавшую из рук впереди идущего Долек Уррана нагайку с серебряной рукояткой и присвоил ее себе. Газзан-бек долго размышлял, затем спросил:

— У кого сейчас нагайка?

Сары Гумаш отвечал:

— У меня. Вещи не умещались в его руках, много чего попадало. Я взял себе лишь одну из обороненных им вещей, мой бек. Что в этом худого?

— Оставь ее себе. Что касается Долек Уррана... Шершамсаддин, где твоя нагайка с серебряной рукояткой?

— У конюшего, мой бек. — Я расстроился.

— Отдашь ее Долек Уррану.

— Будет исполнено, мой бек. Прошу вас, братья, — сказал я и, кроя в душе на чем свет стоит спорщиков, вывел Гумаша и Уррана из зала.

— Сегодня не получится, — сказал я Долек Уррану у Пестрых врат, куда подошли мы вместе с помирившимися беками, — приходи завтра, а лучше послезавтра, словом, навдайся на днях, получишь свою нагайку.

— Здрав будь, славен будь, Шершамсаддин! — беки дружно попрощались и вышли из ворот.

И вот, пока я раздумывал, вернуться ли мне к Газзану или приступить к каждодневным делам, возникла передо мной фигура женщины; закутанная во все черное, она прятала лицо свое, и разобрать сразу невозможно было, высокогодная это хатун или чернавка грязная.

— Шершамсаддин, мой славный бек, ты ли это? — спросила женщина. Голос показался знакомым, но вот кому он принадлежит, сразу определить не смог.

— Да, это я. А ты кто? — я спросил без церемоний.

— Не признал, видать. Разговор к тебе имею. Услышь мой голос, внемли словам моим. Не лишай последней надежды меня, бесталанную.

И таким трогательным в своей незащитности показался мне этот голос, поверь, мой хан, будто каленой стрелой пронзили мне сердце. Отвечал я ей душевно: мол, ступай за мной, коль голодна ты, накормлю досыта, одену, обую, коли голая ты и босая, не признал я тебя. Кто ты, каких кровей, не плачь, не убивайся, отвечай.

Она же, мой хан, зарыдала пуще прежнего. Поплакала вволю, повыла и вдруг умолкла. Я терпеливо выжидал, потому как на себе испытал: пока женщина не выплачется, остановить ее нет возможности, скажешь «не плачь», только подзадоришь, так что я молча ждал, стоял и ждал.

— Шершамсаддин, неужели взаправду не узнал ты меня, мой бек? — женщина, перестав плакать, заговорила дрожащим голосом.

— Стал бы спрашивать, если бы узнал? Кто ты? — Я на-

чинал терять терпение. К тому же Газзан мог позвать в любую минуту.

— Я это, мой бек, — Женщина приоткрыла лицо. Молнию, поразившую меня в этот миг, счел бы я за благо.

— Ты ли это? — спросил. — Как ты осмелилась явиться сюда? Ступай прочь. Уходи и не оглядывайся! Не место тебе здесь. Понадобисья беку нашему, я дам тебе знать. Но не думаю. Хочешь попросить о встрече с сыном, не того выбрала, ступай к Газзану. А вот примет он тебя или прогонит с порога, не знаю, не мое это дело, — я сказал и повернулся, чтобы уйти.

Да, мой хан, то была Брюхатая Фатима. Во что же она превратилась — описать невозможно. Бросилась мне в ноги, вцепилась мертвой хваткой:

— погоди, не уходи, выслушай, а там поступай как знаешь.

— Возьми себя в руки, Фатима, старухам не пристало валяться в ногах, встань и пооди прочь. — Я пытался высвободиться из цепких рук женщины.

— Ой, знаешь ты все про себя, про нас же знать не знаешь. Услышь мой голос, внемли словам. — Фатима решила начать все сначала.

Лучше бы мне оглохнуть. Лучше бы мне провалиться сквозь землю. Лишь бы не слышать то, что услышал я от нее. Но я выслушал ее, мой хан. И теперь пересказываю тебе слово в слово все, что поведала Фатима. Сказала:

— Шершамсаддин, мой отважный герой. Тебе ли не помнить меня? Тебе ли все знать про себя, про меня же не знать ничего? Придется напомнить. Вспомни, мой герой, что было много-много лет тому назад. А не желаешь ли воочию узреть былое? Себя в той жизни увидеть не желаешь?

Мой хан, после таких слов ее что-то непонятное со мной приключилось: словно во сне — наяву я стал видеть все, что она говорила. Красочные картины сменяли одна другую. Брюхатая же напевно вещала:

— Видишь?! Смотри внимательно. Смотри, вот ты. А вот и я. А это Барагчуг. Тот день чудесный помнишь ли? Ответствуй, мой герой, ответствуй, не стыдись, отважный лев мой...

Едва она произнесла слово «лев мой», мой хан, меня словно копьём пронзило. Только она называла меня так — «мой

лев». Все, все до мельчайших подробностей всплыло из глубины памяти. Разве можно забыть такое? Даже если сильно захочешь, забыть такое невозможно. Я был растроган невероятно, но вида старался не показывать, пытался держаться холодным. Но глаз от видений оторвать не мог. Брюхатая говорила:

— Помнишь, ты только посмотри, помнишь, каким молодцем ты был. Тополинный стан имел. Руки твои были крепки, как камень, а грудь вздымалась, как утес. Безлунной темной ночи подобны были жгучие глаза твои. Точенные беломраморные пальцы твои за душу хватили. Голос твой был подобен рыку льва. Ты молод был, мой Шершамсаддин, а ночи те лунные помнишь?!

Мой хан, чары ее околдовали меня, помимо воли моей стали срываться с уст моих слова. Я говорил и сам же, словно со стороны, слушал свои излияния:

— Пса твоего звали Барагчуг, не так ли? За домом твоим простирался овражек, не так ли?

Она кивком головы подтверждала мои слова и в лад отвечала: «Пса моего звали Барагчуг, именно так... За домом моим простирался овражек, именно так».

— Той памятной лунной ночью, когда прокрался я к тебе и тихо постучал в калитку, такой шум поднял Барагчуг, едва не разорвал меня на части. Ты была прекрасна, Фатима...

— Из любви к тебе так громко лаял Барагчуг. На тебя, и только на тебя лаял он так самозабвенно, больше ни на кого не лаял Барагчуг. Минули те дни, мой бек, ушли в невозвратное. Но... не об этом речь. К милости твоей взываю, лишь ты можешь помочь мне, спасение мое в твоих руках. Потому что...

— погоди, старуха, погоди. О какой такой помощи может идти речь сейчас?! Думай, о чем говоришь! — Я постарался взять себя в руки. — Что общего может быть у меня с матерью шпиона?!

— Потому что от дней тех невозвратных, мой лев, осталась памятка. Хочешь знать, что случилось той ночью? Понесла я от тебя. Залог оставил ты. Никогда и ни за что не открылась бы я, вечно хранила бы тайну. Сейчас делюсь с тобою тайной нашей, знай.

Я оторопел. Поначалу я вроде и не понял, о какой такой тайне говорит Брюхатая, при чем тут я и вообще...

Спросил настороженно:

— О какой это тайне ты лопочешь, старуха? Умом тронулась или что?

— Нет, — отвечала Брюхатая, — умом не тронулась, мой славный бек. Тайна, о которой я говорю, заключается в том, что тот, кого ты бросил в яму, тот, кого заключил ты во мрак подземный, и есть мой сын, а значит...

— Мой... нет, нет, твой сын...

— Да, мой лев, да, мой тур неукротимый, ты не оговорился, слово вымолвил верное: твой, твой сын, мой господин, твой сын... Он есть и твой сын, Шершамсаддин. Вот и вся моя тайна, благодарение Тенгри, открыла ее именно тебе, а не кому-то постороннему. Теперь тебе известно все. Сын наш родился, как память о ночи той лунной. Смилуйся над ним, не губи сына, мой барс.

На одном дыхании выплеснула все это Брюхатая и снова принялась плакать и причитать: дитя мое, безотцовщина, несчастный горемыка, пропащий, беспомощный, невинно осужденный и все такое прочее.

Сил моих отвечать ей не было. Как стоял, так и застыл в полной растерянности. Через какое-то время с трудом удалось мне совладать с собой, и я ответил Брюхатой. Слова словно бы сами собой срывались с уст моих, сам не знаю, откуда они взялись. Все, что сказал ей, слово в слово повторяю тебе, мой хан.

— Что слышу я?! Что слышу я?! — сказал. — Постой, погоди. Мир необъятный сжался в ничтожный комочек, словами твоими повержен. Мой сын — тот самый... презренный шпион?! Позором, как пеплом, осыпан стою я, несчастный, словами твоими изранен. Мой сын тот самый... презренный шпион?! Кровь его алую жаждал пролить я на землю сырую. Сыном теперь называю его? Сердце его из груди вырвать желал я своими руками. Сыном теперь называю его. Не надо было тебе извещать об этом меня. Не надо было тебе бесчестьем смущать меня. Тенгри всемогущий, укажи путь верный, поддержи в беде великой. Фатима, Фатима, не стой, как идол, ступай отсюда прочь. Ты все сказала. Уходи. Дай мне время подумать, поразмыслить. Тенгри благой, Тенгри благой, кому поведаю, с кем поделюсь бедой моей? Ответь мне... мне, рабу твоему, всевышний Тенгри... Что делать мне, куда идти?..

— Иди к Горгуду, к Горгуду иди. Лишь он один может указать тебе путь верный, мой бек. Не губи дитя мое. Тенгри не простит тебе этого, знай.

Проговорила эти слова Брюхатая, глянула в глаза мои и медленно удалилась.

(Все мы, включая и Байандур-хана, раскрыв от удивления рты свои, смотрели на Шершамсаддина. Ему бы в руки саз — вылитый озан. Я даже писать перестал. Хан казался расстроенным, так подействовали на него слова Шершамсаддина. Он и был озаном; каким образом ты вдохновил его, всемогущий Тенгри, для чего вдохновил — непонятно мне. Уж я-то могу отличить слова заученные от вдохновенных, уж я-то видел ясно: Шершамсаддин говорил-пропевал слова, рожденные им в сиюминутном вдохновении.)

* * *

... А потом я увидел, что Брюхатая выходит из покоев Газзана. Воровато огляделась по сторонам, убедилась, что никто ее не видит, надвинула платок на глаза и, пригнув голову, быстрыми шагами направилась к выходу. Газзан не показывался до самого утра. Заперся у себя, замкнулся.

Что было потом, мой хан, расскажу тебе в подробностях, знай. Потом, мой хан, утром следующего дня Газзан неожиданно для всех собрал малый совет. Явился Бекил, явился Арруз, явился Бейрек и я был допущен. Бек приступил к совещанию. Не в себе был Газзан. Я подумал было, что Газзан готовится к отпору, если вдруг Арруз Годжа начнет обвинять его в неуважении, проявленном по отношению к рубежным огузам, не получившим приглашение на празднество разграбления. Однако против моего ожидания Арруз Годжа не произнес ни слова, сидел до поры до времени молча, насупившись. Газзан говорил без обычного воодушевления:

— Славные беки, дело вот в чем, положение таково. В Огузе объявился шпион. Это сын известной вам Брюхатой Фатимы. Он... как бы это сказать, очень молод, характером еще не окрепший, несмышленный, почти мальчишка. Что нам делать, как поступить должно, слово за вами.

Первым отозвался Арруз Годжа. Не глядя ни на кого, сказал:

— Хотелось бы знать, кто первым сообщил о шпионе? Пусть скажут нам, чтобы и мы знали.

Газзан поначалу не собирался называть имя Бейрека:

— Какое это имеет значение?! Главное — известно имя шпиона. Его назвал Деде Горгуд. Все остальное не имеет смысла.

— Нет, смысл есть и значение велико. Первым о шпионе заговорил Бейрек, верно? — Арруз Годжа в настойчивости своей пошел дальше.

Бейрек тотчас же сорвался:

— Верно, это я сообщил о шпионе, что дальше скажешь? — резко бросил он в лицо Аррузу. Это был явный вызов.

— Это на меня-то ты голос повысил?! — Арруз Годжа мгновенно взъярился.

— Успокойтесь, славные беки, уймьтесь. Не следует нам отвлекаться от сути дела. Ссориться нам ни к чему. Как поступить с этим... юношей? — Газзан внятно повторил вопрос и, помолчав, продолжил: — Вот для чего я призвал вас. Как нам быть с этим юношей? Убить его? Или отпустить? Уж больно жалок этот мальчишка, чтобы мы... Что делать будем?

И тут я понял, что Газзан шаг за шагом протаскивает решение, которое я принял в уме своем, и старается как можно быстрее внушить его славным бекам. Теперь решение было за ними. Они должны были сказать последнее слово. Что ж, посмотрим, что скажут они. Сам я, уповая на Тенгри, собирался высказаться в самом конце совещания.

Арруз Годжа, скажу по чести, успокоился первым, что было ему несвойственно. Бейрек тоже молчал и лишь хмуро насунился.

Первым слово взял Бекил:

— Каждый шаг наш, славные беки, должен быть тщательно обдуман. Негоже нам вносить смуту в Огуз.

Арруз Годжа поддержал его:

— Правду говорит Бекил. Должно нам поступать осмотрительно. Чтобы потом каяться не пришлось, оборони от этого Тенгри.

Почуяв, что настал удобный момент, я встрял в обсуждение:

— Славные беки, тот, кого мы огульно объявили шпионом, до сих пор слова не проронил, вины своей не признал. Виновен ли он в самом деле, нет ли на нем вины — одному Тенгри ведомо. По мне — мальчишка обвинен бездоказательно.

— Нет на нем вины. — Арруз встал на мою сторону.

— Невиновен. — Бекил тоже встал на мою сторону.

Газзан выслушал нас одобрительно, но перед тем, как сказать последнее и решающее слово, обратился к Бейреку.

— Ты что скажешь? — спросил он с намеком на что-то, известное только им.

— Я скажу то, что скажешь ты, — Бейрек отвечал быстро и решительно.

Только после этого Газзан вздохнул облегченно и вынес приговор:

— Да будет так. Вижу, единогласны вы в своем решении, будь по вашему. Если вы считаете, что нет на нем вины, значит, так оно и есть. Что ж, ступай, Шершамсаддин, вытащи бедолагу из ямы, омойте его, очистите от скверны, оправданным верните его матери, пусть оба идут себе с миром.

Одобрительно кивая головами, беки поднялись со своих мест. И тут Бейрек неожиданно для всех сказал:

— Но пусть, мой бек, оба они немедля покинут пределы Огуза, пусть идут куда глаза глядят, и да пропадут они оба пропадом. Чтобы не осталось причин для досужих пересудов. Чтобы никто не посмел потом сказать, что сердца беков Огуза смягчились и нет в них былой твердости.

Предложение Бейрека застало славных беков врасплох, они растерянно переглянулись, но возражать никто не стал.

Вот так и завершился малый совет. Все мы вышли во двор. Я собственноручно вытащил шпиона из ямы. Славные беки безмолвно наблюдали за тем, как осторожно тянул я веревку, которой привязан был несчастный наш шпион. Бедняга окончательно обессилел в яме, на ногах стоять не мог, рухнул на землю и лежал недвижно, распространяя зловоние. По знаку Газзана чернавки обступили распростертого шпиона и долго омывали его холодной и горячей водой. Потом, опять же по знаку Газзана, чернавки вынесли из дома свежую одежду, переодели парня, оттащили его в сторону от ямы и поставили перед ним еду, которую тот молча, не подымая

головы, принялся есть и ел, пока не насытился. Мой хан, порой он исподлобья бросал на меня пронзительные взгляды, и сердце мое разрывалось на части, ибо узнавал я глаза отца моего, славного воина Гафлат Годжи. Жадно вглядываясь в его изнеможенное лицо, находил в нем многие дорогие сердцу черты. Но когда оглянулся по сторонам, к своему удивлению, узрел, что все беки, включая и самого Газзана, с каким-то странным интересом всматриваются в него, глаз оторвать не могут. Причины столь острого интереса я не понял. Короче, некоторое время спустя появилась Брюхатая, не глядя ни на кого, молча подошла к сыну, вытерла концом платка слезы с глаз своих, так же молча обняла парня за плечи, подняла с земли и оба, опираясь друг на друга, медленно прошли мимо нас... В глубоком молчании проводив глазами удаляющихся мать и сына, славные беки, сутулясь и понурив головы, сели на коней своих и отправились каждый в свою сторону.

Мой хан, клянусь тебе, больше ни парня, ни его мать я в глаза не видел. Растворились, словно два куска хлеба во чреве голодного. Я интересовался их судьбой, расспрашивал, кого мог, но никто не слышал о них. С тех самых пор временами меня заедает тоска по сыну, и я иногда по вечерам горько оплакиваю его. Вот так, мой хан. Такие вот дела свалились на головы наши. Взываю к милости Тенгри всемогущего, лишь он способен осенить дух хана моего мудростью высшей и милосердием, опираясь на кои хан мой простит грехи мои вольные и невольные во имя благого Тенгри.

Провозгласив эти слова, Шершамсаддин умолк, потушил голову, да так и застыл. Байандур-хан, в глубокой задумчивости пребывая, не проронил ни слова. Я отложил перо и незаметно для хана стал разминать натруженные пальцы правой руки. Байандур-хан долго сидел молча, потом вдруг встал с трона и, не попрощавшись, вышел вон. Печаль Байандур-хана навевала грусть и на нас. Однако было уже поздно. К тому же ночная мгла уже давно опустилась на подворье хана, так что сил ни для писания, ни для разговоров ни у кого из нас не оставалось. Шершамсаддин, Гылбаш и я молча вышли во двор. Гылбаш кликнул служанок, те развели нас по разным покоям. Кое-как в полудреме я пережил эту ночь,

рано утром с первыми криками петухов вскочил, спешно оделся и в ожидании Гылбаша...

Текст обрывается, однако по продолжению ясно, что пропущенное не столь велико и, главное, несущественно.

* * *

Солнце уже нависло над Гюнортаджем и высветило все уголки ханского подворья. Птичий гомон перемешался с криками нукеров-наибов; мычание коров, бляенье овец, трубный рев буйволов и ржание коней, сливаясь в один жизне-радостный гул, возвещали о начале нового дня. Повсюду раздувались очаги, а один нукер мокрой тряпкой тушил факелы, горевшие всю ночь на выступах каменной ограды.

Выйдя во двор, я увидел, что на ханское подворье через Главные ворота въезжает всадник, за которым следует малочисленная свита. Всадники спешили, конюхи приняли у них поводья и увели коней на конюшню. Гылбаш встретил передового всадника и, издали увидев меня, повел неизвестного гостя в мою сторону. «Кто бы это мог быть?» — подумал я. Немного погодя, я признал в незнакомце Бекила. И до него очередь дошла. Приблизившись, Бекил почтительно приветствовал меня, я отвечал подобающим образом, и мы втроем сели под вязом за расстеленную заранее скатерть. Подали еду, мы, благословясь, принялись есть, слава Тенгри, насытились, и Гылбаш вопросительно взглянул на меня, спрашивая: «Не пора ли?!»

— Встал ли хан ото сна? — я спросил.

— Встал, ждет нас, — Гылбаш ответил.

Я с готовностью поднялся.

— Ты тоже пойдешь с нами, Бекил. — Гылбаш был немногословен.

Вслед за Гылбашем мы проследовали к хану.

Байандур-хан восседал на своем месте. На лице его и следа ночной усталости не осталось.

— Проходи, Бекил, садись ближе. Добро пожаловать! — обратился хан к Бекилу.

Поклонившись Байандур-хану, я прошел на свое место, встал туда, где вчера ночью оставил свои записи.

Бекил был человеком чести и благородства. Он с достоинством преклонил колена перед своим ханом, с искренним и глубоким уважением ответил на его приветствие и только после этого сел в указанном месте. Гылбаш тотчас примостился у него за спиной.

— Знаешь ли ты, Бекил, для чего призвал я тебя? — задал уже знакомый вопрос Байандур-хан.

— Нет, не знаю, мой хан. Думаю, ничем не заслужил я немилости светлого хана, иншаллах. На рубежах мир и спокойствие, нет хану моему причин для тревоги. Или весть какую изволил получить хан?! Что бы ни приказал великий хан, жизнь свою положит Бекил, но станет невольником приказа.

— Нет, Бекил. Никаких тревожных вестей не поступало. Знай, я очень доволен тобой. Ты один держишь на запоре наши границы с Гюрджистаном, я спокоен. Совсем по другому делу вызвал я тебя. Ты будешь говорить, а я буду слушать.

— Приказывай, мой хан. Отвечу на любой твой вопрос. — Бекил еще не догадывался о цели своего вызова и потому был спокоен.

(Многие годы спустя Бекил поделился со мной мыслями о том злополучном событии. Поначалу он подумал, что хану стало известно о его размолвке с Газзаном. Мое присутствие воодушевило Бекила, потому что, проникнув в его сон, я обещал ему поддержку при случае. Всемогущий Тенгри, превьшие ты всех высот высочайших. С каких это пор стали мы проникать в чужие сны?! С каких это пор стали видеть одни и те же сны?! О, мир наш загадочный! Если ты, перед тем как извести нас, впускаешь в мысли друг друга, каким же тогда будет конец жизни нашей?!)

— Бекил, мне стало известно, что ты участвовал в малом совете Газзана. Вы изловили шпиона, вы же и отпустили его. Почему вы сделали это?! Вина этого шпиона несомненна, злые дела его известны. Вред, нанесенный им Огузу, в доказательстве не нуждается. Скажи мне, не тая, в чем причина вашего решения, почему ты сам высказался не за смерть, а за прощение? Отчего ты, Бекил, счел вину шпиона бездоказательной?

Только тут-то Бекил и понял, для чего среди ночи подняли его с постели и потребовали, не мешкая, явиться пред очи хана. Я увидел, что он не особенно испугался вопроса, однако легкое волнение все же охватило его. Что он мог сказать? Все, что он мог поведать хану, более или менее мне было известно, но вот как он расскажет, в каких словах поведает историю — этого я не знал. Байандур-хан же очень верил Бекилу. Бекил расскажет всю правду — хан не сомневался в этом, потому и допрос Бекила начал без обиняков. Сразу же задал главный вопрос.

Действительно, Байандур-хан, как явствует из текста, не лукавит с Бекилом, не начинает издалека, как это было в случаях с Газзаном и Шершамсаддином. Хан ценит Бекила прежде всего за его мужество и безупречную службу на границе с Гюрджистаном, кроме того, хану доподлинно известно о стычке Бекила с Газзаном на охоте и что Бекил сильно обижен. Деде Горгуд уже рассказал хану все, что знал об этом происшествии..

Бекил для хана является (в случае, если хан намеревается выдвинуть против Газзана обвинение) в высшей степени важным, ценным свидетелем. Да и сам Бейрек еще может, как говорится, «погореть» на Бекиле.

Бекил был мужественным человеком. Он не стал увиливать от прямо поставленного вопроса и рассказал хану все как есть. Бекил начал так:

— Байандур-хан, скажу прямо. Еще до совещания у Газзана задумал я освободить несчастного парня. Вижу, удивился ты? Не удивляйся, мой хан, позволь все рассказать тебе по порядку. За день до совещания сидел я дома. Вдруг со двора раздался зов.

— Бекил, Бекил! — Голос был женский, звучал жалобно, слезно. Никто из домашних не обратил внимания на него. «Послышалось, наверное», — поначалу подумал я. Но нет, вошел нукер.

— Хозяин, — сказал он, какая-то — женщина прикорнула у ворот и плачет. Твердит: «Не уйду, покуда не увижу Бекила».

— Кто такая, чего хочет? — спросил я у нукера.

— Нам не говорит. Отведите к Бекилу, мол, у меня есть,

что сказать ему. Уперлась и стоит на своем. Что делать? — спросил нукер у меня.

«Аллах-Аллах! Кто бы это мог быть на ночь глядя?!» — это я подумал про себя, нукеру же сказал: «Пусть подождет, сейчас приду», сам стал гадать: «Случилось ли что в Огузе, или вести какие из Гюрджистана? Караванчики ли изгнали эту негодную дочь негодника? Хотя в последнее время ни один караван не проследовал мимо нас». Одолеваемый тревожными мыслями, подошел я к воротам и увидел тень какую-то, лица не разобрать. Мужчина ли, женщина — сразу не поймешь. По плачу определил — женщина. Едва я приблизился, нукер сказал:

— Ну что молчишь? Вот он, бек наш, говори, что хотела.

Женщина отняла руки от лица, хотела было броситься мне в ноги, да я не дал, схватил ее за плечи, приказал:

— Что сказать имеешь?! Я — Бекил. Говори же.

— Услышь мой голос, внемли словам моим, Бекил. Видать, не узнал ты меня. Всмотрись же в лицо мое, узнаешь? — Женщина подняла голову и приблизила свое лицо к глазам моим. Узнал я ее, мой хан, разве мог я не узнать ее?! То была Брюхатая Фатима...

(Я глянул на хана. Байандур-хан заерзал на троне и замер. Видно, интерес возоблада, и он не остановил Бекила, не прервал его рассказ, молча продолжал слушать, порой думая о чем-то своем.)

...Да, мой хан, то была она — женщина по прозвищу Брюхатая Фатима.

— И теперь не узнал ты меня, мой храбрый Бекил? — переспросила она.

— Узнал, узнал. Каким ветром занесло тебя к нам?! Что тебе нужно, чего хочешь? Да встань же!

— Не встану, — Брюхатая отвечала.

Сколько я ни просил, не поднялась Брюхатая, зарыдала горше прежнего. «Сейчас сбегутся все домочадцы», — подумал я, сказал:

— Ну что плачешь-убиваешься?! Ты лучше расскажи, что приключилось с тобой? Как я могу помочь, если не откроешь, в чем дело?

— Бекил, Бекил, герой Бекил. Ты не оставишь в беде беззащитную Фатиму. Знаешь ли ты, горе какое свалилось на бедную голову той, что Брюхатой зовете? Сына единственного облыжно шпионом назвали, схватили, руки скрутили, связали и бросили в яму Газзана. Не откажи мне в помощи, бек мой бесстрашный. Одна надежда на тебя.

— Так сын твой шпионом оказался?

— Нет, конечно же нет, Бекил. Не убивай меня словами страшными, Бекил. Не дай срываться с языка смертоносным словам, Бекил. Мой сын послушный простодушный мальчик. Не шпион он. Мой сын безвольное творение Тенгри. Не шпион он. Газзан с Бейреком на пару загнали его в западню, Бекил. Про шпиона Бейрек нашептал Газзану на ухо. Газзан, не разобравшись, приказал: схватить, приволочь, наказать, чтобы смерть ему слаще жизни показалась.

— При чем же я? Чего ко мне заявлялась? — я спросил Брюхатую.

— Бекил, неужто забыл ты меня? Была я юной и прелестной. За домом моим был овражек. Пса моего звали Барагчуг. На тебя, и только на тебя одного не лаял он. Как мог ты забыть те дни, когда навещал меня, Бекил, лихой Бекил?! И ночи те не помнишь?

Мой хан, слова ее навеяли воспоминания, вспомнил я пору юности своей. На миг, закрыв глаза, перенесся даже назад, в те дни, но тут же взял себя в руки:

— Забыл, не забыл... Ты дело говори.

— Бекил, Бекил, сын мой рожден от тебя. Как память о тебе берегла я его, Бекил. Никому не открывала тайну рождения сына, долгие годы хранила тайну эту в сердце своем. Сейчас хотят извести сыночка нашего. Не допусти. Ступай, поспеши к самому Ханлар-хану Байандуру. Расскажи ему все. Мой сын, твой сын не шпион, Бекил. Истинную правду говорю тебе, знай.

Что со мной тут случилось, мой хан, врагу не пожелаю пережить такое. Руки мои прилипли к телу, ноги — к земле. Застыл истуканом, слово вымолвить не могу. Язык онемел, во рту пересохло. Долго ли пребывал в таком состоянии, не помню, а когда пришел в себя, первым делом спросил:

— Это Бейрек начал разговоры о шпионе?

— Бейрек и начал, мой Бекил. Шестнадцать лет провел Бейрек в крепости Байбурд, откуда знать ему о делах в Огузе? Бейрек обрушил мой кров.

— Да будь он трижды Бейрек, на пути у него стоит Бекил! Ступай домой, женщина, знай: не пройдет это даром Бейреку, отомщу подлецу, накажу его. За все ответит Бейрек.

Брюхатая еще что-то говорила, вроде: «Не допусти гибели сына, на тебя уповаю, ты моя единственная надежда, только ты сможешь спасти сына...» — но я уже не слушал ее причитания.

Мой хан, я проводил ее до дороги, женщина, сделав несколько шагов, обратилась в тень и растворилась в ночи. Я вернулся домой. Мне уже сообщили о предстоящем на завтра совете, решил не медлить, кликнул нукеров, велел седлать коней и вместе с наибамы пустился в путь. Еще до первых петухов достигли мы предела опорных огузов.

На малый совет кроме меня призвал Газзан Арруза, Бейрека и Шершамсадина. Когда все собрались, Газзан обратился к нам с такими словами:

— Славные беки, я собрал вас, чтобы посоветоваться. Дело вот какое. В Огузе объявился шпион. Я имею достоверные сведения. Поначалу не поверил я. Долго сомневался, судилрядил. Стал вспоминать. Вы тоже вспомните. Я отправился на охоту — шпион сообщил об этом врагам нашим. Бейрек решил свадьбу справить — снова шпион. Бекил на охоте ногу повредил, шпион тут как тут.

— И кто же он, Газзан-бек? — я спросил.

Арруз Годжа не стерпел, тоже спросил:

— Кто донес о шпионе?

Газзан несколько раз перевел взгляд свой с Арруза на меня. Потом, как мне показалось, Газзан неохотно ответил:

— Бейрек сообщил. Бейрек рассказал о шпионе. Горгуд был у нас. Шпион — сын Брюхатой Фатимы, это сказал Горгуд. Мы схватили парнишку, бросили в яму. Только вот мало похож он на шпиона, молоко еще на губах не обсохло. Молчит, ни звука не издал за все время, не так ли, Шершамсадин?

— Да, мой бек, именно так, — Шершамсадин отвечал то-ропливо и как-то взволнованно.

— Теперь, славные беки, слово за вами. Как нам быть, как поступить должно?! Обсудим. Что скажете? — проговорив это, Газзан умолк в ожидании ответа.

— Так это Бейрек сообщил о шпионе? — Арруз спросил с явной издевкой в голосе.

— Я сообщил, что с того? — Бейрек злобно огрызнулся.

— На меня огрызаешься?! — Арруз мгновенно взъярился.

— Огрызаюсь, и именно на тебя, — Бейрек не уступал.

Газзан возвысил голос:

— Успокойтесь, славные беки, возьмите себя в руки. До свары ли нам сейчас? Со шпионом разобраться надо. Потом сделаем то, что можно сделать потом. Что скажете? Отвечайте: есть на нем вина или нет на нем вины? Казнить ли нам несчастного или отпустить? Бедняга уже второй день в яме...

И Арруз, и Бейрек отступили друг от друга, успокоились. Арруз сказал:

— Нет на нем вины. Я считаю, что он невиновен. Отпустить надо.

Я сказал:

— Не виновен. Отпустить.

Шершамсадин тоже поддержал нас. И только Бейрек молчал. Газзан спросил его:

— Ты что скажешь?

— Что ты скажешь, то и я скажу, — Бейрек ответил и насушился.

Обычно Бейрек никогда не перечил Газзану, вот и сейчас он поддакнул ему. Газзан оглядел нас и тоже согласился с нами:

— Ну, если вы считаете, что он невиновен, я тоже считаю, что он невиновен. Шершамсадин, ступай, вытащи бедолагу из зловонной ямы, верни его матери, пусть отведет сына домой.

— Нет, мой бек, — Бейрек вскипел внезапно. — Пусть он покинет Огуз, нельзя ему оставаться здесь, пропади он пропадом. Пересудов не оберемся, — сказал он.

Что касается меня, то я сразу же заподозрил Газзана. Еще до совещания с нами он решил не наказывать сына Брюхатой. В противном случае он не стал бы созывать совет. Четвертовал бы парня, и дело с концом. Мой хан, знай, и Газ-

зан, и Бейрек хотели отпустить юношу, осуществили же свое желание нашими руками. Хорошо, что так все сложилось. Не то пришлось бы мне посчитаться с Бейреком за его дерзость на охоте. В пути я поклялся себе сделать это прямо на совещании.

Потом Шершамсадин вместе с двумя нукерами отодвинул камень, закрывающий вход в яму. Я подошел поближе, чтобы убедиться в своих предположениях, оставались у меня еще кое-какие сомнения. Следом за мной к яме подошли Газзан с Аррузом. Юноша был привязан к толстому канату, нукеры вытянули его и отошли в сторону. Вот тут-то, мой хан, сердце мое зашлось, едва чувств не лишился. Юношу обмыли, переодели, накормили-напоили, а я смотрел на него и видел своего Имрана — те же черты лица, те же глаза. А как он смотрел на меня!.. Все сомнения вмиг улетучились — кровь моя, вскипевшая при виде юноши, подтвердила истинность слов Фатимы. Потом и она сама подошла, подняла сына с земли, обняла его и, не проронив ни слова, не поднимая головы, повела беднягу к воротам. Ушли они. Больше я их не видел.

Бекил умолк. Я тоже перестал писать. Ждал. Снова холодный пот заструился по спине. Я боялся взглянуть в лицо Байандур-хану. А он сидел неподвижно и тоже молчал. Я подумал: «А если бы хан изначально знал суть дела, стал бы он затевать расследование?» Вопрос остался без ответа. Против моего ожидания Байандур-хан задал Бекилу вопрос, не относящийся к существу дела о шпионе.

— Бекил, ты сказал, что должен был рассчитаться с Бейреком за дерзость на охоте. Что это за охота? Что произошло на ней, какой долг остался за Бейреком? Я хочу знать. Расскажи обо всем.

Бекил весь вытянулся, напрягся, как тетива, готовая выпустить смертельную стрелу. Помоги ему выбрать правильную цель, всемогущий Тенгри. Бекил рассказал Байандур-хану историю на охоте, а начал так:

— Хан над всеми ханами, пресветлый Байандур-хан, ты, конечно, помнишь, какую дань прислали однажды иноверцы Гюрджистана. Вместо положенных золота-серебра, которые ты щедро раздавал славным бекам и достославным героям, прислали дерзкие гюрджистанцы коня одного, меч один

и посох с дубовым набалдашником. Расстроился ты сильно. «Кого одарить, чтобы обиды не было?» — спросил ты. Вышел вперед Горгуд и так рассудил:

— Не кручинься, мой хан. Все это отдай одному славному беку.

Однако никто из беков Огуза не выразил желания получить столь скудную дань. Всякий отводил взгляд и поджимал хвост. Ты, мой хан, посмотрел на меня и спросил: «А ты что скажешь?» Подумал я: «Лучше потерять голову, чем доверие хана». Помнишь, мой хан, согласился я принять вызов неразумных соседей, двинул свой род-племя к рубежам Огуза. Откочевал к пределам Гюрджистана. Встал дозором...

— Помню все это, не забыл я, Бекил. Почему ты спрашиваешь меня об этом, герой? Я велел тебе рассказать про случай на охоте, — Байандур-хан прервал Бекила, но в голосе его явно слышалась ласка.

— Повинуюсь, мой хан. Расскажу про охоту. Но дозволю высказать все, что на сердце скопилось. Каждодневные дела и заботы не позволяли мне часто бывать в Огузе. Я наладил охрану рубежей по всем правилам. Сразу же разведаль и пометил все окрестные крепости, досконально изучил все пути-дороги, тропы-тропинки, реки-ручейки, пастбища и нивы. Самолично обошел, собственными глазами увидел, собственноручно перенес на бумагу все, что сможет понадобиться хану моему для успешного похода, если решит он осуществить его. Повсюду оставил соглядатаев и всегда имел обо всем происходящем верные известия. Словом, мой хан, ты можешь быть спокоен — рубежи Гюрджистана под твоей властью.

— Благодарю тебя, Бекил. За труды и заботы твои благодарю. Я всегда ценил тебя по достоинству твоему, — Байандур-хан сказал.

— Истинно так, мой хан. Ты всегда ценил меня, и это вдохновляло меня на подвиги во имя твое. Однако не все обладают мудростью и великодушием моего могучего хана. Многим не по нраву пришлась отеческая по отношению ко мне любовь и ласка Ханлар-хана.

— И кто же они? Говори не таясь. Я слушаю тебя, — Байандур-хан поощрил Бекила.

Бекил подробно, от начала до конца пересказал хану все, что уже некогда поведал мне во сне моем. Только в первый

раз я был слушателем, а сейчас, повинуюсь жесту Байандур-хана, стал записывать рассказ Бекила. Вот она, история Бекила:

— В один из светлых дней, отпущенных Тенгри для жизни, сидел я дома в окружении наибов и вершил дела каждодневные, как вдруг прискакал нарочный. Услышав повеление Байандур-хана, не раздумывая и не медля, оседлал коня и, презирая тяготы длинного пути, вечером того же дня достиг Огуза, предстал перед ханом. Хан расспросил меня о подступах к крепости Дузмурд, о ее укреплениях, насельниках и защитниках, описал их презренного предводителя, осмелившегося тревожить хана нашего дерзкими и нелепыми посланиями, — словом, выложил перед ханом все свои подробные знания по этому делу. Я знал, что в то время рубежные огузы враждовали с Дузмурдом. Враждующие предпринимали набеги и нашествия. Мы вторгались в их пределы, они разоряли наши земли. Везир хана нашего, Газылыг Годжа, был взят в плен и заточен в крепости Дузмурд. Долгие годы не могли мы выволить его из неволи. Ближайший родственник его Амман многократно предпринимал попытки освободить пленника с помощью наемников, однако все его старания не увенчались успехом. Настала очередь сына Газылыг Годжи — Йейнек был готов пожертвовать собой ради вызволения отца. Хан не был против. При мне хан спросил его:

— Йейнек, готов ли сразиться с врагом во имя отца своего?

Йейнек отвечал:

— Готов, мой хан, но только не во главе наемников, а вместе со славными героями Огуза.

Услышав и оценив ответ молодого воина, Байандур-хан повелел созвать и оснастить большую орду, а Йейнеку приказал возглавить ее.

На выходе из дворца меня поджидал человек Газзана.

— Бек, — сказал он, — Газзан хочет видеть тебя, пусть Бекил навестит опорных огузов.

Газзан — бекларбек, он имеет право вызывать меня. К тому же чуть раньше было между нами дело одно, неудобно о нем говорить, но придется ради ясности дальнейшей сказать хану, что Газзан присылал ко мне своего чабана и я переслал с ним отару овец на шашлык Газзану. Ну, думаю, Газзан вознаме-

рился уважить меня, отказывать негоже, так что направил коня своего в ставку Газзана. Встретил он меня радушно и тут же пригласил на охоту.

— Бекил, обитаешь ты далеко от нас, встречи наши нечасты. Завтра с утра выезжаю я с беками на охоту. Не желаешь ли присоединиться к нам? Оно, конечно, наши джейраны и сайгаки с вашими ни в какое сравнение не идут, однако и у нас можно славно поохотиться. Желаю уважить тебя. Что скажешь?

— Благодарю, Газзан, здрав будь, — отвечал я.

Вся ночь ушла на подготовку к охоте. На рассвете я со своими наibaми присоединился к Газзану. К полудню достигли отрогов Аладага, разбили шатры. Среди беков были Гарагунн, Гара Чакур, сын его Гыргунут, Шершамсадин и Бейрек...

Сначала разогрели коней лихой скачкой, потом сели пировать. Выпили вина крепкого. Мой серый жеребец обогнал всех в скачке лихой. Стрелял из лука, мой хан. Стрела прошила ухо джейрана, в ногу вонзилась. Это моя метка. Охотясь в степях Барды или на отрогах Кяпаза в Гяндже, я всегда стрелял таким образом, потом осматривал добычу — тощих отпускал, упитанных отдавал на шашлык. Все беки знали мою метку и, случись кому подстрелить джейрана с меченым ухом, сразу же переправляли добычу мне, говоря: «Это метка Бекила». Много раз Гарагунн таким образом поступал, признавая мое право на добычу, и Дели Дондар не раз присылал мне туши животных. И Арруз Годжа, он тоже может подтвердить сказанное мною.

На охоте Газзана мой серый жеребец неизменно обходил всех коней на три-четыре корпуса. И здесь, по своему обыкновению, я пришел стрелой ногу джейрана к его же уху. Беки сгрудились вокруг моей добычи. К ним присоединился и сам Газзан.

— В чем дело? Почему остановили ловитву? — спросил он.

Отвечали беки:

— Бекил снова на скаку пришел стрелой ногу джейрана к его же уху.

Газзан спешился. Оглядел добычу, снова спросил:

— В том заслуга коня или охотник хвалы достоин?

— Заслуга охотника, — единогласно отвечали беки.
— Нет, заслуга коня. Коли конь не лихой, то и охотник плохой, коли конь не птица, нечем хвалиться.

— Помилуй, бек. Разве я бахвалюсь? Вот он, мой лук, вот она, моя стрела, сами за себя говорят, — я сказал.

Тут вмешался Бейрек:

— Тебе же говорят, заслуга коня. Или не слышишь, Бекил?

Мой хан, этот Бейрек на дух не выносил меня. Причина же его неприязни мне известна. Многие не знают, ты же, мой хан, знай. В свое время он глаз положил на мою, прошу прощения у хана, благоверную. Одно время кружил он, зорко всматриваясь, возле дома Волоокой Чешме. Перед свадьбой своей вышел на девичью ловитву. Недолго рыскал он в поисках добычи, сразу же заметил нынешнюю мою, не к стыду сказано, благоверную. Серым волком вился вокруг дома ее. Я разрушил его намерение умыкнуть невесту. Вместе с Алп Рустамом. Но это уже другая история, мой хан. А Бейрек, мой хан, с тех пор затаил на меня злобу лютую и вот сейчас дал волю языку.

— Истинно прав Газзан, несомненно, в том заслуга коня, а не охотника вовсе, — Бейрек говорил, пристально глядя мне в глаза, являя вызов всем видом своим.

— Берусь с закрытыми глазами сразить джейрана стрелой, — я сказал.

Беки недоверчиво засмеялись. Громче всех хохотал Бейрек.

— Плесенью покрылся ты, Бекил, лежа на боку у рубежей Гюрджистана. — Бейрек перешел к прямому оскорблению.

— Бейрек, — сказал я, — ты говори, да меру знай. Тот груз, что я выдерживаю, ты только поддерживаешь.

(Неплохо сказано. «Я — выдерживаю, ты — поддерживаешь». Следует вставить это выражение в «Огузнаме». Бекил выразился согласно достоинству своему: пристойно, но резко.)

... Желаете убедиться? Давай устроим состязание в стрельбе из лука. Увидим тогда, какова заслуга коня в том, что меток стрелок.

Бейрек оскорбился, сказал:

— Это я меру не знаю? Мне ли сказал ты такое?

Не с руки мне было связываться с Бейреком, не в нем дело было. Газзан затеял этот разговор, а Бейрек — он всегда и во всем подпевал Газзану, какой спрос с него? Так что, отвернувшись от Бейрека, я, как мог почтительно, сказал Газзану:

— Газзан, уйми своего подручного. Иначе...

Бейрек взглянул на Газзана. Тот молча пожал плечами. Приняв это за поддержку, Бейрек распалился еще больше, голосом взвился.

— Иначе — что? Что будет? Продолжай, говори! — выкрикнул он.

И снова я сдержался, стиснув зубы, взял себя в руки. «Негоже проявлять неуважение к Байандур-хану. Неуважение, проявленное по отношению к Газзану, боком одним коснется Байандур-хана», — подумал я. А еще успокоил себя вот чем: «Не будем портить удовольствие от охоты, стерпим. А там — вот я, а вот ты — Бейрек. Разберемся по-своему». Однако Бейрек думал иначе. Он дерзко пошел еще дальше, встал лицом к лицу со мной и буквально завопил:

— Знаешь ли ты, что я могу сотворить с тобой, Бекил? Кем возомнил ты себя? Кому угрожаешь ты, мне ли?

Снова я стерпел, не ответил Бейреку, как подобало бы. И что я мог ответить наглцу, мой хан? Слова здесь бесполезны, а пускаться с ним в рукопашную было ниже достоинства моего. Ни разу еще не переступал я пределы чести воинской, все в Огузе знали это. Потому снова обратился я к Газзану. Как ни старался, мой хан, слова сорвались несдержанные, ибо терпению моему приходил конец.

— Газзан, — сказал я, — этот пес твой или нет? Прикажи ему, пусть успокоится и займет место свое. Или не слышишь ты слов его обидных? Не ты ли пригласил меня на охоту? Он-то тут при чем?..

— Это меня-то он назвал псом?! Этот бирюк?! Знай же, Бекил, тебе больше пристало выть диким воем вдали от Огуза, чем с людьми разговаривать! Где тебе помнить о чести и достоинстве, ты слова эти позабыл там, у себя на безлюдье. Это я-то пес?! Зарежу я тебя, Бекил!

Мой хан, сказав это, негодный сын негодника за меч схватился. Глядя на Газзана, я тоже положил руку свою на рукоять меча и сказал:

— Газзан-бек, терпению моему пришел конец. В последний раз предупреждаю...

На сей раз Газзану от молчаться не удалось. Не обращаясь ни к кому, он примиряюще произнес:

— Прекратите, славные беки, к чему такие речи? Разве не на охоте мы?! Пусть летят стрелы меткие, но не слова обидные.

Бейрек успокаиваться не желал:

— Как он посмел назвать меня псом?! Сам он пес поганый, стервятник презренный, пустите меня, беки, не держите, дайте мне зарезать эту тварь недостойную.

Гара Чакур и Гарагунн с трудом удерживали рвущегося в драку Бейрека. Снова вмешался Газзан, строго прикрикнул на него:

— Прекратить! Кому сказано?! — По его знаку Шершамсадин обнял Бейрека за плечи и повел его к роднику. Выждав некоторое время, Газзан обратился ко мне с такими словами:

— А теперь ты послушай меня, Бекил, и запомни. Стрелу, выпущенную мною, не всякий отыщет. Не всякому доступны места, куда ступало копыто коня моего. Всем известно имя мое и звание. Я — Бекларбек Салур Газзан. Повторю это для тебя. И я, Салур Газзан, говорю тебе: знай свое место, не переступай заветной черты. Я, Салур Газзан, утверждаю: нет твоей заслуги в удачной охоте, вся заслуга по праву коню принадлежит. Разговор на этом закончен.

Сказав, вскочил в седло и ускакал прочь. Так расстроилась охота, мой хан. Бекам не оставалось ничего другого, как разойтись восвояси. И я, глубоко разочарованный подобным исходом потехи, вместе с наибами своими прямо с отрогов горы Газылыг направился домой — к рубежам Гюрджистана.

В пути меня одолевали думы. «Газзан унизил меня, в прах втоптал перед лицом беков и наивов. Но как этот Бейрек осмелился пререкаться со мной, слово поперек сказать?! Видно, стоит кто-то за ним, науськивает. Иначе не осмелился бы он, Бейрек, в присутствии моих наивов столь нагло дерзить мне, Бекилу, верой и правдой, не зная ни дня, ни ночи, оберегающему покой и безопасность всего Огуза. Ничего, ничего, придет тот день, когда поставлю я тебя на место. Пока же благодарен будь хану нашему светлому, одно имя

его удерживает меня от мести немедленной. К тому же, как знать, осмелился бы Газзан на такое без ведома Байандурхана? Допускаю, что с позволения хана нашего Газзан затеял эту игру с охотой. Или самовольно подстроил мне испытание Газзан? Мол, униженный и обиженный Бекил непременно отвратится от Огуза, отпадет от хана. Перестанет вовремя собирать и высылать хану дань с гюрджистанцев. Охладеет к обязанностям своим. А там, глядишь, и вовсе откоцует от рубежей Гюрджистана. Гнев хана неминуем...» Обуреваемый мрачными предчувствиями, достиг я становища своего. Благоверная моя сразу увидела, что не в себе я, с порога спросила: «Что стало с тобой, уезжал веселым, возвращаешься грустным?» Что я мог сказать, мой хан? Промолчал я. Не унижалась благоверная, повторила вопрос, а потом еще и еще раз задала мне его. Не выдержал я, что было, как было, все рассказал, выложил перед нею. Сказал, что Газзан пригласил меня на охоту, где щедро восхвалял беков за каждый удачный выстрел. Когда же дело дошло до меня, Газзан приписал заслугу коню моему, но не мне. Вот я и обиделся на Газзана, покинул охоту, домой вернулся. А тут еще Бейрек...

— А он что? — благоверная насторожилась.

— Стал болтать оскорбительное, меч на меня обнажить собирался, беки не допустили.

— Вот негодник сын негодного! И ты не ответил ему?

— Как можно! Не желает он забыть старую вражду. Ничего, за мной дело не станет.

— А что ты сделаешь ему?! Газзан зять Байандурхана, Бейрек подручный Газзана. Нам-то опереться на кого, мой бек?! Но ты не кручинься...

— Хлеб свой добывал я мечом своим, верой и правдой служил я Огузу. Чем Бейрек лучше меня? Не тем ли, что шестнадцать лет благополучно провалялся в подземелье Байбурда и теперь может творить, что ему вздумается?! Нет, не бывать этому!

— Никогда не бывать этому, мой бек. Не забывай, что ты — Бекил. Не будь тебя, не видать Огузу покоя. Не ты ли в одиночку противостояшь силе несметной, запертой тобою в крепостях Таккура на всем побережье моря Черного?! Не ринется ли сила та на Огуз, не затопит ли земли наши, если ты ослабишь волю свою хоть на миг?! Не думай об этом, за-

будь обиды, не бери душу свою глупыми попреками... Или не все сказал ты?.. Ах...

— Верно поняла ты, не могу я отмахнуться от подобного оскорбления. Отказываюсь я признавать власть и старшинство Газзана. Решил откочевать в Гюрджистан. Никто не оставит меня, пусть весь Огуз на себе почувствует, каково ему без Бекила. Днем с огнем не отыщут Бекила. Пусть спросит хоть раз Ханлар-хан у Газзана. Не достаточно будет одного, пусть спросит во второй раз. Пусть спросит, что стало с Бекилом, где запропастился, не видать его в Огузе, почему не навещает он нас?! И пусть тогда ответят Байандур-хану Газзан с Бейреком. Хотел бы услышать я их слова. Готовься, завтра же покидаем Огуз.

Благоверная упала в ноги, умолять стала:

— Остынь, мой бек, охладись. Разума нет в кипящей злобой голове. Не изменяй Огузу. Знай, изменяя Огузу, ты изменяешь хану своему, нет разницы в том. Изменнику нет доброго пути, знай и будь умнее. Не горячись, а лучше встань и с легким сердцем отправляйся на охоту. Чем хуже наши горы угодий Аладага?! Вставай, мой герой, не дай остынуть коню своему, не позволяй застаиваться подручным своим, ступай на охоту. Развеет она мысли черные, растворит в удали думы темные. В охоте лихой спасенье твое!

— Нет, не хочу, — я упирался.

— А если я скажу, что желает душа моя свежей дичи, что, и тогда откажешь? Ни разу до сего дня не обижал ты меня отказом. Неужто сейчас обидишь ту, которая всей душой предана тебе?

— В таком случае пойду на охоту, — я согласился.

Не смея утомлять хана моего, скажу кратко: послушавшись благоверной, отправился я в горы на охоту. Что случилось дальше, хану моему известно, повторять нужды нет. В итоге Гара Таккур напал на нас, сын мой... Если бы Горгуд не пособил...

Рукопись обрывается, но не надолго. Пропущенные места, вероятно, содержат описание эпизодов встречи сына Бекила, Имрана, с инородцами. Потеря невелика, так как читатель уже имел возможность «созерцать» в пересказе Горгуда «видение», включенное им же в рукопись.

...Мой сын мог пасть от руки инородца, рубежи Огуза могли быть порушены, род мой и племя были на грани гибели, а я валялся в постели беспомощный. Спрашивается, хан мой, из-за чего? Почему? Кто виноват?! Конечно, Бейрек и Газзан. Вот за что я должен посчитаться с Бейреком. Иначе не быть мне прежним Бекилом...

Высказался Бекил, закончил речь свою, умолк.

(В дверь просунулась голова нукера. Гылбаш, получив от Байандур-хана молчаливое разрешение, вышел и, быстро вернувшись, что-то едва слышно доложил хану. Байандур-хан, недолго думая, ответил: мол, пусть подождут, на сегодня достаточно. Гылбаш вышел.)

Байандур-хан обратился к Бекилу:

— Я внимательно выслушал тебя, Бекил, теперь настал твой черед слушать меня. Итак, мне известно было все, что свалилось тебе на голову. Я знаю все, знай и ты. Несправедливые дела стали твориться в Огузе. Но крепись, Бекил, я знаю, кто ты есть, знаю, что представляет собой и Бейрек. Все не так безнадежно, как тебе кажется. Тебе воздастся по заслугам твоим. И Бейрек получит то, что заслужил. Ступай же, отдохни. Ты мне еще понадобишься, дело не завершено. Рядом будь.

Байандур-хан поднялся с места своего. Мы тоже встали. Бекил приблизился к Байандур-хану и приложился к руке его. Байандур-хан в ответ обнял его, поцеловал в лоб. Пятясь и кланяясь, Бекил вышел вон. Я остался наедине с ханом. Он, разминая члены, потянулся, потом вдруг спросил:

— Горгуд, сын мой, а знаешь ли ты, кто пожаловал?

— Нет, милостивый хан, не знаю.

— Дочь моя Бурла Хатун. А с нею и Банучичек, благоверная Бейрека.

— Вот оно что? И она тоже?

— Именно. И она тоже. Что скажешь? Потратить ли нам время на них или разумнее завершить расследование? Учти только, конец следствия не столь уж и близок.

— Мой хан, с чем пожаловали благородные жены? Призвал ли ты их по делу нашему или сами явились засвидетельствовать любовь и уважение отцу и повелителю своему?

— Как знать... В любом случае, обратим себе на пользу их приезд. Как ты посмотришь на то, чтобы и их расспросить в свете дела нашего? Мужчине по нраву делиться с благоверной. Тайны Газзана известны Бурла Хатун, тайнами Бейрека владеет Банучичек, разве не так?

Неспроста задал вопрос и ждал от меня прямого ответа Байандур-хан, не в его это правилах. Понял я, что женщины явились не по своей воле, Байандур-хан конечно же с самого начала намеревался привлечь их к следствию. Потому и ответил я сообразно догадке своей:

— Не помешает, мой хан, расспросить их кое о чем. Остались кое-какие неясности.

— Ты прав. В таком случае ступай, позови их. — Байандур-хан прошел к окну.

Я вышел. Гылбаша не обнаружил. Подозвал одного из нукеров, передал ему повеление Байандур-хана. Тот ответил: «Слушаюсь» и отправился исполнять поручение. Вскоре Бурла Хатун и Банучичек уже стояли у дверей. Обе почтительно приветствовали меня, я отвечал тем же.

— Во здравии ли пребывает отец мой хан, благодарение Тенгри? — Бурла Хатун спросила.

— Все хорошо, госпожа моя Бурла Хатун. Нет причин для волнения, — я ответил.

Банучичек быстро взглянула на меня, но спросить ничего не спросила, а я сделал вид, будто и не заметил.

— Ты тоже будешь присутствовать при нашей встрече? — Бурла Хатун спросила.

— Не знаю. Все в воле хана нашего...

Я, как ни старался углядеть Гылбаша, не замечал его и потому, признаюсь, был поражен, когда он появился из приемной и сказал:

— Все трое проходите. Хан ждет вас.

Не мешкая, мы проследовали за ним. Байандур-хан продолжал стоять на том же месте, где я оставил его одного, — у окна. Он обернулся на звук шагов, и глаза его засияли в непритворной радости:

— Ты ли это, дочь моя Бурла? Стройная Бурла Хатун, длинноносая Бурла Хатун, черноокая Бурла Хатун, белоснежная Бурла Хатун... Тебя ли я вижу, ты ли это?

— Отец, позволь приложиться к руке твоей, — сказав это,

Бурла Хатун подошла к хану, опустилась на колени и истово поцеловала руку отца. Хан поднял ее с колен и ласково расцеловал в обе щеки.

— Как ты, дочь моя, во здравии ли пребываешь? Садись, садись. — Байандур-хан сел на трон и усадил дочь напротив себя. — Одна явилась, почему? Я ли не просил тебя привести ко мне мою... Банучичек? Я ли не говорил тебе о тоске моей по Банучичек? Отвечай, дочь. Знает ли она об этом?

Бурла Хатун засмеялась беззвучно и, поглядывая на стоящую в дверях Банучичек, проговорила:

— Знает, но ехать к тебе отказалась. Говорит: обижена я на отца твоего хана.

— Прямо так и сказала? — Байандур-хан спросил.

— Это я-то обижена? — отозвалась от двери зардевшаяся Банучичек. — Ничего такого не говорила я.

— Значит, обижена? — Хан забавлялся и не скрывал своего удовольствия. — На меня обижена, значит? Что ж, обижена, так обижена. Дочь, Бурла, наше время прошло безвозвратно, состарились мы безнадежно. Что поделаешь?! Есть на что обижаться.

— В чем старость твоя видна, скажи на милость?! Пусть старятся недруги твои! — говоря это, Банучичек стала приближаться к Байандур-хану, подойдя, упала в ноги, обняла их и продолжала: — Пусть старятся изменники... пусть желчь разольется по телу не любящих тебя... Как поживаешь, Ханлар-хан?

— Погоди, погоди. Что это за девица, Бурла? Никак не признаю... — спросил Байандур-хан, нежно проводя рукой по голове и лицу Банучичек.

— Так оно и есть, отец мой хан! Она это. Ты говоришь «Банучичек», вот и я признала ее за Банучичек, — улыбаясь, отвечала Бурла Хатун.

— Неужто? Ты ли это, Банучичек? Жива ли, здорова ли, молодка? Скажи скорее, когда вернешься, если надумаешь покинуть нас? В последний раз — уж не помню, год ли прошел, век ли пролетел — виделись мы когда? Я уж стал забывать, как выглядишь ты, лицо забыл, глаза забыл. Позволь мне всласть наглядеться на тебя. Ой-ой-ой, что с тобой стало, бедная?! Похудела, осунулась... Ладно, ладно, садись вот сюда. Отвечай прямо: может, ты приглашения особого до-

жидалась? Сколько времени не виделись мы, считала ли? Да-а-а, не любишь ты старика, не любишь...

Банучичек змеей вывернулась на ковре, села, скрестив ноги, лицом к Байандур-хану, хлопнула себя по коленям и заворковала:

— Повторять не устану — ты не из тех ханов, которые старятся. Уж больно быстро ты соскучился, ведь и месяца не прошло после последней встречи нашей. Так я тебе и поверила... Осунулась, говоришь, похудела? Это у тебя выбор большой, а у нас — один Ханлар-хан на всех, не видя его, сохнем мы, знай. О-о-о! Не цепляй меня, Ханлар-хан. Ты сначала ответь мне: в чем секрет твоей молодости? Вон сколько молодых и красивых, одна другой прекраснее девушек встретили мы во дворе. И все они прислуживают тебе. Не они ли противоядие от старости?!

Байандур-хан зычно расхохотался. На лице его и следа не осталось от былой озабоченности, весь он светился молодым задором. Про меня даже забыл хан. А я стоял в стороне и нарадоваться не мог перемене, происшедшей с ним.

— Горгуд, сядь на место свое, делом займись. — Байандур-хан снова прочитал мои мысли.

Я поклонился и занял свое место. Вошел Гылбаш и без напоминаний сел там, где сидел на допросах.

Байандур-хан, не меняя тона, обратился к женщинам:

— Что же, красавицы, много есть о чем нам поговорить, но начнем с трабзонского мелика*. Посол прибыл от него с жалобой на нашего Гантурала. Разговор предстоит длинный, потому сразу же скажу, что мелик прислал с оказией ткани отборные, когда закончим с делами, Гылбаш проводит вас в хранилище, возьмете все, что по душе вам придется. Что скажете?

— Спасибо, отец мой хан. Да не иссякнет благо твое.

— Благодарствую, Ханлар-хан. Равного тебе не то чтобы во всем Огузе, в мире этом брэнном нет, знай, — Банучичек сказала.

(Запомнить бы надо: «Равного тебе во всем этом брэнном мире нет». Брэнный мир, каково, а? И откуда взялись у женщины слова такие?)

---

* Мелик (араб.) — правитель.

— Я-то знаю. Вам бы знать не мешало, — Байандур-хан сказал.

— Нам ли не знать?! Очень даже хорошо знаем. — Банучичек за словом далеко не ходила.

Все это время Банучичек поглядывала в мою сторону. Было заметно, что ее беспокоит мое присутствие. Байандур-хан тоже уловил это и сказал:

— Ладно, красавицы, об этом после. Горгуд, сын мой, вычеркни все, что было сказано нами до сих пор. Записывай, что скажем далее. Ты понял меня? — Байандур-хан не спрашивал, это был приказ.

— Понял, милостивый хан. Будет сделано, — я отвечал. Только я собрался выполнить указание хана, как...

Рукопись обрывается, и мы никогда не узнаем, по какой причине Горгуд не выполнил приказ хана, почему все-таки оставил в рукописи разговор хана с женщинами.. Будем считать, что неизвестная нам причина достаточно весома для того, чтобы включить этот интересный разговор в текст рукописи.

— Что ж, приступим, — сказал Байандур-хан. — Бурла Хатун, Банучичек, я задам вам несколько вопросов. Жду от вас искренних ответов. Договорились? Дело вот в чем. Ведомо ли вам, что в Огузе объявился шпион? Почему вы так удивились или не слышали об этом?!

— Как же не слышать, отец наш хан?! Ты слышала, Бану? А ты, Бурла? Слышали, слышали, конечно, слышали... — наперебой зачастили женщины, пока Байандур-хан не прервал их.

— Вот и прекрасно, — удовлетворенно сказал он. — Значит, вы обе слышали. Пропустить такое невозможно. Газзан отправился на охоту, не так ли, дочь моя Бурла, шпион известил врага, и людей наших увели в неволю. Ты же испытала это на себе. Или вот Бейрек. За день до свадьбы, когда все были заняты приготовлениями к пиру, налетели враги, такого богатыря, барса неукротимого выкрали без труда, не так ли? Шестнадцать долгих лет ты, Банучичек, страдала по жениху своему, едва за другого замуж не вышла, помнишь? Должна помнить, такое не забывается, не так ли? Шпион

безнаказанно делал свое дело, а весь Огуз ни сном ни духом не ведал.

— Верно, отец мой хан, истинно говоришь, дорого обошлось нам явление шпиона. Мы едва не потеряли Урруза навсегда. — Бурла Хатун даже всхлипнула.

— Так. Теперь отвечайте мне: кто этот шпион? Каким образом Газзан схватил его, а Шершамсаддин бросил его в яму? Так ли было все, как я сказал? — Байандур-хан спросил.

— Именно так, отец мой хан, так все и было, — Бурла Хатун заговорила первой. — Все тебе известно доподлинно. Так и было.

— А коли так было, — Байандур-хан, прищурясь, уставился на Бурла Хатун, — коли все было так, как я сказал, куда в таком случае исчез этот самый шпион? В небеса ли вознесся, под землю провалился? В птицу вольную, что ли, обратился шпион и улетел восвояси, что скажешь, дочь моя Бурла? — Голос Байандур-хана звучал резко и сурово.

По тому, как посерьезнел Байандур-хан, Бурла Хатун поняла, что он ждет от нее правды и иного ответа не примет. Не растерялась Бурла Хатун, не отводя взора и не лукавя, сразу же ответила:

— Выслушай меня, отец мой хан. Ты, как всегда, поступил мудро, вызвав нас... Я дам тебе верный ответ. Да, шпион был изловлен. Это был сын Брюхатой Фатимы, знай. Бросили его в яму. Ты бы видел Газзана, ты бы слышал, как он вопил, мол, собственными руками убью негодного сына негодника, изрублю на куски, разделаю, как барана, мол, всем урок будет. И что же?!

— И что же? Я тоже интересуюсь — что же дальше? — Байандур-хан спросил.

— Ничего из обещанного Газзан не выполнил, отец мой хан, — сказала Бурла Хатун. — На совет прибыли беки. Не все, а только Бекил, Шершамсаддин, Арруз и Бейрек... Знаешь, что сказал мне Газзан после совещания? «Бурла Хатун, — сказал, — смех, да и только. Все беки единогласно решили, что негодяй невиновен. Я остался в одиночестве, ничего поделать не смог». Вот что он сказал. А незадолго до совещания, отец, Брюхатая приходила, что она наплела Газзану, чем она его околдовала, не знаю, спроси у него самого, отец, только тебе откроется Газзан, не утаит правды от хана своего. Пе-

реговорил он с Брюхатой и вмиг переменялся, вопить перестал, чуть ли не плакал, на меня взъярился, а шпиона вытащили из ямы и вернули матери, так все было благостно, отец, только что цветами не усыпали их путь-дорогу и баранов под их ногами не резали. Вот такой конец у истории со шпионом, знай.

— Пресветлый Байандур-хан! — Банучичек начала говорить, поглядывая в мою сторону, а точнее, на мои перо и бумаги. — Если желаешь знать всю правду, то шпион вовсе не сын Брюхатой.

— Что ты говоришь? И кто же он тогда? — Байандур-хан спросил.

Банучичек отвечала:

— Шпион, мой хан, не кто иной, как Арруз, знай. Бурла Хатун, подтверди.

— Подтверждаю, отец мой хан, Банучичек говорит правду. Шпион — Арруз, истинное слово.

— Ну вот, опять Арруза приплели. При чем здесь Арруз? Почему это Арруз выборочно предавал Огуз? Какая ему выгода?

— Я скажу. — Бурла Хатун решила идти до конца. — Цель его — стать бекларбеком. Чтобы ты отрешил Газзана и назначил его. За что? А за то, что Газзан не справился с врагами, когда те внезапно напали на нас. Газзан, мол, слаб, я силен. Разве не сын мой Басат одолел Одноокого?! Я должен быть бекларбеком! Ночами не спит Арруз, одержимый этими притязаниями, знай. Хотя что это я — тебе и без нас все известно...

Байандур-хан задумался ненадолго.

— Бурла Хатун права, мой хан, — продолжила Банучичек. — Басат одолел Одноокого, Басат то, Басат се... Задурил всем головы Арруз своим Басатом. На устах у него Басат, а в голове одно — сместить Газзана, знай...

(А я вспомнил, что не один Арруз с гордостью произносит имя Басата. После того как он одолел Одноокого, все в Огузе, от мала до велика, мужчины и женщины, юноши и девушки, все без исключения благославляли Басата. Бурла Хатун тогда не была еще благоверной Газзана, и она с трепетом произносила имя Басата, а Банучичек в те времена

Бейрека близко к себе не подпускала, и у нее на устах было имя Басата. Был ли кто-нибудь, для кого имя Басата ничего не значило?! После победы над Однооким все девушки Огуза отдали свои сердца одному только Басату. Байандур-хан пригрозил дочери: «Виджу, как теряешь голову при одном упоминании имени «Басат». И думать о нем не смей. Я за этого лесного дикаря не то чтобы дочь, козу хромую не отдам. Так и передайте Аррузу». За что же сейчас, после всего этого любить Басата и Арруза этим женщинам?!)

— И ты так считаешь? — задумчиво спросил Байандур-хан у Банучичек.

— Да, милостивый хан, я тоже так считаю, — отвечала Банучичек.

— Весть о шпионе Газзану принес Бейрек, не так ли? — Байандур-хан задал очередной вопрос с подвохом.

— Так, если верить Газзану, — отвечала Бурла Хатун.

— Помнишь ли тот день?

— Да, отец мой хан, помню. То был день праздника разграбления. Все беки опорных огузов присутствовали.

— Рубежных огузов не было, верно?

— Рубежных огузов Газзан не пригласил на праздник. — Бурла Хатун на этот вопрос отвечала упавшим голосом.

— Кто из вас за день до праздника ночью встречался с Бейреком? — Байандур-хан вперил взор свой в лицо Бурла Хатун.

— Я не видела его, мне он сказал, что отправляется с наперсниками к Благому роднику, мол, пир великий устроить решили. Так он мне сказал, — Банучичек ответила.

— Я... я тоже не видела его, отец мой хан, — пробормотала побагровевшая Бурла Хатун. — А что случилось?

(Разве Шершамсаддин не рассказал хану прямо противоположное?! Даже не глядя на Байандур-хана, я не сомневался, что не по душе пришелся ему ответ Бурла Хатун. Хан, я убежден, поверил Шершамсаддину. Но и уличить во лжи дочь свою он, как видно, не собирался.)

— Не видела, правда? — Байандур-хан выждал немного и продолжил: — Тогда ответьте еще на один вопрос. Для чего

понадобилось Бейреку заводить разговор о шпионе именно во время праздника? Что думаете об этом?

— А что тут думать? — Банучичек сказала. — Во время праздника или после праздника, какая разница?

— И я не подумала об этом, — Бурла Хатун сказала.

— Тебе, Банучичек, не рассказывал ли Бейрек о том, как он узнал о шпионе в крепости Байбурд? — Байандур-хан с полуулыбкой посмотрел на Банучичек. — Как-никак ты его благоверная...

— Нет, мой хан, не рассказывал. Бейрек весь погружен в себя, попусту слова не скажет. Всегда выжидает подходящего времени, — Банучичек ответила.

— Так... — Байандур-хан посуровел. — Настало время задать последний вопрос. Скажите мне, что произошло с беками, отчего все они на совете проголосовали за сына.. как ее там? Брюхатой?! Почему они оправдали его?

Бурла Хатун посмотрела на Банучичек, Банучичек — на Бурла Хатун. Потом обе дружно потупились и надолго задумались. Байандур-хан не торопил их, терпеливо ждал ответа.

— Отец мой хан. Я думаю, что... Как бы это сказать... Нет, мне кажется, что... нет, отец мой хан, я не знаю. — Первой сдалась Бурла Хатун.

— Ты что скажешь? — не сводя с Банучичек тяжелого взгляда, спросил Байандур-хан.

— Славный хан, все дело в Брюхатой. Что-то такое сказала она бекам... После слов ее беков как подменили, — Банучичек отвечала.

— Так что же она сказала? — Байандур-хан настаивал.

— Не знаю, врать не буду, — Банучичек отвечала. — Но, мой хан, одно знаю точно: есть кто-то, кто подучил ее. Своего ума у нее на это не хватит, а соблазнить она может разве только во сне.

(И я снова почувал, как стынет в жилах кровь.)

— Ладно, красавицы, довольно с меня, утомили. Ступайте. Гылбаш, отведи их в хранилище, покажи трабзонские дары. Пусть выберут себе на платья, сколько захотят. Банучичек, а ты не исчезай, как снег весной. Слышишь? Не жди пригла-

шения. Приходи, когда душе твоей будет угодно... Бурла, дочь моя, скажешь Уррузу, пусть выберет себе лучшего скакуна. Гылбаш!

Бурла Хатун, Банучичек поцеловали руку хану, хан привлек их к себе, расцеловал в щеки и отпустил с миром. Гылбаш вышел вслед за ними.

После их ухода Байандур-хан долго молча прохаживался по залу. Размышлял, по всему видать.

— Горгуд, сын мой, а дело-то наше разбухает, и путается к тому же. Столько времени потратили, а конца как не видно было, так и не видать. Ты заметил, как ловко ухватила Банучичек за шиворот Брюхатую Фатиму, мол, она настроила беков. Если бы эта Брюхатая не была бы душой... Кто надоумил ее провести беков? — Байандур-хан произнес последние слова с двусмысленной улыбкой.

— Да продлятся дни хана моего до бесконечности. Разве следствие не закончено? Шпиона среди нас уже нет, беки повинились в своих грехах. Что еще осталось? — я хотел поменять направление разговора.

— Осталось, Горгуд, осталось. Осталось узнать, кто надоумил Брюхатую. И еще один вопрос остался. Но о нем поговорим потом. А сейчас скажи, кого нам сейчас допросить — Арруза или Газзана? Где же он? Гылбаш, куда ты запропасился, я жду тебя...

Ухо Гылбаша оставалось рядом с ханом, он тотчас же поспешил к повелителю:

— Мой хан, я выбирал Уррузу скакуна...

— Это не к спеху. Кто прибыл? Кого можем допросить сейчас? — Байандур-хан спросил.

— Кого угодно, кроме Арруза — он вызван на завтра. Газзан здесь, Бекил здесь, конечно же, мой хан, в разных покоях... Бейрек прибыл, он сейчас у Газзана, Шершамсадин здесь, Урруз с утра пропадает на конском майдане, скачет, коней укрощает. Одна из кобыл ожеребилась, подрастет жеребенок, Уррузу подарим — чистокровный арабский скакун. Кто еще? Женщины выбрали себе шелку самого лучшего и тафты узорной, просили еще раз поблагодарить хана и отправились домой. Банучичек ушла вместе с Бурла Хатун. Еще возник вопрос с Газылыг Годжой... — Гылбаш запнулся, бросил взгляд в мою сторону, но после кивка Байандур-хана,

дескать, продолжай, заговорил снова. — Газылыг Годжа попросил меня передать хану просьбу о том, чтобы хан направил его куда-нибудь с поручением. А то, говорит, совещание следует за совещанием, а меня не зовут, как бы пересуды не начались в Огузе.

Байандур-хан подумал немного и сказал:

— Прав Газылыг Годжа. Скажи ему, пусть готовит дары. Надо отобрать лучших скакунов, самых мощных верблюдов, помнится, что в панджеке* с прошлого каравана доставили нам золотые сосуды, пусть выберет из них кувшины и вместе с несколькими беками и наibaми отправится в Трабзон. Пусть передаст мою благодарность мелику и сообщит ему, мол, Гантурал получил, что причитается. Потом ты сам, Гылбаш, сделаешь ему внушение суровое... Газылыг Годжа, вручив дары наши, пусть попирует всласть в Трабзоне, развеется. К его возвращению мы закончим наше расследование. Пусть завтра же трогается в путь, ты понял? И скажи ему, пусть подробно расскажет обо всем, что приключилось с ним в Дюзмурде. Дюзмурд от Трабзона недалеко, так что мелику будет интересно. Ступай, передай ему слова мои. Потом пришли ко мне Газзана, послушаем и его. Ну, Горгуд, сын мой, что скажешь, утомился или как? Сил хватит продолжить? Писание — дело не шуточное, я знаю...

Что я мог ответить на вежливое повеление Байандур-хана?

— Я готов продолжить, мой хан, нисколько не устал. Разве можно устать от слов твоих?! Я готов, — сказал я, а про себя подумал: «Однако соскучился я по Свет-камню. Мечтаю поспать у его подножия. Желая побеседовать с ним».

Байандур-хан внимательно посмотрел на меня, но обратился к Гылбашу:

— Ступай, исполни все, что сказано, потом приведи Газзана.

Гылбаш вышел. Хан долго молчал, потом проговорил вполголоса:

— Однако, Горгуд, язык твой говорит одно, а глаза — совсем другое. Замечаешь за собой такое?

---

* Панджек — букв.: один к пяти; пятая часть с захваченных трофеев; пятая часть добычи, принадлежащая хану по праву верховенства.

— Нет, славный хан, не замечаю. И что же сказали глаза мои?

— Не важно. Дай срок, все тебе перескажу. В конце. Мы пойдем друг друга, надеюсь.

— Ты только прикажи, хан, я пойму ровно столько, сколько надо.

— Прекрасно... А пока послушаем, что еще расскажет нам Газзан. Проходи, Газзан, садись не место свое...

Газзан вошел, почтительно поздоровался, поклонился и сел напротив меня.

Байандур-хан спросил:

— Как отдыхалось? Удобной ли была постель твоя? Хорошо ли прислуживали? Как время проводил?

Газзан сказал:

— Благодаря хану моему все было очень-очень хорошо. Ты не беспокойся, мой хан.

Тут вошел Гылбаш, переглянулся с Байандур-ханом и занял свое место.

— Газзан, — неторопливо начал Байандур-хан, — в прошлый раз ты говорил, я слушал. Ты поклялся, я поверил тебе. Один последний вопрос имею к тебе. Ответь мне на него, после этого я сообщу тебе мое решение.

— Я весь внимание, мой хан. Что за вопрос? — Газзан заерзал.

Байандур-хан, не дав Газзану подготовиться, спросил быстро:

— Газзан, расскажи нам, о чем говорил ты наедине с Брюхатой? Ведь Брюхатая была у тебя, что она сообщила тебе, Газзан?!

Газзан опустил голову и долго сидел так, будто не ему задан был вопрос. Байандур-хан крепко держал в руке чашу терпения, молчал и ждал, когда Газзан заговорит. Молчание длилось долго. Наконец, Газзан первым нарушил молчание:

— Отец наш хан. Я расскажу тебе все, как было. Выводы сделай сам. Если решишь, что есть на мне вина, вот она моя голова темная, вот шея... Для тебя она тоньше волоса, знай. Сочтешь нужным, одним движением пальца своего можешь лишиться меня головы, отец наш хан.

— Говори, Газзан, говори, я слушаю тебя.

Газзан откашлялся и начал говорить...

* * *

...Воистину все произошло так, как изволил сказать хан. Брюхатая пришла ко мне. Дело было под вечер. Шершамсадин уже бросил в яму этого парня, объявленного шпионом. Вошел нукер, мол, какая-то женщина хочет видеть тебя, а имени своего не называет. А до того, чуть не забыл, у меня был разговор с Бурла Хатун. Зашла ко мне Бурла и говорит:

— За что арестовал сына несчастной женщины? Ты же знаешь, шпион — дело рук Арруза.

Я сказал:

— Нет, женщина, Арруза не впутывай. Шпион — сын Брюхатой.

— Нет, — повторила она, — это дело рук Арруза.

Я сказал:

— Ошибаешься, это дело рук Брюхатой. Объединились мать и дитя в черном деле, вместе шпионили.

Как ты думаешь, отец мой хан, что она мне отвечала?! Я сначала ушам своим не поверил, опешил от глупых ее речей.

— Ты смотри у меня, — сказала она, — уж больно часто срывается с уст твоих это прозвище. Заладил: «Брюхатая, Брюхатая»! Или молодость вспомнил?

Я не знал, что сказать ей в ответ. Отец мой хан, известно мне, что Бурла беседовала с тобой, думаю, многое рассказала тебе, но не думаю, что всю правду. Я открою тебе всю правду, а ты выслушай...

Байандур-хан отвечал с улыбкой:

— Что ж, Газзан, расскажи всю правду...

Газзан осмелел:

— Я не собирался препираться с женщиной. Какой смысл обострять отношения? Женщина, она и есть женщина — болтает все, что на ум взбредет. Мужчине так не пристало, подумал я и сказал:

— О чем ты говоришь? К лицу ли тебе? Сколько раз можно разбираться, сколько можно копать в прошлом? Мы же обговорили все это двадцать лет назад. Что с тобой или с ума спятила?

Бурла Хатун сказала:

— Это не я спятила, это ты помешался, Газзан. Повторяю: шпион не ее сын. Шпион — человек дяди твоего Арруза. Что, не по нраву слова мои? Дядю своего покрывать надумал?!

Этим, отец мой хан, она окончательно вывела меня из себя. Каюсь, не сдержался, пригрозил женщине.

— Чего ты добиваешься? — повысил я голос. — Хочешь, чтобы встал я с места своего, да взял бы в руки плетку семихвостую, да прошелся бы ею по тебе, чтобы знала, как перечить супругу?

Я повторяю слово в слово все, что сказал тогда, не преувеличивая и не умаляя. Ни слова грубого не сорвалось с языка моего. Потом не выдержал, закричал:

— Знай же, женщина. Приходил Горгуд, он назвал нам имя шпиона. Мое дело сторона!..

— Когда приходил Горгуд? — Бурла отступила. Потом быстро взяла себя в руки, спросила как можно мягче: — Как это я не увидела его?

— Шершамсадин! — Я решил идти до конца. — Иди сюда, иди, подтверди мои слова. Мне здесь не верят. Хочешь послушать Шершамсадина?

— Нет-нет, не надо, не хочу, — женщина ответила.

А потом вдруг заговорила жалобно.

— Газзан, — сказала она, — Газзан, эта Брюхатая — слабая, незащитная женщина. Мать она. Нет у старухи никого, кроме сына-сироты... безотцовщины... может, следует...

— Ни за что! — Я сразу понял, куда она клонит. — Я же сказал, не мое это дело. Вот соберутся беки, совет держать будем. Будет так, как решат они.

Потом разговор перешел на праздник разграбления.

Я сказал без обвиняков:

— Это ты не позволила позвать дядю Арруза на разграбление, запаматовала, небось?

Так оно и было, отец мой хан. Бурла Хатун уперлась, мол, если пригласишь дядю своего Арруза на разграбление, пожалуюсь отцу, скажу — сбился Газзан с пути истинного. Скажу, что оскорбил меня словами непотребными, житья мне от него не стало. И я... не позвал Арруза на разграбление. Из уважения к нему не явились и остальные беки рубежных огузов. Да, отец мой хан, я так и сказал ей, мол, это ты свя-

зала меня по рукам и ногам своим требованием упрямым: не зови, не зови Арруза...

А она отвечала:

— И правильно сделала. Поступила верно. И теперь я кое-что скажу тебе, а ты послушай, Газзан, и постарайся услышать меня. Все дело в том, что дядя твой Арруз давно зарится на трон твой, смириться не может с тем, что ты бекларбек, или не знаешь? Все дело в том, что дядя твой Арруз давно зарится на орду твою, или не замечаешь? Не знал, так знай: дядя твой Арруз к отцу моему хану обращался. Без зазрения совести наговаривал на тебя. «Кто избавил Огуз от Одноокого — разве не сын мой Басат одолел поганого?! Воздай же мне по заслугам, Байандур-хан», — требовал Арруз. Долго я молчала, долго терпела, теперь вот говорю тебе, знай: просил дядя твой Басата поставить бекларбеком над всем Огузом.

Ни слухом, ни духом не ведал я об этом. Откуда мне знать?! Спросил:

— А что отвечал отец наш хан Аррузу?

Вот как ответила Бурла Хатун:

— А что мог ответить отец мой хан? Состарился, силы уже не те у отца моего хана. Что привязался ты к отцу моему хану?

— Никогда не состарится Байандур-хан, никогда не ослабнет сила и мощь его, — сказал я. — Если еще хоть раз услышу от тебя слова такие...

— Состарился, значит, сказала? — словно себя самого, вполголоса спросил Байандур-хан.

— Да, отец мой хан. Так и сказала. Что с нее возьмешь, умных женщин не бывает. Но после моего внушения она умолкла, перечить перестала. Даже ластиться начала:

— Газзан ты, мой Газзан. Коли не любила бы тебя сильно-сильно, разве сказала бы тебе то, что сказала?! Арруз только тем и занимается, что настраивает беков Огуза против тебя. Мой бек, ты должен знать это. Знай же, что в конце концов добром все это не кончится, усобицей пахнет, мой бек, кровью пахнет.

Мой хан, последние слова женщины больно задели меня.

— Пусть! — сказал я. — Арруз желает войны, будет ему война. Дело придется ему иметь со мной — Салур Газзаном.

Знать, настало время очистить Огуз от нечисти. Нет ничего опасней врага внутреннего. Кем бы он ни был, пощады не будет.

Только я успел сказать это, как вошел нукер и, как я уже докладывал хану моему, спросил: «Бек, какая-то женщина хочет видеть тебя, но имени своего не называет. Как быть?» Решив, что это удобный повод выпроводить Бурла Хатун, я ухватился за него, только потому сказал нукеру: «Зови, посмотрим, чего она хочет». Но Бурла Хатун уходить не собиралась, остановила нукера:

— Погоди... Что значит, имени не называет? Скажи ей, что безымянных бек не принимает. Пусть назовет имя свое.

— Женщина, перестань. Не суйся не в свои дела, позволю нам самим решать, — сказал я.

Ты думаешь, мой хан, она послушалась меня?! Как бы не так!

— Ступай, делай, что сказала Бурла Хатун. Не назовется, не впускай, — я приказал нукеру.

Нукер вышел. Я попросил Бурла Хатун:

— Иди к себе, прошу тебя, дай делом заняться.

Не послушалась. Села и стала дожидаться нукера. Вернулся нукер и, негодный сын негодника, сказал следующее:

— Мой бек, оказалось, что эта старуха Брюхатая Фатима. Говорит, должна поговорить с Газзаном наедине.

Мой хан, лучше бы обрушилась Аладаг. По мне уж лучше бы потоп начался... Разбушевалась Бурла Хатун, словно река в половодье.

— Как, как? — возопила она. — С Брюхатой, да еще наедине?

— Да брось ты. О чем таком серьезном может говорить Брюхатая? Где я, где она?! Нет ни от кого у меня тайн! Знать, пришла молить за сына своего. Скажи, пусть потом зайдет, после, завтра...

— Никаких «завтра»! Слушай меня, — приказала Бурла Хатун нукеру. — Зови Брюхатую. Пусть при мне говорит, слышишь, с Газзаном? При мне... Иначе...

— Вот как? — сказал я. — Иначе — что?!

— Отцу моему хану пожалуюсь! — пригрозила в очередной раз женщина.

— Ладно, ладно, что с тобой, хранительница очага моего,

супруга моя благоверная?! Успокойся. — Пришлось мне отступить, мой Хан.

Всякий раз, когда Бурла Хатун выходит из себя, говорит она эти слова: «Отцу моему хану пожалуюсь». Словно кулак, занесенный над темной головою моей, слова эти. Не успеваю рта открыть: «Отцу моему хану пожалуюсь!» Стоит рукой пошевелить: «Отцу моему хану пожалуюсь!» Запугала она меня именем твоим, мой хан, знай. Что мне остается делать?! Ты для меня выше всего, мой хан. Да ты и сам знаешь, что и без Бурла Хатун я люблю тебя всей душой, мой хан. Кем был я — человек, один из многих. Разве не ты возвысил меня? Разве не ты сделал меня бекларбеком? Не ты ли доверил мне орду? Не ты ли был мне опорой и поддержкой все эти годы? Возвращаюсь к сути.

— Отцу моему хану пожалуюсь, — сказала она. — Пусть придет Брюхатая и сейчас же выскажет свою просьбу... — так сказала Бурла Хатун.

— Нет, пусть приходит завтра, — на сей раз уперся я, сколько можно отступать?!

Бурда Хатун сначала, было, разгневалась, но вдруг захныкала:

— Я... я ни минуты не останусь тут. Пусть будет по-моему. Пусть приходит Брюхатая. Сколько угодно можете оставаться наедине, беседуйте себе, воркуйте. Вам есть что вспомнить. По ветру пустил ты, Газзан, все, что было промеж нас, развеял все хорошее. Продал меня ни за грош... коза хромая стоит дороже... Конечно, ты же Газзан! Но я тоже не кто-нибудь, я — Бурла Хатун, может, забыл?! Я — Бурла Хатун, дочь Байандур-хана. Увидим!

Сказав это, Бурла Хатун вихрем рванулась к выходу, вышла вон. Гнев и злобу выплеснул я на нукера:

— Чего застыл как истукан?! Негодный сын негодника, не мог тайком сообщить мне о приходе этой... Брюхатой? Зови ее, чтобы мне пусто было! Зови Брюхатую! Зови эту неверную, живо!

Нукер вышел в растерянности. Воспользовавшись передышкой, стал я размышлять: «Итак, с чем могла заявиться старуха, Брюхатая то есть? Разве не знает она, какая участь ожидает сына ее, шпиона? Ей ли не знать, что нет пощады шпиону в Огузе? Знает, конечно, знает. Так о чем же собира-

ется говорить со мной? Не торговаться же пришла. Нет, и не может быть у нее веской причины. Или надеется слезами своими разжалобить меня? Не выйдет. Ладно, пусть говорит, узнаем, в чем дело». Вот что думал я, мой хан.

Вошла Брюхатая. Сразу же упала к ногам моим, заплакала, запричитала, но сердца моего смягчить ей не удалось. Я молча ждал, когда иссякнут потоки слез и жалобных слов.

— Зачем пожаловала, старуха, чего хочешь? — спросил я грозно, когда она умолкла наконец.

— Отец мой Газзан, умереть пришла у ног твоих. К милости твоей прибегаю. К справедливости твоей взываю... К мудрости... — И тому подобные слова возгласила.

— Слышишь, старая, не время длинных речей. Ведомо ли тебе, что натворил сын твой? Предатель твой сын, шпионил против Огуза в пользу недругов наших. О какой милости лопочешь ты? Сын мой единственный Урруз едва не погиб от рук врага, мать мою увели в неволю. Благоверная моя Бурла Хатун наедине с поганцем этим Меликом...

Короче, мой хан, высказал я Брюхатой все, слов не выбирая.

— У каждого времени своя тайная суть, — сказал я в завершение, — сейчас время расплаты, но не милости. Разве не могла ты, старая, предвидеть черный день сына своего? Столько бед натворил, негодный сын негодника...

Жалкая и беспомощная женщина широко раскрыла опухшие от слез глаза свои:

— Не предвидела, повелитель мой. И думать не думала. Но сейчас только на тебя вся надежда моя, Газзан, в тебе спасение мое.

— Во мне? Что ты несешь, глупая? Ты хоть понимаешь, что говоришь? На меня надеется, оказывается... Ха-ха-ха!..

— На тебя, Газзан. Сам же сказал: у каждого времени своя суть тайная. И у меня есть тайна. Ровно двадцать лет таила я тайну эту в чреве своем, прятала ото всех.

— То дело твое. Меня не касается.

— Касается, Газзан. Сейчас говорю тебе — касается. Мой сын...

— Что, твой сын?

— Мой сын не шпион.

— Ого! Ничего себе тайна. Сын ее, видите ли, не шпион...

А кто же тогда шпион? Уж не я ли? — Я разозлился не на шутку.

— Газзан, неужто забыл ты меня?...

— Тихо, молчи! — я оборвал Брюхатую и заозирался по сторонам.

— Ну, конечно, Газзан, ты забыл меня... А ведь когда-то была я любимой и желанной...

— Замолчи, именем Тенгри заклиная, умолкни...

— Это я сейчас состарилась. Позади дома моего был овражек. Помнишь, бегал по двору черный пес огромный. Звали его Барагчуг. На тебя, и только на тебя не лаял он, если не забыл...

— Да уймись ты, старая, во имя Тенгри! Говори, зачем пришла? Дело говори. А то — забыл — не забыл... Какая разница? Допустим, не забыл. Что с того? Как был твой сын шпион, так шпионом и останется. Слезами дела не исправишь...

Брюхатая помолчала, а потом сказал тихо:

— Он сын твой, Газзан.

— Сын твой шпион и будет сурово наказан. Что?! Что ты несешь?! Не болтай глупости...

— Он твой сын, — Брюхатая повторила.

(Я украдкой глянул на Байандур-хана и увидел, что он с трудом сдерживает рвущийся наружу смех. «Ай да Фатима, ну и хитроумная же ты bestия», — наверное, подумал он, вот и развеселился. Лишь бы в конце нам плакать не пришлось, сохрани всемогущий Тенгри! Дело, по всему виду, к концу движется, приближается время принимать решение, там и увидим — сменит ли Байандур-хан гнев на милость, одному Тенгри то ведомо...)

— Мой сын?! С чего это он мой?! Разве не “Брюхатая от сорока любовников Фатима” полное прозвище твое?

— Матери знать дано, кем зачат сын ее, Газзан, — Брюхатая сказала.

(Произнесла ли в действительности эти слова Брюхатая или Газзан выдумал их в последний момент, не знаю. Однако истинно верны слова эти. Кому, как не матери, знать, от кого понесла плод в чреве своем?)

— Докажи! — я сказал, потом подбежал к двери и плотно прикрыл ее.

— Газзан, долгие годы хранила я тайну эту ото всех. Тайна моя всегда была во мне. Настал час. Открылась тебе и только тебе. Не губи сына нашего, Газзан, не дай ему пропасть, Газзан.

Я продолжал настаивать: «Докажи!» Но душу мою терзали мрачные подозрения. Наконец сказал:

— Отчего до сих пор не признавалась мне?

— А какой смысл в том? Ну, сказала бы тебе, что изменилось бы? Был бы он богатырем могучим, взял бы его к себе, обучил бы всему, воспитал бы воином, брал бы его с собой на охоту и в набеги дерзкие. Не таким уродился сыночек мой, тихий он, спокойный, слова лишнего не вымолвит. Не спросишь, не скажет. Ты только внимательней взглядишь в него, Газзан, рассмотри лицо его, глаза в особенности. Сам все увидишь. Молодость свою вспомнишь.

Мой хан, как бы там ни было, но поверил я женщине. Признаюсь, мой хан, в молодости захаживал я одно время к Брюхатой. И вот теперь есть у меня, оказывается, сын от нее. К чему ей врать? Как мне должно поступить в таком случае? Не знаю. За что мне такое наказание, всемогущий Тенгри?! Что за беда свалилась на голову мою темную?! Кто всадил мне в сердце кинжал по самую рукоятку?! Что делать мне, несчастному?!

— Ступай, Фатима, уходи отсюда. Завтра, завтра... Завтра беки соберутся на совет. Посмотрим, что смогу сделать. А сейчас — оставь меня. Но смотри! Никому ни слова... Никому! Поняла?

Фатима выслушала меня, ответила: «Головой ручаюсь» и ушла. А я расстроился, мой хан. Вспомнилось предостережение Горгуда. Помнишь, Горгуд, это ты сказал: «Как бы каяться не пришлось, Газзан. Зря подхватил ты мысль о шпионе». Да, мой хан, попались мы в сети Бейрека, ведь это он внушил нам подозрение. Знать бы заранее... камень снизу, камень сверху, и нет разговоров о шпионе! А сейчас. Как мне оправдать его на совещании, как увести из-под удара? Что бы я ни сказал, Бекил опровергать начнет, а там еще и Арруз пойдет поперек. Как быть? Вот перед какими вопросами поставил меня тайный разговор с Брюхатой. На том и

завершаю слово свое, мой хан. Тебе решать, велик ли мой грех, высокий хан. Готов сейчас же принять смерть от рук твоих, — Газзан сказал и умолк.

В зале воцарилась тишина. Все ждали. Байандур-хан вдруг хлопнул в ладони, захохотал. Отсмеявшись же, сказал:

— Вы только подумайте. А эта Брюхатая умнее всех оказалась... Не дожидаясь малого совета, навестила каждого из беков по отдельности, убедила в том, что он отец ее сына. Вот увидите, завтра и Арруз расскажет нам то же самое, завтра увидите: и Арруза охмурила Брюхатая. «Матери знать дано, кем зачат сын ее». Сильно сказано, не так ли, Горгуд, сын мой? Запомни слова эти, сбереги их... пригодятся тебе они. Ай да Брюхатая... Остался Арруз... завтра и он позабавит нас. Ха-ха- ха...

Хан снова расхохотался, снова захлопал в ладони. Газзан не понял причины его веселья, но тем не менее облегчение почувствовал. Хан внезапно оборвал смех и сказал голосом суровым:

— Хочешь знать, в чем виноват ты, Газзан? Вина твоя вовсе не в том, что ты позволил умыкнуть шпиона, врага Огуза. Нет его уже среди нас, пропал он пропадом. Настоящую вину твою, Газзан, я объявлю тебе в конце. Завтра, после допроса Арруза, все вы узнаете мое решение. А теперь ступай к себе... И как это получилось, что какая-то там Брюхатая, вы только подумайте, обвела вокруг мизинца своего здоровенных бородатых мужей? Что ты думаешь об этом, Горгуд, сын мой?..

В ожидании ответа вперил в меня Байандур-хан взгляд прищуренных глаз своих. Не выдержал я, опустил голову, ни слова не произнес, покраснел, как бурак, и молчал. Газзан в недоумении великом переводил взгляд свой с меня на Байандур-хана, беззвучно шевелил губами, но спросить, что хотел, так и не осмелился...

* * *

Вот уж который день Гусейн-бек Леле приходил к дверям диванханы шаха и всякий раз горчу сотник Рахим останавливал его, не пропускал внутрь. Истины ради следует признать, что Рахим пускать не пускал, однако дожидаться в уголке двора диванханы не препятствовал. Более того,

в знак уважения он оказывал Леле мелкие услуги: угощал его чаем, прохладительными напитками, иногда даже сам подсаживался и вступал в беседу, скрашивая Леле томительные часы ожидания. Нукеры расстилали под вязом ковер, разбрасывали мутакке, посетитель и сотник устраивались поудобней и, разглядывая снующий в приемной люд, вспоминали былое, обсуждали того или иного попавшегося им на глаза человека. Сотник Рахим часами с раскрытым ртом слушал рассказы Леле, он с видимым удовольствием и неослабевающим интересом задавал вопросы и с благодарностью выслушивал пространные ответы Леле. Сотнику очень хотелось помочь этому почтенному и явно высокородному человеку, но что он мог поделать, будучи подчиненным везира? Сотник и шагу ступить не может без позволения на то везира. Сотник Рахим, согласно заведенному порядку, лично доложил везиру о странном посетителе.

— Везир-ага, некий человек ежедневно с утра приходит в диванхану, говорит: «Должен увидеть я шаха», весь день сидит в ожидании и только на закате дня уходит прочь. Я приказал проследить за ним, живет в караван-сараяе. Заявился он с османской стороны, однако, по всему виду, человек он местный, из наших. Больно много знает. Удивительные истории рассказывает о юных годах шаха нашего сахибаззамана*, да буду я жертвой во имя его. Всех придворных чуть ли ни поименно знает. Военачальников помнит наперечет. Очень интересно рассказывает о своих путешествиях.

— Каково имя его, происхождение? — спросил везир просто так, праздного любопытства ради.

— Имя его Гусейн-бек. Происхождения не знаю.

— И что ему нужно от светоча мира?

— Говорит, только ему самому открою. Важное известие имею, говорит. А вот от кого оно, известие, скрывает.

— Ты сначала толком разузнай, от кого известие. Узнаешь, сообщи мне. Время вечернего намаза, шах наверняка вернулся с прогулки, иншаллах, так что, ступай, займись делом... — Везир особого значения докладу сотника не придал, разговор на том и закончился.

---

* Сахибаззаман (араб.) — букв.: владыка времен; титул шиитских халифов и шахов.

Утром следующего дня Гусейн-бек снова появляется во дворе диванханы. Сотник Рахим, как всегда, встречает его и предлагает посидеть под вязом, подождать. Сотник Рахим чувствует, что сегодня посетитель чуть более нетерпелив, чем обычно. Сели они, поговорили о том о сем, и вот Гусейн-бек спрашивает:

— Господин сотник, скажи мне, только откровенно: это везир-ага не позволяет мне предстать перед ликом шаха или здесь что-то иное имеется?

Сотник Рахим, честно говоря, несколько растерялся от неожиданности вопроса. Чтобы выиграть время, неторопливо отпил глоток чая, посмаковал его вкус и только после этого отвечал:

— Что ты, дорогой, как можно так думать?! Везир-ага очень даже желает, чтобы встреча ваша состоялась, но, видишь ли, шах наш отсутствует во дворце, выехал он на большую прогулку, потому и нет возможности. И к тому же...

— Договаривай, сотник...

— Отчего же не договорить, договорю. Имя свое ты называл, здесь вопросов нет, а вот происхождение твое нам неизвестно. Сам посуди, ну как представить тебя шаху? «Неведомый-неизвестный»? Нельзя так. Разве я не прав?

Гусейн-бек Леле задумался. «Предположим, открываюсь я ему, предстаю перед ним в истинном своем обличье, как знать, захочет ли везир, этот негодяй, знаю его, чтобы Леле воскрес, явился из небытия? Конечно, не захочет снова потерять теплое местечко. Как же быть? Не назвавшись, встретиться с повелителем души моей не представляется возможным. Валлах*, трудное это дело решать между двух огней...»

— А разве везир не может доложить шаху, что, мол, некий беспомощный страдалец, явившийся издалека, молит о встрече всего на два слова? — Гусейн-бек спросил.

— Не могу знать, в его это власти — сказать, не сказать. Я здесь бессилён, пойми. Может сказать, а может — и нет.

— Пусть скажет, что бежал из османского плена. Сражался при Чалдыране, был схвачен, недавно освобожден.

— Не знаю, что и ответить, валлах. А ты что, действительно участвовал в Чалдыранском сражении? — сотник Рахим посмотрел на собеседника с уважением.

---

* Валлах (араб.) — с именем Аллаха.

Леле улыбнулся удивлению молодого человека, над губой которого едва начинали пробиваться усы, отвечал:

— И бился, и сражался... Ты тогда еще ребенком был, наверное...

— Конечно, давно это было. Отец мой горчу, да будет милостив к нему Аллах, погиб при Чалдыране.

— Не было и не будет битвы, равной Чалдырану...

— Расскажи мне, ради Аллаха! Многих расспрашивал, всяк по своему рассказывает. Кто был предводителем твоего отряда?

Гусейн-бек Леле невольно улыбнулся. Глаза его заблестели. По всему видать, этому юнцу удастся разговорить его. Знать бы только, не лукавит ли?

— Это везир-ага поручил тебе расспросить меня?

— Нет-нет, валлах, нет. Клянусь именем святым шаха нашего, истинной верой совершенного наставника нашего клянусь. Очень хочу послушать. Знаешь, отец мой тоже был сотником, а я ведь совсем не помню его, хочу сказать, лица не помню. Но голос его до сих пор звучит в ушах моих. Так мне кажется...

Глаза молодого человека повлажнели. И Гусейн-бек поверил этим глазам. С другой стороны, много всего напласталось в душе его, рад он был поводу облегчить сердце. Начал он степенно:

— Чалдыраном интересуешься, значит... Это был день, когда Аллах отвратил от нас лик свой. Ты видел когда-нибудь слона?

— Нет, не видел.

— Впервые увидел я слонов десять лет тому назад в Чалдыране. Так вот, османы привязали пушки к ногам слонов и выстроили их стройными рядами. Сначала смешным показалось нам намерение врага. Однако... Как ни старались, не могли нарушить их строй. Славная была битва, кровавая ловитва!... Ты спросил, кто был предводителем моего отряда? На этот вопрос сейчас ответить не могу. Сам потом узнаешь. Скажи мне сначала, как имя отца твоего?

— Десятник Гурбанали звали его.

— Та-а-ак... Десятник Гурбанали... — Леле пронзительно взглянул на юношу, задумался на миг и перед внутренним

взором его тотчас ожил облик бесстрашного знаменосца. — Родом вы из Мугани*, не так ли?

Сотник Рахим совсем растерялся, мурашки пробежали по телу его.

— Так, господин мой, так. Ты знал моего отца? — Глаза юноши заблестели, дыхание пресеклось.

— Своими глазами видел я гибель отца твоего. Знаменосцем был он. Упал с коня, стрела пронзила ему сердце. Чтобы ни сказали тебе о нем, не верь, юноша. Я видел: даже бездыханный не выпустил он из рук знамени, никто не смог перехватить знамя из рук его, знай. Так и реяло знамя наше над телом поверженного отца твоего.

Гусейн-бек Леле невольно зажмурился: «Недоставало мне сейчас растрогаться, что это со мной?» — подумал он, протянул руку свою к стакану с чаем, однако пить не стал, так, со стаканом в руке, снова впал в задумчивость.

Сотник Рахим сидел, поникнув головой. Вздохнуть опасался. Боялся словом одним неосторожным нарушить ход мыслей наконец-то разговорившегося незнакомца, чья душа, по всему видать, таила переплетения тайн о делах и свершениях славных и опасных. Рахим даже попытался унять стук своего сердца, чтобы тот не стал помехой рассказчику. Некоторое время спустя, оно показалось сотнику вечностью, Гусейн-бек вышел из задумчивости и продолжил рассказ свой.

— Вперед, скачите вперед, повелитель наш бросился в самую гущу битвы, скачите к нему!.. — крикнул горчубаши.

— Во славу шаха нашего, бейтесь львы! Аллах-аллах!

— Я — шах! Шах — я! — Султанали-бек Афшар с криком ринулся на османов, те волками накинудись на бека, отвлеклись от шаха...

— Малбашоглу, выходи на бой, сразимся один на один, покажи, каков ты в рубке, расступитесь, расступитесь... Ого! Шах одним ударом меча рассек надвое великана! Смотрите, он даже охнуть не успел, только руки раскинул, да так и опрокинулся навзничь...

— Гусейн-бек, Гусейн-бек! Леле с отрядом своим поспел на выручку, остановитесь, не отступайте. Леле! В атаку! В атаку, вперед! Руби их во имя шаха. Вперед!.. За мной,

---

* Мугань — область в Северном Азербайджане.

гызылбаши, смелее, герои мои, самое время для подвига во имя веры!..

— Леле, я... я...

— Вставай, парень, не время умирать. Разве это рана, так, царапина для такого богатыря, как ты...

— Где шах, спасайте шаха, правый фланг прорван, сообщите ему, трубите отход, трубите отход... отступайте. Без паники отступайте, шаг за шагом, стройными рядами. Стой, негодяй, вернись в строй...

Гусейн-бек с видимым усилием оторвал взгляд свой от ему одному зримой точки и завершил рассказ:

— Вот, сотник Рахим, это и был Чалдыран. И десять лет спустя слышатся мне звуки той битвы давней.

Сотник Рахим словно погрузился в глубокий сон, с закрытыми глазами заговорил сам с собой:

— Слышу, слышу тебя, отец мой! «Шах мой, шах мой... во имя совершенного наставника... левый фланг прорван, правый фланг смят. Поспеш, мой шах, не медли, левый фланг опрокинут, спасайся... отходить пора... Иди отсюда, иди...»

Потом оба замолкли. Во дворе диванханы только ветер шуршал в листьях вяза, тревожа их дыханием своим. И еще — в шорох листы вплелось назойливое жужжание шершня, однако ветер отогнал его, полная тишина воцарилась вокруг.

Не скоро собеседники пришли в себя. Сотник Рахим сидел, опустил голову. Гусейн-бек Леле долго не замечал снова невесть откуда появившегося шершня и лишь после неоднократных попыток навязчивого насекомого сесть ему на лоб движением руки прогнал его прочь.

Сотник Рахим не решался взглянуть в лицо Гусейн-бека, духу не хватало. Конечно, из рассказов бывалых людей известно ему было имя Гусейн-бека Леле, и только сейчас он понял, кто перед ним.

— Леле, да буду я жертвой твоей, во имя шаха нашего, прости меня, отпусти грех мой невольный, — прошептал он.

— С кем это ты, сотник Рахим?

— С тобой, Леле. — Рахим наконец-то поднял голову, робко взглянул в глаза Гусейн-беку, но тут же вскочил, вытянулся в струнку, всем видом своим являя готовность выпол-

нить любой приказ. — Леле, это ты и никто иной. Теперь тебе нет нужды скрывать имя свое, слава Аллаху. Все считали тебя погибшим, потому я и не признал тебя. Прости меня во имя Аллаха.

Леле долго не отвечал юноше. Потом заговорил:

— Да и сам я до сих пор считаю себя погибшим, знай. — Леле не выдержал, открылся юноше. — А ты спрашиваешь, кто был предводителем моего отряда...

— Прости за дерзость, Леле.

— Я был в отряде шаха, юноша, в отряде шаха, — Леле проговорил это с нескрываемой болью.

Солнце перевалило за полдень. Сотник Рахим теперь уже не осмеливался тревожить Леле. Не поторапливал его, дескать: довольно на сегодня, уходи, завтра придешь. Стоял в стороне и издали с любовью и восхищением всматривался в него, наглядеться не мог. Про себя же думал-гадал, что и как скажет он везир-ага. «Ладно, предположим, я доложу везир-аге обо всем, ибо должен доложить. И узнает везир, кто он. А что если везир вознамерится снести ему голову? Да еще, глядишь, мне поручит это дело». От этих мыслей сердце сотника сжималось в тоске.

Леле кивком подозвал юношу. Сотник Рахим подошел, но, против обыкновения, не присел рядом, а склонился в почтительном поклоне.

— Сотник, хочу посоветоваться с тобой. Что скажешь?

— Я готов, Леле.

— Вот уже ровно шесть месяцев, путая и заматавая следы, добираюсь я до цели. Десять лет пробыл я в плену у османов, но не сравнятся они по тяготам и лишениям с последними шестью месяцами. Как вижу, и дворец, и диванхана сильно изменились. Не обнаружил я среди придворных ни одного знакомого лица. Что касается везира... непонятный он, скрытный, еще в те времена он... — Тут Леле оборвал себя, поменял тему. — Я же... сам видишь. Тайну свою пока... раскрывать не хочу. Одна у меня просьба к шаху нашему, хочу, чтобы повелитель души моей позволил мне склонить голову к ногам своим и так умереть, знай. Скажи, что я должен предпринять для этого?

Сказав это, Гусейн-бек Леле замолчал, вперил взгляд свой вдаль, стал ждать ответа сотника Рахима.

Сотник Рахим отвечал после долгого раздумья:

— Леле, во много раз лучше меня знаешь ты, каков он, везир. Что я могу посоветовать?! Уповаю на Аллаха, милостивого и милосердного. С твоего позволения, я еще раз подробно доложу ему о тебе. Посмотрим, что он скажет на сей раз.

— Выходит, иного выхода у нас нет?

— Может и есть, но я не вижу его. Потому как не будет меня здесь по возвращении шаха. Приму начальство над ночной стражей дворца. А после возвращения совершеннейшего, ты не то чтобы к диванхане, ко дворцу меньше чем за три махалле* приблизиться не сможешь. Сейчас все обстоит не совсем так, как в твои времена.

— Вижу, вижу... верно говоришь, совсем не так, как в наше время. Одно осталось неизменным: стража должна меняться как можно чаще. Поди узнай, с кем встречались стражники, о чем говорили... Я ввел это правило, давно, очень давно... эх, мир коварный не меняется, что тут поделаешь?..

— Не меняется, Леле. Все, как ты сказал.

— Так что же мне теперь — пеплом позора осыпать голову, да так и сгинуть? — Леле горестно, словно самого себя спросил:

— Если позволишь, переговорю я с везиром, расскажу ему всю правду. Валлах, другого пути у нас нет как нет.

— Думаешь? Не знаю, может, ты и прав. Иди. Поговори. Скажи, мол, он все равно любыми путями увидится с шахом и тогда... Но нет, этого не говори, за угрозу примет. Скажи вот что. Скажи, Леле утверждает, будто принес восточку от Бахруз ханум, скажи. Слышишь, запомни и повтори в точности. Мол, восточку от Бахруз ханум принес.

— Сделаю все, как ты сказал. — Сотник Рахим обнадежил Леле.

* * *

Везир все еще не хотел верить ушам своим и потому в который раз переспросил сотника Рахима:

— Незнакомец сам сказал тебе, что он Гусейн-бек Леле?! Сам сказал или ты предполагаешь?!

---

* Махалле (араб.) — городской квартал.

— Сам сказал, везир-ага. Поначалу это была моя догадка, потом он сам подтвердил.

— Подтвердил, подтвердил. Леле, Леле... Много чудес являл нам Аллах, но такого... Ведь многие своими глазами видели гибель его. И шаху об этом доложили...

Везир задумался. Потом снова обратился к сотнику Рахиму:

— Так, говоришь, восточку от Бахруз ханум принес?

— Да, везир-ага, так он сказал.

— Так-так... но почему в таком случае... — везир оборвал себя и замолчал надолго.

Сотник Рахим тоже молчал. Везир-ага иногда бросал в его сторону вопросительные взгляды, словно ожидал услышать еще что-то, не менее важное, но сотник лишь отводил глаза и продолжал молчать.

— Так. Сделаем вот что. Скажи ему: мол, везир-ага не поверил мне. К тому же сильно разгневался, услышав имя Бахруз. Так лучше. Потом добавь, что везир-ага желает встретиться с ним лично. Завтра приведи его ко мне в диванхану. Надеюсь, ты все понял.

— Понял, везир-ага, как не понять.

— Хорошо. Теперь слушай меня внимательно, сотник. Если хоть один человек узнает о нашем разговоре, если хоть одной душе расскажешь о том, что Леле жив — тебе не жить. Это — государственная тайна, знай. И ему скажи. Чтобы никому тайну свою не открывал. — Высказавшись, везир равнодушно зевнул и продолжил, бесцельно потирая руки: — Еще доподлинно неизвестно, Леле это или не Леле, все может быть. Мало ли что он сказал. Вот увижу его, тогда все и прояснится. Ступай же и сделай, как я повелел...

Сотник Рахим поклонился и вышел вон. А везир долго, чуть ли не до полуночи размышлял над свалившейся на него заботой. Оплавлялась свеча, Везир возжигал новую и думал, думал, уставившись на трепещущий огонек. Последней его мыслью перед тем, как, задув свечу, лег он в постель, было: «И думать об этом не стоит. Нет сомнения, Леле погиб в Чалдыране. Не может быть этот человек Гусейн-беком Леле, иншаллах».

Стоило Леле вслед за сотником Рахимом войти в приемную, как везир сразу же узнал его. По одной походке признал он Леле. Везир дернулся было, готовый вскочить на ноги с ковра, на котором, облокотившись на мутакке, полулежал в удобной позе, однако присутствие сотника Рахима удержало его, он быстро совладал с собой, отвел взгляд от вошедших и некоторое время, словно в глубокой задумчивости, застыл неподвижно. Леле, стоя, смотрел на него и одному Аллаху ведомо, какие мысли проносились в мозгу его. Наконец везир полностью овладел собой, кивком головы указал сотнику Рахиму на дверь, мол, ступай прочь. И в тот миг, когда сотник Рахим, поклонившись, уже переступал порог, Везир сказал ему:

— Явишься на зов.

Везир продолжал пребывать в прежней позе. Он все еще не решил, как ему вести себя с Леле, а в том, что это именно он, сомнений не было. Перед ним стоял не кто иной, как Гусейн-бек Леле — постаревший, изнуренный, но все такой же гордый и суровый любимец шаха, наперсник шаха Гусейн-бек Леле. Было время, когда при одном упоминании имени его придворные и челядь, везири и советники тряслись от страха, а у некоторых волосы дыбом вставали. При звуках голоса его громового многие прятались и не вылезали из убежищ своих до тех пор, пока Леле не успокаивался. И вот он, Леле, стоит перед ним, как... Что ж, с глаз долой, из сердца вон. Все считали его погибшим в битве Чалдыранской. Так нет же, живой и невредимый явился он перед везиром и смотрит на него со скрытой усмешкой. Везир решил потянуть время и потому, насколько мог равнодушно, спросил:

— Ты ли тот, кто назвался Гусейн-беком?

Ответом ему было молчание.

— Отвечай же. Мы считаем Гусейн-бека погибшим в бою. Кто ты, какого рода-племени, с какой целью пожаловал, отвечай, — везир настаивал, но взглянуть в глаза Леле все еще не решался.

— Да, я тот, кто назвался Гусейн-беком Леле. Или не признал, везир? — резко проговорил Леле.

— Ты... чем-то похож на Гусейн-бека. — Везир поднялся

и подошел к Леле вплотную. Некоторое время они стояли молча, лицом к лицу, глаза в глаза.

— Везир, вижу я, не узнал ты меня или, что еще хуже, узнавать не хочешь. Что ж, придется освежить память твою, если, конечно, позволишь. Помнится, был ты молодым человеком, случилось это накануне похода светоча души моей в Ширван*... Отец твой пришел во дворец, добился встречи со мной. Был он тогда-то на службе Узун Гассана**, одним из его мирз***. В вашем доме, что находился в махалле Гырхлар славного города Ардебиль****...

Тут уж везир не выдержал, раскинул руки, собираясь обнять Гусейн-бека, но что-то удержало его, он опустил руки, сделал шаг назад и, с любовью оглядывая Леле, сказал:

— Леле, Леле, ты это, конечно же это ты. Чувствовало мое сердце. Не верил я в гибель твою. Слава и благодарение Аллаху! Что же мы стоим? Садись, садись, Леле, нет, нет, сюда садись. Эй, сотник! — В голосе везира звучала неподдельная радость.

Сотник Рахим тотчас же явился на зов.

— Сотник, скажи там, чтобы подали фрукты, чай, шербет. Живо, живо...

— Слушаюсь, сию же секунду. — Сотник Рахим мгновенно оценил положение, радостно закивал головой, потом приложил руки к глазам своим, поклонился с почтением обоим и скрылся за дверью.

— Рассказывай же, Леле, во имя Шахи-Мардана, быстрее рассказывай, что приключилось с тобой. Все ведь считали тебя погибшим, что же произошло, где ты был, из каких мест явился? — везир спросил, заботливо усадив Леле на мутакке, и с интересом ждал его рассказа.

— История моя длинна и замысловата. — Леле устроился удобней и начал свой рассказ. — Сам я до сих пор не понимаю, как мне, несчастному, от которого отвернулся Аллах,

* Ширван — местность в Северном Азербайджане.

** Узун Гассан — предводитель тюркского племени белобаранье.

*** Мирза — писарь-делопроизводитель.

**** Ардебиль — город в Южном Азербайджане, первая столица Сефевидов.

удалось остаться живым в таком аду, как Чалдыранская битва. Очнувшись, обнаружил себя среди пленных. В Тебризе султан раздал пленников, я достался человеку по имени Абдулла-бек Момин из Трабзона. Он-то и увез меня в Анadolу*. Сначала было очень трудно, мучили раны. Потом узнали, кто я, обращаться стали лучше, даже лекаря приставили, но все десять лет глаз с меня не спускали, хотя доверили канцелярию Абдулла-бека, а его библиотеку я по собственному желанию привел в порядок. Год назад он покинул наш мир, наследники его не стали удерживать меня, отпустили, выполняя завещание усопшего, сказали, мол, иди, куда захочешь. Я и ушел. Лучше бы мне погибнуть в Чалдыране, везир-ага. Почему не погиб я, не знаю.

Нукер принес фрукты и шербет, расставил на низеньком столике и вышел. Везир собственноручно наполнил чашу Гусейн-бека шербетом, плеснул немного себе, сказал: «Пожалуйста, испей». Гусейн-бек пребывал в задумчивости, мысли его витали далеко-далеко отсюда. Не глядя, взял чашу, отпил пару глотков и так завершил рассказ свой:

— Сейчас я нуждаюсь в твоей поддержке: помоги мне встретиться со светочем души моей, должен я склонить голову свою к ногам его, может, простит он грех мой. Если же кровь мою прольет, поверь, не будет во всем мире человека более счастливого, чем я...

Везир слушал Леле со вниманием, временами кивал головой, иногда вторил его словам: «Да-да, иншаллах».

— Иншаллах, Леле. Но зачем же проливать кровь твою?! Зулгадар оказался изменником, тебе это, наверное, известно. Ты же не изменил. Отвага твоя миру всему известна. Если бы ты знал, как наш шах тосковал от разлуки с тобой. Если бы ты знал, насколько горечь Чалдырана поразила дух его, не ведавший до того смятения. Невыносима была для него разлука и с Бахруз ханум. Чего только не делали мы для ее вызволения, сколько просили османов, все тщетно... Ты, кажется, принес весточку от нее, сотник докладывал, так ли это?

Леле прикусил губу. Да, так оно и есть, причина, побудившая везира принять его, заключалась именно в этой весточке. Что ж, пусть будет так. Лишь бы не чинил препят-

ствий для встречи с шахом. Что поделаешь, если сейчас все в руках его? Надо что-то придумать.

— Везир-ага, я имею кое-какие вести. Расскажу их при нашей встрече с шахом, услышишь, иншаллах.

— Конечно, конечно, Леле, — везир поспешил согласиться. — Шах наш совершает путешествие. Вернется не сегодня-завтра. По возвращении совершеннейшего я лично доложу ему о тебе, иншаллах.

— В таком случае...

— Да-да, наведывайся в диванхану. Я прикажу, чтобы тебе прислуживали согласно достоинству твоему.

— Благодарствую. — Леле понял, что везир не намерен продолжать беседу, встал. Везир тоже поднялся с мутакке, проводил Леле до выхода и, когда тот вышел, приказал сотнику Рахиму, стерегущему вход:

— Сотник, проводи гостя и возвращайся ко мне. Запомни, когда бы ни явился он в диванхану, встречайте его и прислуживайте со всем почтением. Я жду тебя, возвращайся скорей.

Сотник Рахим проводил со двора диванханы Леле до самой улицы, там спросил: «Завтра придешь, Леле?» Леле ответил: «Приду», двинулся прочь от дворца.

Возвратившись к везиру, Рахим обнаружил его в расстроенных чувствах, более того, везир был мрачен и не пытался скрыть этого. Он холодно глянул на сотника:

— Прикрой поплотнее дверь, садись рядом, — везир приказал.

Сотник Рахим старательно закрыл дверь и, присев перед везиром на корточки, застыл в этой позе в ожидании его указаний. Везир очень медленно по одной перебирал зерна четок, словно видел впервые, а говорить не торопился. Наконец...

В этом месте чтение рукописи снова затрудняется. Можно только предположить, какая участь уготована Леле во дворце. Причину его неудержимого стремления встретиться с горячо любимым шахом можно объяснить разве что схожестью с побуждением мотылька, летящего на смертельный для него огонь. Поэты утверждают, что движущей силой в подобных случаях выступает глубокое чувство любви — «эшг». Кто знает? Какую игру затевает везир? Нетрудно догадать-

* Анатола — Анатолия, внутренняя область Османской империи.

ся, что возвращение Леле во дворец, а также возможное его восстановление в прежних правах на вершине власти не могут устраивать везира. Вместе с тем ясно, что Леле не случайно напомнил везиру о его отце. Чем-то везир сильно обязан Леле, если достаточно было легкого намека, чтобы, а это явствует из сцены их встречи наедине, везир сразу же «узнал» Леле. Последующие события, как это будет видно, сорвут покров тайны с одной очень интересной ситуации. Собирая шаху о появлении Леле, везир, судя по тексту рукописи, ведет себя так, словно ему известна некая тайна шаха.

* * *

...Шах, отвернувшись к окну, продолжал созерцать деревья в саду, а стоял он спиной к везиру. Везир молчал, не знал, как быть, что посоветовать шаху. Шах повторил вопрос:

— Почему молчишь? Что нам делать с этим... Леле?

На этот раз в голосе шаха явственно слышалась несвойственная ему резкость. Причем относилась она не столько к Леле, а более всего к везиру, к его очевидной беспомощности. Везир чутко уловил это и невольно виновато вздохнул.

— Что я мог поделать, мой повелитель? Используя имя Бахруз, он сразу же подкупил меня...

— Ладно, ладно, довольно об этом, хватит разговоров о Бахруз. Мы должны что-то предпринять. Иначе... Если он раскроет меня...

— Невозможно раскрыть. Как он сможет раскрыть? Может, все-таки...

— Нет, везир, слишком многим я обязан ему, в неоплатном долгу я перед ним, Аллах свидетель. Это не выход из положения. Думай, везир, думай...

— Думаю я, думаю, мюршиди-камиль...

— Леле... Леле... Что-то не верится мне в его чудесное спасение. Ведь были же очевидцы его гибели, с их слов знаем, что османы взяли его в круг, сбросили с коня и разодрали на куски, как же теперь он явился целый и невредимый?... Помнится, мне он говаривал, советовал, когда играли в шатрандж, мол, внимательно смотри на доску, увидишь свободное пространство — не мешкай, двигай туда свое войско, оттуда начинай штурм... — Глаза шаха заволокла влажная

дымка воспоминаний о былых днях. Он резко мотнул головой, устыдившись самого себя.

Везир уловил перемену настроения повелителя, осторожно посоветовал:

— Мне он ничего не скажет. Это очевидно, мой шах. Если ему и есть что сказать, только тебе откроется он. Что ж, пусть приходит, посмотрим, послушаем, с чем явился, может, и вправду что-то важное сообщит... В противном случае, если, говорю, солгал нам, с позволения совершеннейшего мы уж найдем способ...

Шах прервал везира:

— Не встретиться нам никак нельзя, верно говоришь. Однако подумай, так ли уж нужна мне весточка от Бахруз ханум?! Может, она имеет значения для тебя?!

— Во всяком случае, мой шах, есть джамаат*, есть, в конце концов, почтенные придворные, будет правильно убедить их в том, что шах неравнодушен к судьбе Бахруз ханум...

— И когда ты намерен привести его ко мне?

— Я сказал ему, что шах наш совершает увеселительную прогулку. Подождем его возвращения. Если ты пожелаешь, сегодня же.

— Пусть. — шах решил. — Сегодня так сегодня.

— Но ни в коем случае вам нельзя оставаться наедине, знай. Распознает он, никак нельзя оставаться один на один.

— Хорошо, идем, время намаза наступает, благодарение Аллаху. Придете после намаза. Наедине или на людях, разницы большой не вижу...

Шах вышел, везир последовал за ним. Дух шаха пребывал в смятении. Возможно, потому, что этим утром Таджлы ханум, не желала отпускать его в дийванхана, вот и причина беспокойства. Вспомнил утренний разговор с Таджлы ханум, сердце заняло от тревожного предчувствия.

...Таджлы ханум вошла к нему в опочивальню, когда солнце заняло свое место на небосклоне.

Шах уже проснулся, но вставать не торопился, нежился в постели. Таджлы ханум подошла к ложу, сказала:

— Вставай, мой шах, пора. Гляди, солнце давно уже взошло. Съешь чего-нибудь, а там спи, сколько душе твоей угодно.

---

* Джамаат (араб.) — букв.: люди; мусульманская община.

— Ты ли это, Таджлы ханум? — Шах сладко потянулся в постели и полусонным взглядом обвел любимую жену свою.

— Я, мой повелитель, я. Так встаешь ты или нет? По мне, самое время перекусить, а там поступай как знаешь. Сказать, чтобы несли сюда?

— Нет, погоди немного. Что-то кажется мне, будто выглядишь ты сегодня не так, как обычно.

— Пустое...

— А ты все-таки поделись. — Шах облокотился на подушку, сон окончательно покинул его. Он почувствовал, что Таджлы ханум как будто слово имеет какое... Что-то гнетет ее. — Что с тобой? — шах спросил.

Шах и сам, в сущности, ночь провел беспокойную. Сновидения наваливались внезапно и так же неожиданно обрывались, вновь всплывали перед глазами, а потом мгновенно улечивались. Зрачки его под плотно сомкнутыми веками вращались напряженно, будто вглядывался он во сне в непрерывно сменяющие друг друга картины некоего действия, происходящего по ту сторону бытия. Несколько раз он просыпался, жадно пил воду и вновь прикивал головой к подушке. «Что случилось с Таджлы ханум?» — шах, забыв о себе, с тревогой вглядывался в лицо любимой жены своей. Беспокойство его нарастало.

— Мой шах, да буду я жертвой твоей, сон плохой приснился мне ночью этой, уж такой плохой сон...

Признание Таджлы ханум сразу же пробудило в шаху сильный и неподдельный интерес. «Чуткость женщины в подобных делах сильнее нашей», — подумал он и сказал:

— Говори же. Какой сон привиделся тебе?

Веки Таджлы ханум сомкнулись, будто тот сон заново увидела, будто он опять коснулся их тенью своего крыла. Нетерпение завладело шахом:

— К тебе обращаюсь. Что с тобой? Я жду.

— Увидела я во сне, — Таджлы ханум начала свой рассказ дрожащим голосом, — увидела я, что... ты бросил меня. Будто отправился ты в дали дальние, а меня оставил одну. Потом услышала я голос твой, доносился он с высоты седьмого неба и обращался он ко мне. Голос твой вопрошал меня: что ты забыла там, внизу? Почему задерживаешься? Иди, иди сюда, ко мне, если бы знала ты, какая здесь красота. Все здесь

тебя возлюбившие души, говорил ты. Я спросила: почему ты бросил меня одну, возлюбленный мой, светоч души моей? Ты ответил: во имя Шахи-Мардана, поторопись, что нашла ты там, внизу? Место наше здесь — возле Шахи-Мардана, поторопись... поторопись... И тут внезапно проснулась я. Сегодня ты не должен выходить к людям, чуется мое сердце, верь мне. Останься, прошу тебя, не исчезай с глаз моих. Позволь, я сама буду прислуживать тебе.

«Он говорил то же самое: все здесь тебя возлюбившие души». И ему голос был. Теперь он сам взывает к Таджлы, зовет ее к себе», — от этих мыслей, молнией пронесшихся в голове, шах невольно вздрогнул. Таджлы ханум не обратила на это внимания, потому что продолжала шептать, опустив глаза:

— Аллах, Аллах, да минует нас гнев твой... Во имя Шахи-Мардана, отведи от нас беду... Не откажи в милости своей, Аллах милосердный...

— Что еще привиделось тебе?

— А еще привиделось мне, что убегаешь ты от меня. Никто и ничто не в силах удержать тебя. Убегаешь, и все тут. Ты вроде как бы и со мной и не со мной. Вроде мой ты и не мой... Сердце мое едва не разорвалось от горя.

— Что еще, еще что увидела? — Шах почувствовал, что задыхается.

— Аллах, отведи беду от рабов твоих. Больше ничего не видела. Не ходи, чего тебе стоит, не ходи сегодня в диванхану. Дела же не убегут. Государство не рушится. А что, разве сегодня ты не будешь читать мне свои стихи? Давай посвятим сегодняшней вечер стихам.

— Не время для стихов. Возникли важные дела. Конечно, я должен идти, — шах отвечал раздраженно.

— Мой шах, свет очей моих. Сердце мое тревожат мрачные предчувствия. Что-то плохое ожидает тебя. Ты даже в лице изменился. Слишком сильно рвался ты на охоту. Не к добру это, зря время потратил, зная, не суждено было тебе развеяться от дел насущных. Я тебя никуда больше не отпускаю. Не выходи сегодня. Прошу тебя, хотя бы сегодня не выходи, обещаешь? Ведь ты... Ведь ты единственный оплот истинной веры, ведь ты единственная опора государства нашего. Ладно, не хотела говорить, а теперь скажу: в самом нача-

ле сна видела я нечто ужасное. Видела я, как темные тучи поглотили полумесяц, а огромные стервятники свободно реют над испуганной землей. Это плохое знамение, очень плохое, мой шах... Останься сегодня со мной. Не ходи никуда, молю тебя, не ходи...

Таджлы ханум не выдержала, расплакалась. Шах оставил ее слезы без внимания. Поднялся с постели.

— Отойди. Я непременно должен идти. Вечером свидимся, иншаллах. Вот тогда и прочту тебе новое стихотворение, — говоря это, шах начал одеваться.

— Сейчас прочти, что тебе стоит? Прочти сейчас... — Таджлы ханум не теряла надежды, а слезы ручьем текли по щекам ее.

— Нет. Жди меня вечером. Вернусь, прочту. Потом. Дай только вернуться мне...

Таджлы ханум внезапно прекратила плакать, пала перед Шахом, крепко обхватила обеими руками его ноги:

— Не пусти. Убей меня, не пусти.

— Отстань, женщина! — Шах оторвал ее руки от ног своих и двинулся к выходу из опочивальни. Остановился: — Как ты сказала? Все там возлюбившие тебя души?! Да, конечно, все там возлюбившие меня души, иншаллах...

Проговорив это, шах вышел и до самого порога диванханы нес в ушах своих горький плач Таджлы ханум.

* * *

...В ночь-заполночь достиг я Свет-камня. Месяц на небе почти уже завершил свой привычный путь на небосводе. Сердце мое готово было разорваться в груди. Безостановочно гнал я коня от самого дворца Байандур-хана, не дал передышки ни коню, ни себе. С позволения хана нашего Гылбаш выбрал из конюшни самого резвого и выносливого скакуна.

— Свет-камень, прекраснейший из камней, мудрейший из всех камней на свете. Не ведаю, сколько времени провел я вдали от тебя, но знаю: нет сил моих больше терпеть разлуку с тобой. Завтра будет то что будет, а что и как будет — знать мне не дано, грядущее ведомо одному лишь Тенгри и еще тебе, о, Свет-камень... Чую я, гнев Байандур-хана вот-вот со всей тяжестью обрушится на раба твоего, о, Свет-ка-

мень. Трудно предположить иной исход после того, как хан выяснит подоплеку дела. Только тебе известно, что все содеянное мною направлено было на благо Огуза и двигало мной беспокойство о будущем Огуза. Овей дух хана милосердием, развеи его гнев праведный, пусть совет в душе его гнездо священная птица милости и сострадания, да не оскудеет его любовь к нам, детям его и Огуза, к нам, славящим Тенгри всемогущего...

Говоря это, я обнял Свет-камень, да так рядом с ним и прикорнул... Прошло много времени, глаза мои наполнило сонное забытье... Усталость моя была столь велика, что я даже не почувствовал, когда именно погрузился в сон...

Сказ Горгуда здесь снова обрывается, а может, и нет, потому что последующий текст не дает основания полагать о наличии какого-либо пропуска. Точнее, можно сказать: пропуск может иметь место, а может — и не иметь. В первом случае пропущенный текст наверняка содержит размышления самого Горгуда и не имеет прямого отношения к основному сюжету рукописи, а значит, не образует информационной лакуны. Если это так, то последующий текст, не являясь естественным продолжением предыдущей части, тем не менее выступает логическим его продолжением — это очевидно. Здесь же впервые на нечитаемых страницах обнаруживаются какие-то странные закорючки. При внимательном рассмотрении закорючки начинают обретать очертания фантастических существ. Так случается при долгом разглядывании облаков на голубом небе — всегда можно угадать в них очертания всевозможных животных. Одна из закорючек особо привлекла мое внимание. Я пристально вгляделся в нее, и она на глазах превратилась в четкий силуэт человека, однако, как я ни старался, не смог идентифицировать его с каким-то реальным объектом. Почему-то перед глазами возникла девушка-востоковед, и довольно долго ее образ не исчезал, не терял четкости. Потом я отвел взгляд от закорючки, а когда вновь попытался отыскать ее на листе, то не обнаружил ни закорючки, ни силуэта девушки-востоковеда...

...Рано поутру еще издали увидел я столпотворение на ханском подворье. Кто-то спешивался, кто-то уже умывался, а

кто-то, устроившись прямо на траве, пил айран или воду, поднесенные служанками... Понял я: Арруз явился. Да не один или с парой-другой нукеров и наибов, а в сопровождении многочисленной свиты. Из рубежных огузов успел я заметить Аммана, еще Дели Дондара заметил, Дели Гарджара заметил, Алп Рустама заметил, многих других столь же славных беков увидел я. Приблизившись к ним, я спешился, поздоровался, как положено, выслушал ответные приветствия. Арруз Годжа, выждав приличествующее время, взял меня под руку, отвел в сторону.

— Как живешь-поживаешь, Горгуд? — спросил он на ходу, а потом перешел на шепот: — Как ты думаешь, зачем хан призвал нас? Может, поход большой замыслил, не знаешь?

— Арруз, никакого похода не будет. Хан имеет к тебе несколько вопросов, так я думаю. Только к тебе. А эти зачем явились? — Я кивнул в сторону славных беков.

Чуть поодаль стоял Гылбаш и неотрывно смотрел в нашу сторону. Я только сейчас заметил его и сразу понял, что он следит за тем, как бы я не наговорил лишнего. Едва мы встретились взглядами, он тотчас же подошел к нам, по всему виду, услышал последние слова мои, потому сказал:

— Добро пожаловать всем. Горгуд, они не причинят нам беспокойств. Арруз, скажи своим бекам, пусть не стесняют себя, устали, небось, с дороги, да и проголодались. Сейчас мы напоим-накормим всех досыта, следуйте за мной.

Славные беки проследовали за Гылбашем в просторную беседку, где их уже поджидали столы, уставленные отборными яствами. Благословив щедрость Байандур-хана, славные беки приступили к пиршеству, аппетит у всех был отменный. Немного погодя, Гылбаш тихо, чтобы не слышали остальные, сказал мне и Аррузу:

— Нам пора. Хан ждет. Пусть славные беки пируют себе, не отвлекайте их, уходите незаметно.

Арруз, я, Гылбаш вышли на середину двора и двинулись к ханскому дворцу.

— Подождите здесь, я пойду предупредить хана, — сказал Гылбаш и исчез за дверью, оставив нас, меня и Арруза, на пороге.

— Не нравится мне все это, Горгуд, мутная вода глазу помеха... — задумчиво проговорил Арруз, посмотрев на меня.

— С чего бы это? Или впервой тебе являться на зов хана? Или ни разу не участвовал ты в советах и совещаниях? Не забивай голову мыслями мрачными, все в порядке, Арруз, — я сказал.

На мое счастье, тут появился Гылбаш, пригласил нас войти. Мы проследовали в тронный зал. Войдя, я не сразу узнал Байандур-хана. Изумленно вглядывался в него и, о, великий Тенгри, не мог определить: тот ли самый Байандур-хан передо мной или кто-то другой занял его место. Он ли это?! Байандур-хан обрядился в золототканые одеяния и восседал на троне высоком гордо и величественно, глаза его сверкали, черты лица озаряли сила и власть. Помолодел он за одну ночь настолько, что рядом с ним все мы выглядели стариками.

Арруз Годжа преклонил колени. Не поднимаясь, стал подползать к Байандур-хану. Ханлар-хан не сводил взгляда с Арруза. Оценивал каждое его движение. Я поклонился по чину и быстро проследовал на свое место, сел и застыл в ожидании.

Приблизившись к Байандур-хану, Арруз, все еще не поднимаясь с колен, заговорил с почтением:

— Славный Байандур-хан. Хан над всеми ханами, надежда и опора всего Огуза. Призвал ты меня, вот он я, явился на зов, не медля. Жду любого повеления твоего, чтобы и сам я, и все рубежные беки мечами своими, не щадя живота своего, доказали верность свою неколебимую, — Арруз проговорил это и, склонив голову, ждал ответных слов хана. После короткого молчания хан так начал свою речь:

— Арруз, добро пожаловать во дворец, я рад видеть тебя. Рад видеть и славных беков твоих.

— Беки явились выразить почтение своему хану и, если будет на то позволение, поцеловать руку Байандур-хана, — Арруз Годжа отвечал.

— Честь и хвала им. Передайте им мое благословление. Пусть пируют беззаботно, времени у них достаточно. А ты, Арруз, знаешь ли, для чего призван?! — Байандур-хан спросил.

— Нет, не знаю, мой хан. Не сказано было. Приказали явиться, и только, — Арруз отвечал.

— Случай случился в Огузе. Прознал я о нем. Не по нраву пришелся мне случай этот. Боком одним касается он и тебя, Арруз. Вопрос имею к тебе, потому и призвал.

— Что за случай такой, мой хан? — Арруз Годжа спросил.
— Сейчас узнаешь, не спеши. Пройди вон туда. — Байандур-хан жестом указал Аррузу его место. — Сядь пока там, разговор предстоит долгий. Гылбаш, надеюсь, беков встретили как подобает?

— Не сомневайся, мой хан. Достойные беки довольны, пируют на славу.

— Прекрасно, садись, Гылбаш, займи и ты свое место.

Гылбаш обошел Арруз Годжу и присел на корточки за его спиной. Арруз сел впереди него, скрестив ноги. Байандур-хан, бросив в мою сторону несколько стремительных взглядов, продолжил речь свою:

— Так. Слушай же меня, Арруз. Получил я донесение. В Огузе объявился шпион, говорилось в нем. Слышишь — шпион в Огузе! Донесение было не лживым. Газзан отправился на большую охоту, шпион тут как тут. Бекил сломал ногу, шпион тут как тут. Бейрека похитили — дело рук шпиона. Весь Огуз страдал от подлых деяний шпиона. Следовало сурово наказать его. И что же? Шпион, известное дело, изловлен был и заключен в яму Газзаном. Славные беки, и ты в их числе, собрались на совет. Какое же решение приняли вы?! «Нет на нем вины». Отпустили его, он скрылся. Как это понять, Арруз, не объяснишь ли? Должно было в назидание всему Огузу, дабы впредь неповадно было, четвертовать нечестивца, изрубить его на мелкие куски, ведь верно?! Вы же не сделали этого. Вот и хочу послушать тебя. Хочу знать достоверно, был ли ты среди тех, кто заявил: вернуть шпиона матери, пусть уходит, или есть некие обстоятельства, нам не известные?! Что скажешь, Арруз?

Арруз Годжа всегда отличался умом, вот и сейчас он сразу схватил суть дела. Выслушав речь Байандур-хана и выждав немного, он отвечал так:

— Байандур-хан. История со шпионом тянется издалека, знай. Я расскажу тебе, почему я сказал «Нет на нем вины». Знай, историю со шпионом выдумали Газзан с Бейреком. Настоящей же их целью был я. Получаю я однажды из Опорного Огуза весточку странную и неприятную: мол, да будет тебе известно, что Газзан повсюду твердит, будто объявился в Огузе шпион, а веревочка от него — в руках у Арруза. Мой хан, сам рассуди, с какой такой стати мне, человеку, дожив-

шему до преклонных годов, пользующемуся заслуженным и беспрекословным авторитетом среди рубежных огузов, — нет никого, кто слово поперек моего слова сказать может, — мне, непременно участнику всех набегов и военных походов, совершаемых под твоим предводительством, мне, который поднял на ноги весь Огуз для вызволения из плена этого... Газзана и вдребезги разбил заставы Мелика, повторяю, с какой стати мне заводить шпиона и использовать его против Огуза?! Смешно даже думать об этом, мой хан, не то чтобы обсуждать серьезным людям! Я поведаю тебе о другом, ты только выслушай меня. Газзан объявил меня своим врагом, знай. Сын моей сестры не уважает дядю своего, меня ни во что не ставит, сыновей моих знать не желает, а вдобавок ко всему не прислушивается к словам беков рубежных огузов. Не буду утомлять тебя перечнем всех обид, мой Хан, длинен и скорбен он. Теперь уже всякий в Огузе знает об этом. Вот почему я, не задумываясь, выступаю против любого слова и намерения Газзана. А тут еще этот... Бейрек. Да кто он таков? Я его знать не знаю. Взял он себе в жены одну из наших девушек, ты конечно же знаешь, отдали мы ему Банучичек, дочь Байбеджана, породнились. А он Газзану в рот смотрит, бездумно поддерживает каждое его решение — правое и неправое. Он-то и просветил Газзана насчет шпиона. А потом вместе они замыслили опорочить меня в глазах Байандур-хана. Решили привязать шпиона ко мне. Рассчет прост: хан поверит, сурово накажет Арруза, столкнутся опорные огузы с обиженными рубежными огузами, а там...

В этом месте рассказа Арруза Байандур-хан бросил в мою сторону острый взгляд, желая удостовериться, пишу я или нет. Увидел, что я старательно пишу, жестом остановил Арруза. Сказал следующее:

— Арруз, ты говоришь, что твои отношения с Газзаном — совсем другая история. Что эта за история, не расскажешь ли? Интересно послушать.

Арруз поерзал на месте, устраиваясь поудобнее, тоже краешком глаза глянул в мою сторону и только сейчас увидел, что я записываю каждое его слово; но сдержался, смолчал. Снова обратился к Байандур-хану:

— Байандур-хан, — сказал Арруз, — истинная причина этого мне и самому доподлинно не известна. В чем грех мой

перед ним, в чем провинился — не знаю. Хотел бы, чтобы кто-нибудь просветил меня. Потому, хан мой, с твоего позволения, я расскажу тебе, как я понимаю все это, выводы сделаешь сам.

— Слушаю тебя, Арруз, так будет правильно, — Байандур-хан великодушно поощрил Арруза ...

(Арруз начал издали. Красочно и подробно поведал о детских и юношеских годах Газзана, описал его свадьбу. Немного погодя Байандур-хан посоветовал Аррузу: ни в одном из этих слов нужды нет, ибо не имеют они отношения к шпиону. «Горгуд, ты, — Байандур-хан сказал мне, — оставь только необходимое, все остальное вычеркни из письма». Я же сделал все так, как сказал Байандур-хан. По этой причине рассказ Арруза Годжи не сохранился полностью.)

Арруз сказал:

Байандур-хан! Знаешь ли ты, в чем причина злобы Газзана ко мне?

— Нет, не знаю, — Байандур-хан отвечал с интересом.

— Причина в победе моего сына Басата над Однооком, знай.

— Неужели? — Байандур-хан удивился так искренне, что даже я поверил тому, будто ему об этом неведомо.

— Истинное слово. Верь мне. Причина — Басат. Спрашивается, что же такого... недостойного совершил Басат?! Ты конечно же ответишь: ничего. Разве не Басат спас весь Огуз от гибели неминуемой?!

— Спас, Арруз, это все мы знаем. Возвращайся к сути, — Байандур-хан мягко сказал.

— Я в самой сердцевине сути, хан. Выслушай меня, и все тебе станет ясно. В чем истинная суть истории со шпионом, почему Газзан с Бейреком воротят нос от рубежных огузов — все, все расскажу тебе.

Я понял, что и на этот раз без истории Басата нам не обойтись, поэтому набрался терпения и смирился. Вижу, и Байандур-хан покорился неизбежному и каждый из нас изготавился выслушать сказание Арруза.

— Ведомо тебе, хан, — начал Арруз Годжа свой рассказ, — что Одноокий во главе своего ужасного воинства вторгся в

наши пределы и перекрыл воды реки Селлеме, протекающей через земли рубежных огузов. Воинам его не было числа. Никто не знал, откуда они явились, какого рода-племени. На языке говорили неизвестном, богам поклонялись неведомым. Послал я к ним человека, чтобы узнать, с чем пожаловали незваные гости, чего хотят. С этой целью отрядил Алп Рустама с наибами своими. Кроме того, поручил им присмотреться к ним повнимательней с тем, чтобы получить сведения об их численности, боевом духе, сколько у них оружия и припасов, мало ли, по каким правилам они сражаются... Словом, они ушли... По возвращении Алп Рустам рассказал мне следующее.

— Мой бек, — сказал Алп Рустам. — Это дикие племена, подобных которым я в жизни не видел.

— А с предводителем их встретились, поговорили? — я спросил.

— Встретились, мой бек. Он сам позвал нас. Оказывается, он имеет к нам большой интерес, вопросов разных много задал мне, — Алп Рустам отвечал.

— Какова их цель? Надолго ли осели в наших местах? — я спросил.

— Мой бек, их войско собирается перекрыть воды Селлеме, раздробили на берегу огромное количество камней, скал. Ждут знака. Арруз-бек, они лишат нас воды.

— Да слыхано ли такое дело? Разве так воюют? Дстойно ли подобное поведение благородного воина? — сказал я и собрал славных беков на совет. Вызвали и Горгуда, он явился по первому зову.

Совет открыл я.

— Славные беки, дело вот в чем, положение таково, — начал я. — Одноокий дикарь во главе несметной орды вторгся в наши земли и объявил себя насельником этих мест. Шатры их покрыли необозримые пространства, но самое худшее заключается в том, что они перекрыли Шелковый путь и караваны уже не могут следовать через Огуз. Послы наши вернулись ни с чем, Алп Рустам ничего не смог узнать об их истинных намерениях — пришельцы скрывают свои цели. На языке говорят неизвестном, богам поклоняются неведомым. Одно ясно: на голову Огуза свалилась беда большая, все мы должны осознать это. Что делать нам, славные беки, что ска-

жете?! Алп Рустам говорит, что пришельцы собираются отвести воды Селлеме в другую сторону. Сохрани нас, Тенгри, от этого! Если они сделают так, вся надежда только на него, всемогущего Тенгри. Слово за вами, славные беки. Собрать ли нам войско и готовиться к битве с однооким дикарем или искать ответ на вопрос «а вы для чего?», который нам непременно зададут старики, старухи, женщины и дети.

Славные беки все как один закричали: «Воевать желаем, биться будем с врагом. Ты поведешь нас против Одноокого. Арруз Годжа! Арруз — ты наш вождь, на тебя уповаем».

Мой хан, не успели мы завершить совет, как один из нукеров принес известие: «Пересохла вода одного из притоков Селлеме». Славные беки пали духом. Первым оправился Амман:

— Надо сообщить обо всем Байандур-хану и опорным огузам, — сказал он. — Война эта выпала не только на долю рубежных огузов. Не одни мы пьем воду из этой реки. Сегодня мы останемся без воды, завтра и опорные огузы испытают муки жажды, — Амман так сказал.

И тогда мы, хан, послали с конными гонцами одну весть тебе, другую — Газзану. А сами разошлись и стали готовиться к битве.

Назавтра с самого раннего утра славные беки рубежных огузов во главе своих наибов и нукеров, вооруженных и безоружных, двинулись по высохшему руслу притока Селлеме в сторону ставки Одноокого. Как потом выяснилось, лазутчики Одноокого все это время следили за нами. Поднимаясь вверх по течению, мы вышли к берегам реки Бузлусел. И тут подлый враг внезапно разрушил плотину на одной из излучин реки, бурный поток ринулся в свое прежнее русло и обрушился на нас, закрутил, завертел, словно щепки, и понес вниз по течению до самых пределов рубежных огузов. Многие погибли в этом потоке, многие остались калеками после ударов о прибрежные скалы. Вот каким был этот Одноокий. Не потеряв ни одного своего воина, он сумел опрокинуть наше войско.

На следующее утро мы собрали новое ополчение. На этот раз был выбран другой путь. Решили зайти в тыл Одноокого. Отказавшись от проторенного караванного пути, мы проследовали по отрогам горы Газылыг. Одноокий, как оказалось, был и на этот раз готов к встрече, его орда уже поджи-

дала нас на вчерашнем месте. Началась битва, мой хан. Скажу без бахвальства, во многих сражениях довелось мне биться, но такой битвы не могу припомнить — стрелы отскакивали от них, мечи наши не могли разрубить их окаянные головы. С ног до головы были они укрыты броней. Даже кони их были в доспехах железных. Одним словом, мой хан, грянул страшный бой, кому победа, а кто — на убой...

(Это надо бы запомнить. Ужасны слова Арруз Годжи, но точны, как клинок: «Грянул страшный бой, кому победа, а кто — на убой...»)

Мы были смяты, мой хан. Отступили в беспорядке, бросили погибших на поле кровавом, каждый спасал свою душу.

И снова славные беки явились ко мне. «Что теперь делать будем?» — спросили.

— Получен ли ответ от Байандур-хана, от Газзана? — спросил Амман.

— Нет, — я отвечал.

— Надо срочно отправить новых гонцов, пусть они расскажут все как было! Пусть Ханлар-хан предпримет что-то. Сегодня рубежные огузы попали в беду, завтра — опорные огузы, что останется от всего Огуза?! — Байбеджан Мелик так сказал.

Сам Байбеджан в битве с Однооким не участвовал. Занят был по горло приготовлениями к свадьбе дочери. Отдавал Банучичек за Бейрека. Не сегодня завтра должны были войти они в брачный шатер.

— Бек, надо бы сначала тебе самому с сыновьями вступить в войско, чтобы не смог потом Байандур-хан упрекнуть нас, рубежных огузов, в недостаточном рвении, — я осадил Байбеджана.

— Арруз, не мешало бы и твоему Басату присоединиться к воинам, — Байбеджан мне так ответил.

— Правда твоя. Завтра же мои сыновья выступят вместе со всеми.

Я отдал приказ славным бекам рубежных огузов об утреннем сборе, однако уже ночью мы получили плохое известие. Газзан, мой хан, не сообщив нам о своих намерениях, выступил во главе опорных огузов против Одноокого, но в

первом же бою с ним у развилки караванного пути оказался разбит и вынужден был отступить. В панике и беспорядке бежали беки куда глаза глядят. Кто добежал до опорных огузов, а те, кто искал прибежища у рубежных огузов, прибежали к нам. Самого Газзана той ночью я не видел. Встретил брата его, Гарагунна. Привел его домой, ранен он был легко в руку, нукеры наложили на рану снадобья лечебные и перевязали.

— Послушай ты, Гарагунн, на что надеялись вы, когда сами без нас решили одолеть врага?! Негодник, разве не дошло до вас мое предложение выступить вместе против Одноокого? — я изливал гнев свой на Гарагунна.

— Газзан сказал: мол, я играючи разобью войско Одноокого, для меня, мол, это вроде охоты на диких ослов. Разве для этого нужны мне рубежные огузы?! Сами славно поохотимся. Вся добыча по праву достанется только нам. Кликнул нас, а мы, не раздумывая, последовали за ним.

— Видать, в засаду угодили?

— Да, в засаду. Многие погибли сразу же. Арруз, хоть раз в жизни сталкивался ты с подобным воинством?

— Нет, не приходилось.

— И мне не приходилось видеть такое. Что нам делать теперь?

— Надо найти Газзана. Вместе обратимся к Байандур-хану.

— Как скажешь, так и будет, — Гарагунн отвечал.

Стали искать Газзана, он уже добрался до пределов опорных огузов, отдыхал у себя дома. Нукеры доложили ему: «Дядя твой Арруз и брат твой Гарагунн явились». Газзан вышел к нам, выглядел он подавленным. Лицо его было черным-черно, а глаза бегали по сторонам. Он тоже обратился ко мне с тем же вопросом:

— Арруз, во многих битвах рубился ты, до самого Трабзона добирался в военных походах, плечом к плечу сражались мы с тобой не раз. Скажи, приходилось ли тебе сталкиваться с подобным воинством?

— Не приходилось, — отвечал я ему. — Но и ты скажи, почему в одиночку пошел на врага?! Я же предложил тебе присоединиться ко мне, вместе выступить. Что случилось?

— Кабы я знал... А этого... Одноокого кто-нибудь из вас видел в глаза? — Газзан спросил.

— Алп Рустам видел. Его мы направили на переговоры.

— И что он за человек? — Газзан проявил интерес.

— Клянусь Тенгри, не знаю. Говорят, будто великан он, мельничные жернова перекидывает с руки на руку.

— Неужели?

— Говорят...

— И что же нам теперь делать? — Газзан еще раз задумчиво спросил.

— А что нам остается?! Надо подымать весь Огуз. Садись на коня. Сейчас же скачем к Байандур-хану. Если кто и спасет нас, то только он, — я сказал.

Помнишь, мой хан, явились мы с Газзаном к тебе. Долго совещались. Потом ты призвал Горгуда. Явился Горгуд. Ты, мой хан, так наказал ему:

— Горгуд, не мешкая, ступай к Одноокому. Скажи ему, что Огуз желает договориться миром. Пусть объявит свои условия. А вы, славные беки, тем временем готовьтесь к большой войне. И чтобы никто не смел самовольничать. Действовать надо расчетливо. Необходимо выиграть время, чтобы собраться с силами. Важно знать условия Одноокого. Я же пошлю людей в Трабзон, в Гюрджистан, договорюсь с ними. Одному Огузу не справиться с Однооком. Подождем возвращения Горгуда. Обсудим все и тогда примем окончательное решение.

Мы вернулись каждый к своим очагам. Горгуд отправился со мной. Собрались славные беки, мы довели до них слова Байандур-хана, они также поддержали решение хана и все взоры обратились на Горгуда.

— Возвращайся живым и невредимым, Горгуд, — сказали они. — Мы готовы платить дань, пусть только вернет нам воду. Старики, старухи, женщины и дети стоном стонут от жажды, скоро криком закричат...

С таким напутствием отправили мы Горгуда на переговоры с Однооком. Таким образом, мой хан, это был второй по счету посланник, которого мы отряжали со своей стороны к Одноокому. Первым был, как я уже говорил, Алп Рустам.

Горгуд не заставил нас долго ждать, воротился быстро. Новости он принес ужасные. Пришельцы поставили такие условия, мой хан, от которых кровь стыла в жилах. Будете, сказали они, ежедневно поставлять нам по одной отаре овец

и сверх того по два человека — наш повелитель Одноокий будет съедать их сердца. Людоедами оказались они, мой хан. Долго раздумывали мы над столь ужасными условиями. Выхода не было. Пришлось согласиться. С податью разобрались быстро, в овцах недостатка у нас не было. Но он просил на съедение каждый день по два человека — это и было невыполнимо. Долго судили-рядили, спорили до хрипоты, наконец порешили с каждого дома брать по одному человеку. Те, у кого не было невольников или пленных, должны были отдать сына или дочь. Мой хан, в Огузе стон и плач великий столпом вознеслись к небесам. Некоторое время спустя все семьи отдали свою дань, и очередь начала возвращаться и повторяться. Люди попытались было сорваться с насиженных мест, но куда там! С одной стороны — мои наибы, с другой — воинство Одноокого преграждали путь. Это воинство обладало способностью внезапно появляться там, где их быть не должно: глазом не успевали моргнуть, как видели перед собой войско Одноокого в полном боевом порядке. Не выдержал сын мой Гыйан Сельджук, собрал вокруг себя таких же отчаянных парней и темной ночью напал на ставку Одноокого. Погиб мой ясноглазый сыночек, не выдержал ужаса, сердце разорвалось, умер на поле брани.

Тут явился ко мне Горгуд. «Надо уговорить Басата. Я знаю, сердцем чую, — сказал он, — одному лишь Басату по силам сразить Одноокого.»

— Хорошо бы, — сказал я. — Но как?! Я даже не знаю, где он сейчас обитает. Пропадает где-то в чаще лесной, дружбу водит с волками. Священную Львицу матерью называет. Горгуд сказал:

— Что с того? Пусть только найдут и приведут его ко мне. Я сам поговорю с ним.

Разослали мы наивов-нукеров в разные стороны с наказом во что бы то ни стало разыскать и привести Басата домой. Те проявили изрядное усердие, и вскоре Басат стоял перед нами:

— Отец мой бек, звал ли ты меня?

— Звал, сын мой Басат. Знаешь ли ты, что творится вокруг?

— Не знаю, отец. Никто ничего не сказал мне.

Не сдержался Горгуд, вмешался:

— Басат, враг черной тучей навис над головой Огуза. Наши воины не могут одолеть его. Много славных беков погибло от рук этого врага. Дань платим ему страшную, позорную. В день по два человеческих сердца съедает ненасытный людоед. Нет семьи, которая бы не лишилась своих сыновей-дочерей. Что скажешь на это? Я видел его. Это великан по имени Одноокий. Но по сравнению с тобой он ничто. Ты и только ты сможешь одолеть его.

— Я не пойду, — Басат сказал.

— Но почему? — допытывались мы.

Короче, мой хан, дело разрослось, Басат поставил свои условия. Тогда Гыйан Сельджук только что отправился на битву. Именем Гыйан Сельджука еле уговорили его.

— Если хоть один волос упадет с головы Гыйан Сельджука, тогда я пойду воевать, — Басат обещал.

После того как Гыйан Сельджук пал на поле брани, Басат вмиг преобразился, надел боевые доспехи, собрал удалцов, отправился в путь. Три дня и три ночи не имели мы вестей от него. Послали разведчика — не вернулся, второго послали — и он сгинул. Не выдержали мы с Горгудом, взяв с собой нескольких наивов, с именем Тенгри на устах отправились искать Басата. Скоро достигли того места, где река Селлеме огибает гору Газылыг. Был полдень, но вокруг стояла непривычная тишина. Если бы мы заявили сюда в другое время, разве оставили бы нас в покое вражьи засады? Не оставили бы. А сейчас... Все было так, как в былые благословенные времена Огуза. Кроме птичьего гомона, ничто не нарушало полуденную тишину. Мы прошли еще немного вперед. На вершине пологого холма должна была располагаться ставка Одноокого. И здесь ни души. Спешились мы, спрятали коней в укромном месте, а сами тайком пробрались на вершину холма. Что увидели мы, мой султан? Кочевник откочевал без кочевья, вот что мы увидели. Шатры и кибитки разодраны, очаги порушены, углы тлеют бездымно, а на том берегу реки Селлеме какие-то люди разбирают плотину, перекрывающую поток, и собирают камни в стороне.

— Горгуд, как по-твоему, кто эти люди? — я спросил.

— Арруз Годжа, с тебя причитается, это наши люди, знать, одолел Басат Одноокого, теперь они собираются напоить Огуз водой, — Горгуд отвечал.

— А где же тогда сам Басат? — я спросил.

— И ты не видишь сына своего? Не видишь, что он спит богатырским сном в тени во-о-он того дерева? — Горгуд вытянул руку по направлению огромного дерева.

Глянул я еще раз, мой хан, и вижу, да, это мой сын Басат лежит, отдыхает под развесистым вязом. Радость взорвалась во мне смехом, завопил я, запрыгал на месте, как дитя малое, а потом мы побежали вниз, к дереву. Басат услышал наши крики, приподнялся, увидев нас, вскочил на ноги и приветствовал как подобает. Потом спросил:

— Отец, я отрезал голову Одноокому, отомстил за кровь брата моего Гыйан Сельджука. Доволен ли ты мной?

— Дай мне обнять тебя, сын мой, дай расцеловать тебя, — отвечал я. Прижал Басата к груди, целовал да не кусал.

(Так и сказал: «Целовал да не кусал». А вот про то, как плакал, слезы горькие проливал, как стонал именем «Гыйан Сельджук», словом не обмолвился. До самого вечера шаг за шагом обошли мы все вокруг, но останков Гыйан Сельджука, сколько ни искали, найти не смогли.)

Горгуд спросил Басата:

— Расскажи нам все, герой. Как удалось тебе одолеть Одноокого? Куда подевалось гнусное воинство его?

Басат отвечал Горгуду:

— И не спрашивай, Горгуд, — сказал он. — Этот Одноокий вовсе не был страшным могучим великаном. Чарами владел он. Одноокий был чародеем, слышали вы о таком?

— Неужели? А в чем заключалось его чародейство? — Горгуд заинтересованно спросил Басата.

— Морочил он меня, в разных обличьях представал. Уже с самой излучины реки почувствовал я, что за нами следят. Но виду не подал. У подножия холма лазутчики окружили нас и собрались, было, перебить всех. «Стойте, — сказал я. — Не драться явился я, меня послали в дар Одноокому». Лазутчики долго колебались, наконец решились и отвели меня и моих людей в свой лагерь. «Имею предложение Одноокому. Сведите нас». Тут объявился и сам Одноокий, хилый, невзрачный мужичонка. Голосом визглив, ручонками коротковат, а на боку меч деревянный висит, острием землю чер-

тит. Рядом с ним толмач ошивался, пересказывал его слова мне, а мои — ему. Одноокий раскинул ручонки и обратился к окружающим.

— Глядите-ка! Еще одного жертвенного ягненочка прислали огузы, — проверещал он и захлопал в скрюченные ладони. Потом внимательно оглядел меня и, удовлетворенно хмыкнув, ткнул пальцем своим мне в грудь: — Парень этот хорош собой, полюбился он мне. Проси чего хочешь. Сказали мне, будто предложение какое-то имеешь.

— Желая, — сказал я, — сразиться с тобой на мечях. Победишь — съешь меня, если же я одолею, уберешься отсюда со всем своим воинством и никогда больше здесь не появишься.

— Ты... со мной? Да ты хоть знаешь, кто я такой? Слышал ли о силе моей невероятной? — Одноокий снова зашелся в визгливом смехе. Окружающие веселым хохотом поддержали своего предводителя.

— А хочешь, я докажу тебе, что сила твоя ничто по сравнению с моей? — я сказал ему.

— Многие из ваших нашли здесь смерть. Ты отважен, это по нраву мне, сказал же сразу, как увидел, полюбился ты мне. Я согласен сразиться с тобой, — Одноокий сказал. — Но и у меня есть условие, слушай. Если я тебя одолею — убивать не стану. Сделаю тебя своей служанкой, прислуживать будешь и услаждать меня... Что скажешь?

— Скажу, что согласен, — я отвечал.

— Готовьте ристалище! — Одноокий приказал окружающим.

Ристалищем они называли огромный круг в самом центре лагеря. Меня ввели в этот круг. «Разденьте героя, оставьте его в чем мать родила», — приказал Одноокий, и подручные его вмиг раздели меня догола, но дали мне накидку и меч мой оставили при мне. Одноокий под громкие восторженные крики «славься! славься!» вошел в круг, воинство самозабвенно славилло своего предводителя. Я подумал: «Что за сила таится в этом тщедушном теле, если такая огромная орда повинуется ему с радостью?» Отдав себя на волю Тенгри, изготовился я к бою. Взмахнув мечом, бросился на Одноокого, но тут почувствовал, что руки-ноги мои в миг онемели и я не могу двинуться с места. А Одноокий даже не взглянул в мою сторону, даже ухом не повел. Ходит себе по

кругу, сам смеется и окружающих смешит, потешает. Что со мной, всемогущий Тенгри? Отчего застыл я и шевельнуться не могу? Почему меч мой вдруг перестал подчиняться мне? Почему этот мужичок-сморчок не смотрит в мою сторону? Думал я, думал и вдруг увидел Одноокого прямо перед собой. Метил он своим коротким деревянным мечом мне в глаз. В тот же миг воля моя вернулась ко мне, ожил я и увернулся от удара. Одноокий снова принялся расхаживать по кругу, пританцовывая и посмеиваясь, как шут на пиру. Мои же глаза нашли пару глаз, сверкающих на том конце лагеря. Эта пара глаз взирала на меня со стороны скотобойни, которую устроили пришельцы у подножия холма. Приковались ко мне эти глаза, притягивали... Поначалу я не признал их, но потом догадался. То была мать моя, Священная Львица. И здесь нашла она меня.

Сила моя возвратилась ко мне, только собрался ринуться на Одноокого, стоящего передо мной, глядь, нет его, исчез, а вместо него передо мной стоит... Кто бы вы думали? — Басат спросил.

— Кто? — Горгуд и я спросили в один голос.

— Тебя увидел, отец, — отвечал Басат. — Ты стоял передо мной. С трудом удержал я меч, едва не зарубил тебя.

Присутствующие захохотали, я сначала растерялся, потом разозлился.

— Что ты здесь делаешь, отец? — просил тебя.

— На подмогу тебе явился, сыночек, — отвечал ты, но голос был не твой, это был визгливый голос Одноокого. Тут я понял, что не ты это передо мною, это Одноокий чарами своими морочит меня, принял твое обличье. Стал и я прохаживаться по кругу, глаз при этом с Одноокого не спуская. Вижу, завертелся Одноокий, закрутился вихрем и словно в землю просочился, а может, в небе растворился — точно сказать не могу, но с глаз моих исчез. Воинство его застучало мечами и копьями по щитам своим, завывло, заголосила дико. От шума ужасного уши мои заложило. Но знал я: чудесная пара глаз меня не покинула и на сей раз тем же самым путем посылает мне знак. «Не спеши, — пронеслось в голове, — всему свое время. Гибель свою, если суждено, найдет он от меча своего короткого. Жди случая». Внезапно за спиной своей почувствовал какое-то движение, резко обернулся и вижу

перед собой ханскую дочь — станом стройную Бурла Хатун. Я почтительно поклонился, спросил: «Хатун, как ты очутилась тут, поле брани не место для прогулок, держись от него подальше, как бы чего не вышло. Можешь ненароком пострадать. Я ищу Одноокого, не встречался ли он тебе?»

Мои слова вызвали новый взрыв хохота, воинство Одноокого в один голос криками «хай-хай» поощряло своего проводителя. А Бурла Хатун, кокетливо поводя плечами, прохаживалась по кругу, иногда она останавливалась и, щелкая пальцами, исполняла танец живота, вызывая дикий восторг у воинов. «Всемогущий Тенгри, что это с ней?» — подумал я и сразу же услышал визгливый голос Одноокого, на сей раз доносящийся из уст Бурла Хатун.

— Иди ко мне, парень, ведь ты полюбил меня всей душой с первого взгляда, я тоже сердце свое отдала тебе. Что же ты медлишь, поспеши, торопись, проси меня у отца моего, пошлай сватов к отцу моему хану, опоздаешь — другому достанусь, с другим возлягу на ложе брачное и будешь ты мучаться муками ревности жгучей... Иди же, иди же ко мне, поцелуй меня, в ответ получишь мой поцелуй жаркий... Басат, Басат, храбрейший из храбрейших, прекрасный Басат, глазу мил, сердцу люб, не медли, герой, ступай к отцу моему хану, проси меня у него, сделай женою своей, буду я хранительницей очага твоего, постель твою согрею телом горячим своим, зацелую, заласкаю, в объятиях задушу, дыханием своим воскрешу, иди ко мне, парень!.. Что ты медлишь?!

От слов Бурла Хатун, то есть Одноокого, ум мой помутился, охнул я и бросился на него, едва не схватил поганца, не сумел, а Бурла Хатун на глазах у всех снова превратилась в Одноокого. Вскинув руки и визжа, он опять прошелся по кругу как победитель. И снова со стороны скотобойни в голову мои поплыли слова: «Не спеши, не суетись, выжди, пусть он проявит все свое умение, жди, когда чары его ослабнут, не упusti момента, когда отдалится от него источник силы его волшебной, вот тогда не медли, смело хватай его. А сейчас... не спеши, слушай меня, смотри мне в глаза, в нужный момент я сама крикну тебе «вперед!», — Священная Львица взглядом своим внушала мне эти мысли, укрепляя дух мой и волю.

Вдруг вижу перед собой тебя, Горгуд: сидишь ты, скрестив ноги, в руках у тебя нечто странное — не то саз, не то

меч, наигрываете на нем, а звука нет. Воинству это не понравилось, гортанными криками и свистом выразили они недовольство свое. Одноокий рукой сделал им успокаивающий знак, мол, «подождите» и подскочил с места до самых облаков, в воздухе перекувырнулся и опустился на землю, знаете кем?

— Кем? — Горгуд спросил.

— Передо мной был ужасный, роста огромного, покрытый густой рыжей шерстью одноглазый Циклоп. Циклоп, едва приземлившись, начал заваливаться набок и рухнул на землю. Потом, с трудом встав на четвереньки, стал шарить вокруг себя ручищами, ползать по кругу под недоуменные вопли воинства, а меч его, короткий деревянный меч валялся в стороне, видать, выпал, когда Одноокий кувыркался в воздухе. Священная Львица подала обещанный знак: «Вперед, парень, момент настал, хватай деревянный меч, не выпускай его из рук». Не медля, я бросился к мечу, схватил его и сжал в руке. Это была обыкновенная деревяшка, грубо обструганная, с приколоченной рукояткой.

Циклоп с трудом волочил свою громадную тушу, издавая при этом визгливые звуки, которые звучали натужно и постепенно стихали. На этот раз воинство ахнуло, замолчало. Кувыркаясь в воздухе, Одноокий выпустил из рук источник своей волшебной силы и сейчас, как ни старался, как ни пытался, не мог принять свое прежнее обличье. Помахивая деревянным мечом, я стал прохаживаться вокруг ползающего в пыли великана. Я не спешил, ждал знака Священной Львицы. И дождался: «Вперед, парень, самое время отрубить башку этого подлого существа».

Ринулся я вперед, ударил деревянным мечом по толстой шее чудища поганого, словно булатным мечом масло рассек, труда мне большого это не составило. Башка, как кочан капусты, отделилась от тела, покатила по земле. Воинство Одноокого ахнуло в едином порыве и застыло, будто заледенелое. Поднял я за волосы башку Одноокого, помахал ею над своей головой. Я отомстил за брата своего Гыйан Сельджука. Но когда, отец, я отвел глаза от мертвой башки, то увидел, что...

Мой хан, от последних слов Басата кровь моя застыла в жилах. Горгуд и тот побледнел. Басат продолжил.

— Не беспокойся, отец, ничего страшного не произошло, просто я увидел, что все воинство Одноокого до последнего нукера исчезло, испарилось в мгновение ока, вмиг опустел многолюдный лагерь, осталось только то, что вы сами видите... Сейчас сомневаюсь даже, а были ли они на самом деле, отец?!

Мы еще раз внимательно осмотрелись вокруг: действительно, от многочисленного воинства Одноокого и следа не осталось.

— А где же стерво Одноокого, Басат?

— Священная Львица утащила, — Басат ответил. — А вот и меч его.

Басат показал нам маленький деревянный меч, валяющийся на земле. Мы посмотрели, под нашими взглядами этот меч еще больше уменьшился, стал еще уменьшаться, еще, потом и вовсе сделался невидимым глазу и, наконец, смешался с землей, в прах обратился, исчез.

— Ну что, отец, идем домой? — Басат спросил меня. — Да возрадуется душа Гыйан Сельджука.

— Идем, сыночек, идем, львеночек, отпразднуем этот день.

Наибы с нукерами очистили устье реки от завалов. Выбободившись из заточения, воды реки Селлеме, словно горный поток, ринулись в пересохшее русло свое и понеслись в сторону Огуза. Воды реки, мой хан, раньше нас достигли Огуза, добравшись домой, мы увидели, что все рубежные огузы от мала до велика коленопреклоненно вглядываются в светлые лики воды.

(В свое время я уже рассказывал Байандур-хану эту историю. Не утаил я от хана нашего и мечту заветную Басата, и просьбу Арруза. Дело было в том, что Арруз хотел сосватать дочь Байандур-хана великолепную Бурла Хатун за сына своего Басата. «Басат избавил Огуз от беды великой, надо, чтобы Бурла Хатун вышла за Басата, устроим великий свадебный пир». Я достоверно знал, что и Бурла Хатун на Басата глаз положила, сердцем прикипела. Воспротивился Байандур-хан. Сказал: «Не достоин дикарь, выросший в лесном логове львицы, дочери моей. Не бывать тому. Сватался к ней Газзан сын Салура, ему отдаю я дочь свою». Арруза отказ расстроил, Басат снова вернулся в лес

и долго не выходил оттуда, потом на свадьбе Газзана состоялось примирение, а когда Газзан был избран беком над беками, опорные и рубежные огузы сошлись за одним пиршественным столом. Я подумал: «Лишь бы Арруз не напомнил хану о несостоявшейся свадьбе. Тогда не миновать неприятностей». Хорошо, что Арруз не выразил Байандур-хану своей обиды за отказ и, кажется, не собирается касаться этой больной для него темы, слава Тенгри.)

Байандур-хан уже в который раз выслушивал историю об Однооком, однако и теперь слушал Арруза внимательно, ни разу ни словом, ни жестом не прервал, терпеливо дождался конца. Ровно в полдень Арруз закончил свой рассказ. Байандур-хан некоторое время молча смотрел в окно, потом обратился к Гылбашу:

— Гылбаш, на сегодня достаточно. Ступайте, все трое отдохните. Вечером жду к себе Арруза, есть у меня к нему еще один вопрос. После того, как ответит, проводите его с дарами достойными, пусть возвращается домой. Славных беков его тоже одарите щедро. Ну, ступайте, славные беки, отдыхайте, ведь вы же утомились, верно? Отдохните, приходите потом.

Сказав, Байандур-хан встал с трона и прошел во внутренние покои. А мы — впереди Гылбаш, следом за ним Арруз, а я последним — вышли во двор и некоторое время молча постояли под вековым вязом. Крики и хохот пирующих беков доносились из деревянной беседки, находящейся на другом конце двора. Мы направились туда, подоспели к самому разгару пиршества.

Опорные и рубежные огузы перемешались между собой. Нукеры и служанки без усталости подносили в деревянную беседку все новые яства и вина. Когда мы все трое подошли к пирующим, увидели, что все внимание славных беков обращено на Шершамсадина.

— Съест, — утверждала часть беков.
— Не съест, — оспаривала другая часть.
— В чем дело, славные беки, о чем спор? — Гылбаш спросил.

Шершамсадин сидел с набитым ртом, только выпученными вращал глазами. Отвечать он не мог. Славный бек ру-

бежных огузов был Тарсузамыш, он и отвечал вместо него, сказал:

— Амман с Газзаном поспорили. Амман утверждает, что Шершамсадин в одиночку не сможет съесть целого барана. Газзан же сказал: если поделят на четыре части — не осилит, а вот если на шесть частей — съест за милую душу. Вот и зажарили на вертеле целого барана, разделили его на шесть частей. Как ты думаешь, съест или не съест?

Гылбаш расхохотался звонко:

— Съест, съест. В молодости Шершамсадин шутя съедал годовалого бычка, что ему какой-то там баран, верно, Горгуд?

Шершамсадин жевал из последних сил, пот градом капил по его багровому лицу, обильно орошая грудь и спину. Он обеими руками запихивал куски мяса в рот, размеренно пережевывал их, а в промежутках успевал хриплым от натуги голосом выкрикивать «повелитель мой Газзан... из любви к тебе... во славу твою... съем этого барана...».

Пиршество продолжалось и закончилось в таком же веселом и добродушном настроении. Мы тоже покушали, встали и вернулись под сень вяза. Тут к нам подошел Газзан вместе со своим сыном Уррузом. Урруз почтительно приветствовал старших и скромно отошел в сторону. Учтивость молодого человека пришлась по нраву славным бекам, и они принялись расхваливать его. Урруз в ответ поклонился всем и попросил разрешения удалиться. Я украдкой наблюдал за ним. Урруз остановился у поварни и стал кого-то ждать. Скоро появилась смазливая служанка, и они долго разговаривали о чем-то, потом, воровато оглядываясь и прячась за поленицами свеженарубленных дров, которые укладывали двое нукеров, они миновали их стороной, обошли поварню и скрылись с глаз. «Вырос мальчишка, благодарение Тенгри», — подумал я.

Газзан спросил Арруза:

— О чем расспрашивал тебя хан, Арруз? Поделись с нами. Арруз отвечал:

— Ни о чем серьезном. Интересовался настроением рубежных огузов. И еще спросил: мол, за какие такие грехи Газзан не пригласил вас на праздник разграбления?

— И что сказал ты?

— Сказал, что не знаю. Сказал: «Газзан поступает так, как ему заблагорассудится, никого слушать не желает». Сказал: «Настраивает опорных огузов против рубежных огузов».

— Так и сказал? — Газзан опешил.

— Именно так! — Арруз явно вызывал Газзана на ссору.

— Погодите, славные беки, погодите, — вмешался Гылбаш. — Не желаете ли вина?

Гылбаш сделал знак двум нукерам, которые, как всегда, стояли чуть поодаль в ожидании приказаний, те подбежали.

— Принесите нам вина, — сказал Гылбаш и уточнил: — Того, что недавно прислали из Трабзона.

Нукеры поклонились и бросились выполнять приказ.

— Виноградный сок, помнишь, Горгуд? — Гылбаш беззаботно рассмеялся. Я тоже не удержался от смеха. Газзан и Арруз поинтересовались причиной смеха, и я сам пересказал им тот случай. Славные беки подивились и похвалили Гылбаша за хитрость. Тут и нукеры подоспели, разлили в чаши алое вино и протянули нам.

— Гылбаш, скажи прямо, в чем истинная цель Байандур-хана? — Арруз Годжа осушил чашу и, утирая с губ сочащиеся, словно кровь, капли вина, спросил Гылбаша, потом, не дождавшись ответа, обратился ко мне, поинтересовался:

— Горгуд, а что это ты там все время писал?

— Хан поручил записывать каждое слово, произнесенное вами.

— Неужели? — Арруз Годжа удивился.

— Именно так, — я отвечал.

— В жизни подобного не видал. А ты видал? — Арруз спросил Газзана.

— Нет, я тоже о таком не слышал, — Газзан отвечал.

Гылбаш огляделся по сторонам, прищурился, а потом сказал:

— Допивайте вино, славные беки, и пойдём. Нельзя заставлять хана ждать.

— Идем же, беки. Настало время. — Арруз встал.

Газзану не оставалось ничего другого, как смотреть нам вслед.

И мы, в прежнем порядке — впереди Гылбаш, следом за ним Арруз и последним я — вошли в тронный зал. Байандур-хан уже восседал на своем месте и приказал нам занять

свои места. Мы прошли в зал и сели, скрестив ноги. Байандур-хан некоторое время молча поглаживал бороду свою, потом, начиная разговор, сказал так:

— Ты говорил, Арруз, я слушал. Есть у меня еще один вопрос к тебе, хочу услышать ответ и на него.

— Приказывай, хан. — Арруз Годжа заволновался.

— Арруз, до совещания у Газзана ты встречался с женщиной по имени Брюхатая Фатима. Что она сказала тебе, что ты сказала ей? Расскажи мне.

Арруз опешил. Потом опустил голову и глухо произнес:

— Байандур-хан. Это личный разговор с женщиной, к делу отношения не имеет.

— Значит, отказываешься рассказывать?

— Отказываюсь.

— А хочешь, я расскажу? — повысил голос Байандур-хан.

— Тебе лучше знать, как поступать, — Арруз произнес это едва слышно.

— Брюхатая явилась к тебе, плакала, стонала: пощади единственное дитя мое, просила: сирота мой сын при живом отце, сказала. «При чем здесь я? — сказал ты. — Твой сын виновен, значит, и наказание неминуемо». Потом Брюхатая бросилась тебе в ноги, завыла, запричитала: «Знай же, Арруз, — сказал она, — ты и есть отец моего сына несчастного, память он о днях нашей молодости. Позади дома моего был овражек — помнишь? Пса моего звали Барагчуг — не забыл? Запомнила только, лаял он на тебя или нет? Всего не упомнишь — на одних лаял, на кого-то не лаял, такой он был, мой Барагчуг...» Ты опешил, Арруз. «Прекрати, замолчи», — сказал ты. «Газзан не пригласил тебя на праздник, с тобой не считается, видеть не желает, на позор выставляет. Газзан сына твоего погубить замыслил. Не позволяй ему, храбрый мой Арруз», — так говорила Брюхатая.

(Слушая Байандур-хана, Арруз Годжа лицом чернел на глазах, тесно становилось ему в мире нашем просторном. Судорожно тербил бороду, глаз не поднимал. Все было именно так, как говорил Байандур-хан. Догадался хан, что Брюхатая поступила с Аррузом точно так же, как и с другими славными беками. Я то знал это, всемогущий Тенгри, помоги, ведь это я научил Брюхатую, я наставил и направил ее. Теперь и хан знал это.)

— Не должен был ты говорить мне слова такие. Брюхатая и к тебе приходила, хан? — Арруз Годжа спросил. — Выдала меня старуха.

— Умерь свой гнев, Арруз. Гневливый всегда не прав, знай. Нельзя так вершить дела Огуза. Кем бы ни оказался шпион, должен был понести заслуженную кару. В назидание Огузу, — Байандур-хан ответил.

Арруз Годжа усмирил гнев свой:

— Все было так, как ты сказал. Что мне оставалось делать? За живое зацепила Брюхатая. Как-никак, а он мой сын. «Тенгри забрал Гыйан Сельджука, взамен дал мне его», — подумал я. Многое пришлось пережить мне, хан. Один мой сын погиб от рук Одноокого, второй, сам знаешь, из леса не выходит, силком приводим домой, все равно в лес смотрит, улучив момент, сбегает обратно в чащу. А тут еще Газзан этот. Имею ли я хоть какое-то отношение к этой истории со шпионом, сам подумай? Кто затеял историю со шпионом? Разве не Бейрек затеял? Где был Бейрек в минуты страшного испытания? Когда мрачный тучей навис над Огузом проклятый чародей Одноокий, когда матери, воя от горя, отдавали детей своих в жертву поганому людоеду, — где был Бейрек, спрашиваю я тебя, хан? Если хочешь, я скажу тебе. Бейрек подстроил свое похищение, прибегнул к помощи беков Байбурда. Не желая воевать с Однооком, предпочел отсидеться в плену. И сейчас никто не спросил его, а откуда, как, от кого тебе стало известно о шпионе?! Хан, справедливость твоя велика. Никогда ты не попираешь честь и достоинство подданных своих. Ведь ты — Ханлар-хан, сын Гамгана, великого шамана. Кто такой этот Бейрек, которого Газзан лелеет на груди своей, словно агнца невинного?! Завидуют они оба — и Газзан, и Бейрек, черной завистью завидуют сыну моему, знай.

Байандур-хан выглядел озабоченным. Долго молча вглядывался в умолкшего Арруза. Наконец, спросил:

— Как ты узнал все это, откуда? Или шпиона удержишь в Байбурде?

— Нет у меня шпиона в Байбурде. Напали мы на караван, который шел из Байбурда к перевалу через гору Газылыг, много пленных взяли, караванчик рассказал мне все.

— Гылбаш, известил ли кто меня о том караване? — Байандур-хан обратился к Гылбашу.

— Не известил, хан.

— Панджек получили?

— Не получили, хан, — Гылбаш отвечал.

— Не получили... — словно бы самому себе сказал Байандур-хан.

(Байандур-хан не стал усугублять положение, ни словом не укорил Арруза. Хотя совершать любой набег без позволения Байандур-хана, да еще не приносить ему панджек после удачной вылазки в Огузе считалось преступлением. Байандур-хан спросил о караване с единственной целью — он хотел сбить спесь с Арруза. А я понял, что хану давно известно было о самовольном набеге на караван.)

Арруз вскочил на ноги, но Гылбаш опередил его. Сузившись от бешенства глазами посмотрел Арруз на Гылбаша, потом на Байандур-хана, с шумом выдохнул воздух, обмяк и, не сказав ни слова, сел на место свое.

Байандур-хан продолжил в прежнем тоне:

— А не расскажешь ли ты нам, Арруз, если, конечно, не запамятовал, как ты пришел просить меня назначить Басата беком над беками. Басат только что одолел Одноокого и ты считал, что именно он должен быть бекларбеком. Я же сказал тебе «нет». А ты во время очередной охоты снова завел разговор об этом и сказал в присутствии славных беков рубежных огузов: добром не захотел Байандур-хан назначить сына моего бекларбеком, придет время — силой возьму... Ты...

Рукопись обрывается. Этот обрыв на самом деле покрывает мраком, причем вечным мраком, нечто очень важное. В вопросе Байандур-хана заключается весь узел проблем, связанных с Аррузом. Действительно ли Арруз угрожал Байандур-хану? А если нет? — теперь мы уже никогда не узнаем правды. Что ни говори, а терпение Байандур-хана достойно восхищения. Только в самом конце рукописи, когда прояснятся тайные намерения Байандур-хана, можно будет в полной мере оценить меру этого терпения. И снова лицо девушки-востоковеда, полное немого укора, возникло перед моими глазами.

—... отправился он на охоту? Во что обошлась Огузу его охота? Все мы были свидетелями. Налетел враг, частым гребнем прочесал родные земли и безнаказанно ушел. Увел с собой в полон женщин и девушек наших, детей и стариков не пощадил враг. Мать его родная оказалась в неволе, жена и сын оказались в неволе. А все потому, что он оставил Огуз без надлежащей защиты. Перед охотой я настаивал, чтобы выставили хотя бы заставы на больших дорогах. Отмахнулся он, мол, не вмешивайся не в свое дело. Говорю: Газзан, путь предстоит трудный и долгий, всякое может случиться, ведь тебе придется пересечь весь Гюрджистан. Кого поставишь над остающейся ордой? Как ты думаешь, мой хан, что он мне ответил?

— Что он ответил тебе, Арруз? — Байандур-хан переспросил.

— Тебя-то не поставлю, — сказал он. — Сына своего Урруза поставлю, а ты не надейся. Газзан несправедлив, мой хан, Газзан не прав. Если бы он поставил меня над войском, не претерпел бы Огуз несчастья. Сын его молод, врага в лицо не видел, один из тех, кто меча в руках не держал. Одним словом, Газзан ни вот что не ставит меня. Газзан сбился с верного пути, Байандур-хан. Много оскорблений досталось мне от него. Чаша моего терпения переполнилась, знай. Газзан забыл, с кем имеет дело, забыл, что я — Арруз!... Ничего, мы еще посчитаемся. Все беки рубежных огузов мою руку держат, знай.

— И Бейрек твою руку держит, так ли? — Байандур-хан с хорошо знакомым мне прищуром посмотрел на Арруза.

— Кто такой Бейрек?! Бейрек не из наших. Бейрек из опорных огузов. Его отец Байбура был...

— Но разве Бейрек не породнился с вами? Разве Байбеджан Мелик не знаменосец рубежных огузов? Разве Банучичек не дочь Байбеджана?

Арруз задумался ненадолго, потом отвечал так:

— Ты прав, Байандур-хан, Бейрека можно причислить к нашим. Но он не на нашей стороне, он на стороне Газзана. Иначе не оскорблял бы нас, не привязывал бы шпиона к имени моему честному, не задирали бы Бекила на охоте...

— Арруз, Арруз... Не должен был ты открывать мне глаза на раздоры в сегодняшнем Огузе. Огуз расколот и раздроб-

лен, а я и не знал. Арруз, Арруз, ведь ты был благородным воином, честным и отважным героем, был ты человеком прямым и мудрым, что стало с тобой?! Обезумел ли ты, свихнулся ли, если связался с молодняком?

Я слушал Байандур-хана и заметил в глазах его глубокую печаль, первый раз в жизни видел я хана нашего столь расстроенным. Арруз замолчал, но перед этим пробормотал себе под нос:

— Все это натворил Газзан. Виноват только он, грешен он, да простит нас всемогущий Тенгри во имя величия своего...

Байандур-хан больше не проронил ни слова, сидел, прикрыв глаза ладонями, молчал. Потом движением руки отпустил нас. Гылбаш, Арруз Годжа и я тоже молча вышли во двор. Арруз Годжа, не попрощавшись с нами, кликнул наива, приказал мрачно:

— Созывай наших, скажи: возвращаемся домой.

Славные беки рубежных огузов оседлали коней. Следуя примеру Арруза, они тоже не проронили ни слова, не попрощались, прищипорили коней, промчались через Главные врата, оставили позади себя Гюнортадж, смешались с туманом, только и видели их. Арруз Годжа обиделся на Байандур-хана, не стал удерживать его хан, не уважил. Всемогущий Тенгри, храни нас от дней черных, аминь.

* * *

Шах еще не приблизился к диванхане, но уже издали крики «...мой пир!.. мой мюршиди-камиль!.. да буду я жертвой твоей!.. да будет жизнь моя подарком тебе!» разносились в воздухе, все сильнее заглушали витающие вокруг головы его пророческие звуки плача Таджлы ханум. Во дворе диванханы он спешил, потрепал коня за холку, передал поводию стремянному нукеру и оглянулся по сторонам. Множество людей оставалось за пределами двора диванханы, конечно же не было возможности пропустить сюда всех желающих.

Везир, безостановочно кланяясь, приблизился к шаху:

— Мой повелитель, прошу тебя, проходи, да буду я жертвой твоей, — сказал он.

Шах поверх головы застывшего в поклоне везира взглянул в сторону развесистого вяза: будто жила какая-то обрвалась в сердце его, когда увидел он человека, одиноко стоявшего под деревом. Шах замер на миг, потом, судорожно вдохнув воздух в ноющую грудь, молча проследовал в диванхану.

Горчу тотчас же перекрыли вход, пропустив вслед за шахом внутрь диванханы одного только везира. Придворные и челядь остались во дворе, но не расходились, ждали возможных повелений мюршиди-камиля.

Шах, заняв свое место на троне, некоторое время задумчиво перебирал изумрудные зерна четок, потом глазами подзвал везира и тихим голосом сказал:

— Увидел я его, под деревом стоял. Приведи его, во имя Шахи-Мардана не будем тянуть с этим... делом.

— Может, нигабом прикроешься, мюршиди-камель?! — так же тихо попросил везир.

— Нет, не надо, так лучше, везир. Зови его, не медли.

Однако, неизвестно по какой причине, тут же передумал, сказал: «Ладно, надену нигаб», вытянул нигаб из-за трона и прикрыл им лицо свое.

Везир, поклонившись, вышел наружу. Стройными рядами замерли горчу в проходах к диванхане. Везир глазами поискал сотника Рахима. Тот, не дожидаясь, пока везир найдет его среди горчу, сам предстал перед ним.

— Сотник, тот человек здесь? — везир произнес это уголками губ.

— Здесь, везир-ага, — сотник ответил.

— Ступай и без лишнего шума приведи его сюда. И держи язык за зубами, ты понял?

— Слушаюсь! — Сотник Рахим стремительно вышел во двор и направился к вязу.

Леле стоял под деревом и тщетно пытался унять бешеный стук сердца своего. Он был уверен, что шах узнал его, однако не подал вида. «Конечно же он увидел меня. Увидел и узнал. Он притворился, будто не узнал. Может, еще и везир что-то сказал ему, иншаллах. Когда он отвел свой взор от лица моего, сердце едва не вырвалось из груди, чуть не разорвалось на куски. Почему он поступил таким образом?! Но, с другой стороны, что ему оставалось делать на виду у

стольких людей?! Глупо было ожидать, что он подзовет и заключит в объятия свои. С меня будет довольно того, что он спросит: мол, почему ты не погиб в Чалдыране, почему ты жив до сих пор? Не жить мне тогда, умру на месте. Лишь бы не спросил этого, лишь бы не спросил он, светоч души моей. Во сто крат лучше будет для меня, если бросит в подземелье к палачам, лишь бы не услышать этого вопроса... Во имя Шахи-Мардана, молю тебя, милостивый и милосердный Аллах, помоги рабу своему...»

Увидев, что сотник Рахим направляется именно к нему, у Леле сердце забилось, будто у птицы в силках. По выражению лица сотника, не успевшего сказать ни слова, Леле понял, что шах требует его к себе.

— Идем, Гусейн-бек, идем, — сказал сотник Рахим, подойдя к Леле вплотную. — Тебя ждут.

Леле спокойно, без единого слова последовал за ним. У дверей диванханы их поджидал везир, который цепким взглядом осмотрел Леле с ног до головы, и только потом, не разжимая губ, шепнул сотнику Рахиму:

— Сам встанешь у двери, никого не впускать, без моего вызова и сам не заходи.

Сотник Рахим сказал «слушаюсь» и поклонился. Везир обратился к Леле:

— Леле, желание ваше удовлетворено будет. Проходите, — сказал он. — Шах наш, оплот веры истинной и опора государства нашего, желает видеть вас, прошу...

Сначала везир, Леле следом за ним прошли внутрь. Сотник Рахим плотно закрыл за ними дверь.

Везир, отвешивая церемонные поклоны, приблизился к трону на подобающее расстояние и мягким голосом произнес:

— Да буду я жертвой твоей, вот он, Гусейн-бек, как я имел честь докладывать светочу души моей, пришел припасть к стопам твоим благословленным.

Шах устремил взгляд свой на небольшой столик, где ровным светом горели свечи в двойном подсвечнике, он пребывал в задумчивости, не проронил ни слова. Наступила тишина. Везир оглянулся на Леле. Гусейн-бек неподвижно застыл у порога. Прошло достаточно много времени, прежде чем везир осмелился снова обратиться к шаху:

— Мюршиди-камиль, Гусейн-бек Леле предстал пред светлые очи твои...

Шах наконец отвел взгляд от того места, куда смотрел, и, глянув в сторону Леле, произнес холодно:

— Подойди поближе, подойди, Леле, — только и сказал он.

Леле, как подрубленный, преклонил колени и пополз к трону.

— Мой пир... мой мюршиди-камиль... да буду я жертвой твоей... мой пир... мой мюршиди-камиль... да буду я жертвой твоей...

С языка Леле слетали только эти слова. Достигнув подножия трона, он распластался у ног шаха своего. Мыслей в голове никаких не оставалось, лишь крутился-вертелся единственный вопрос: почему ты не погиб в Чалдыране, Леле? Почему ты не погиб в Чалдыране? Почему ты?

Шах, бросив взгляд на распростертого Гусейн-бека Леле, приказал ему:

— Встань, встань, Леле.

Леле не подчинился и продолжил биться головой об пол. Тут шах сам соизволил подняться с трона. Подошел к Леле, обеими руками взял за вздрагивающие от судорожных рыданий плечи, поднял его. Шах и Леле встали лицом к лицу. Но голова Леле по-прежнему была опущена вниз.

В голосе шаха слышались ноты стальные, резкие:

— Вот так-то лучше. Ты молодец, что выжил в том страшном бою. Да будем все мы жертвой Шахи-Мардана, слышал он наши молитвы, наверное... Слава Аллаху...

До Леле не сразу дошел смысл сказанного шахом, а когда осознал, содрогнулся всем телом своим. Едва чувств не лишился Леле, близок был к тому, удержался на волоске. Везир, потрясенный не менее, краем глаза созерцал сцену встречи необыкновенной, а на устах его застыла покорная улыбка. Вот как шах встретил Леле. Ясно, Леле возвращается во дворец, Леле снова при власти. Только так ты можешь хоть сколько-нибудь обезопасить себя от возможной мести Леле. Значимо первое слово. Высоко оценив поступок шаха, везир мысленно произнес: «Ахсан-уль-ахсан»*, а вслух повторил последние его слова:

* Ахсан-уль-ахсан (араб.) — букв.: превосходней превосходного.

— Слава Аллаху. Благодарение Создателю...

Леле же стоял ни жив ни мертв. В один мимолетный миг весь мир, вся жизнь его, все муки и лишения, страсти и обретения, войны и мирные дни, ласки и наслаждения, любовь и ненависть накрылись мраком, окутавшим душу его, и лишились всякого смысла. В следующий миг мрак души его прорезали всполохи молний, и в их нестерпимом блеске Леле узрел обнаженную, трепещущую от ужаса тайну. И все стало ясно ему.

А шах еще раз повторил:

— Знал бы ты, как я рад видеть тебя, Леле. Очень, очень хорошо, что не погиб ты, остался живым. Что же стоишь, присаживайся, расскажи нам, где носили тебя ветры судьбы, где пропадал, как добрался до нас. Говори же, не молчи, не томи нас, ради Шахи-Мардана...

Леле наконец-то собрался с мыслями, заговорил голосом хриплым, как бы обращаясь к самому себе:

— Хорошо, что я остался жив?.. Как?..

Потом вдруг вскинул голову, доселе поникшую, которую он ранее не осмеливался поднять, вперил взор в лицо шаха. Едва не прожег глазами нигаб, укрывающий его лик. Потом из груди Леле будто стон вырвался, превратился стон этот в шепот и шепот тот не услышал везир, стоявший рядом.

— Ты... ты не шах. Не шах ты — холоп.

Шах слегка отшатнулся. Прижал дрожащие руки к глазам, одними губами произнес: «Молчи», потом резко обернулся к везиру и голосом сдавленным приказал:

— Везир, выйди отсюда, ступай вон, живо!

— Мой шах... — Везир попытался отвести Шаха от его намерений.

— Нет. Ступай. Во имя Шахи-Мардана, не задерживайся. Приказываю тебе, выйди. Я должен поговорить с Гусейн-беком наедине.

Везир, пятась и кланяясь, вышел вон. И остались они в зале вдвоем — шах и Гусейн-бек Леле.

Шах дышал тяжело и слова выговаривал с трудом:

— Что с тобой, Леле? Мы же приветствуем тебя, что в этом зазорного? Ты расстроен, Леле, мы понимаем. Да сядь же ты, наконец...

Леле с места не двинулся, не шелохнулся даже. Повторил хрипло:

— Ты не шах.

Повторил еще раз, будто убеждая самого себя:

— Конечно же, ты не шах.

— Леле, думаю, тебе не стоит... говорить этого... — шах произнес жалостливо.

Леле всхлипнул:

— Что случилось со светочем души моей, куда подевался повелитель сердца моего? — Леле сдержал слезы, это стоило ему огромных усилий, но сумел взять себя в руки. — Что сделал с шахом ты, жалкий стихоплет? Я узнал тебя. Узнал я тебя.

— Узнал, говоришь? — Шах тоже пришел в себя, голосом посуровел. — Вот и славно, значит, нигаб нам ни к чему.

Сказав это, шах сорвал с лица нигаб и отбросил его прочь:

— Ну как? Без нигаба лучше узнаешь? — сказал он и, приблизив лицо свое к глазам Леле, стал поворачивать голову из стороны в сторону, давая возможность Леле лучше разглядеть его.

— Я узнал тебя и под нигабом. Ты это, конечно, ты и есть, жалкий стихоплет. По голосу одному узнал бы тебя. Меня ты не проведешь.

— Замолчи, довольно. — Шах наконец разгневался. — Знай меру! Не те времена. Сейчас я шах. Одного слова моего... движения пальца достаточно... пойми, одного взгляда моего довольно, чтобы тебя...

Леле вздернул подбородок и расправил плечи. Шах не договорил, сердце не выдержало, встал на колени перед Леле:

— Леле, Леле, валлах и биллах*, клянусь Аллахом всемогущим, святой могилой Шахи-Мардана клянусь, Леле, нет моей вины здесь. Он сам принудил меня...

— Что вы сделали с шахом, ланатулла**?! Говори! — Леле не слушал его, он требовал ответа на свой вопрос.

— Все, что сделано, сделал он сам, Леле... Знаешь...

Леле нетерпеливо прервал его:

---

* Биллах (араб.) — усеченная форма выражения «ба Аллах» — с Аллахом.

** Ланатулла (араб.) — проклятые Аллахом.

— Не болтай языком попусту, холоп. Что случилось с шахом? Жив ли?.. Говори правду, слышишь, мучитель, правду!

Шах выпрямился, не глядя больше на Леле, прошел мимо него, уселся у подножия трона и спросил, обращаясь в пустоту:

— Помнишь ли ты Чалдыран, Леле?

Кровь в жилах Леле едва не застыла:

— Почему спрашиваешь?! Разве можно забыть Чалдыран?!

— Помнишь, что сказал ты мне перед битвой — не забыл? Это ты приказал мне облачиться в боевые доспехи шаха.

— Ну и что?

— Я и облачился. А теперь выслушай меня. Ты сам хотел этого. Так что слушай теперь. Помнишь? Ты вступил в бой. Шах послал тебя на правый фланг. Сам он оставался в шатре, но места себе не находил от волнения. Не выдерживал, сам бросался в гущу боя, утолял жажду битвы, снова возвращался в шатер. А когда в очередной раз ворвался в ряды врага, помнишь, как он надвое рассек великана Малбашоглу?! Меч его, словно нож в масло, вошел в тушу такого богатыря! Ты бился на правом фланге. В углу шатра я проделал отверстие, сквозь него наблюдал за битвой. Это ты строгонастроено приказал мне носа не высовывать наружу, ты потребовал, чтобы я с места не двигался. Когда шах вновь вернулся из боя, увидел я, что кровь сочится из-под его доспехов. Ранен был, светоч души моей. Никому еще не рассказывал я, тебе первому... Вынудил меня говорить, будь добр, слушай теперь, Леле, распахни слух свой...

Бросился я к нему, сказал:

— Мой шах, вижу кровь, иншаллах, получил ты рану легкую.

— Не чувствую, где кровь. — Шах отстранил меня, принялся ощупывать себя, сунул руку под доспехи, вынул ее окровавленной. — Пустяки.

— Надо снять доспехи. Смажем рану снадобьем.

— Нет, нельзя, — сказал он. — После. Кровь вроде бы унялась. Не бойся. Дыхание Шахи-Мардана овеивает меня. Ничего со мной не случится.

Осмелев, я попросил:

— Мой шах, да буду я жертвой твоей, смилуйся, позволь мне, позволь мне стать тенью твоей в бою, окажи мне честь

великую, разреши биться во имя твое. Чем я хуже других, за что мне наказание такое — смотреть на битву из шатра?!

— Нельзя. Не вздумай покинуть шатер. Что за шум? Что, что случилось? — Шах вышел на шум, а я все слышал из шатра.

Конный Горчубаши сообщил шаху:

— Мой шах, повелитель, левый флаг гнется.

— Как?! — Шах был в ярости. — Не медли, отыщи Халил Султан Зулгадара, пусть поспешит на левый фланг.

Снова послышался испуганный голос Горчубаши:

— Мой шах, да буду я жертвой...

— Что, что не тяни. Что случилось?

— Мой шах, Зулгадар предал нас. Сбежал Зулгадар, мой шах.

— Сбежал? Подлый изменник. Отец его был изменником, и сам он изменником оказался. Скачи, найди Устаджлу Абдулла-хана. Пусть он поддержит левый фланг. Срочно. Скачи.

Тут же подоспел другой горчу:

— Мой шах, мой шах, правый фланг!.. Правый фланг дрогнул, мой повелитель...

— Правый фланг... — Шах обернулся к горчубаши. — Ты сам, сам скачи на правый фланг, забирай всю стражу, а я тотчас же догоню вас... — шах приказал горчубаши.

Они вскочили на коней и унеслись. Шах повернулся и вошел в шатер. Некоторое время прохаживался в смятении, обдумывая что-то. Вдруг обернулся ко мне:

— Подойди ближе.

Я подошел и преклонил колени, почувствовал, что сейчас скажет шах нечто очень важное. Он еще раз внимательно и заботливо оглядел меня и произнес такие слова:

— Слушай меня внимательно и запомни все, что я скажу.

— Слушаюсь...

— Не перебивай, слушай, только слушай...

Затаив дыхание, я слушал его. О, Аллах, покровитель миров, сколько грусти было в голосе его, сколько печали неизбывной таилось в его глазах. Не смогу я слово в слово пересказать все, что сказал он, смысл же слов светоча души моей был таков:

— Во время последней атаки раненый конь сбросил меня

наземь. Тотчас вцепились в меня аскеры* безбожников. Ты знаешь Султанали Мирза Афшара, так вот, он с мечом наперевес бросился на них, громко закричал: «Шах — я, шах — я!» — отвлек их на себя, давая мне возможность перевести дух, не будь его... Слушай меня. Если посчастливится ему остаться живым, щедро вознаградишь своего спасителя. Он спас тебя, запомни. Зулгадара же, как ты уже слышал, попади он тебе в руки, накажи со всей суровостью.

Не выдержал я, голова пошла кругом, я не понимал, о чем говорит шах, что за советы дает мне, что значит «он спас тебя», как это «накажи сам Зулгадара»?!

— Светоч души моей, как это... Прости меня, но я ничего не понимаю. Слава Аллаху предвечному, ты жив-здоров, после битвы сам осуществишь задуманное, иншаллах...

Шах вдруг разозлился:

— Не перебивай. Слушай меня, и пусть слова мои запечатлятся в памяти твоей навек. Времени не осталось. Сегодняшняя битва почти завершена. Да-да, это сражение закончено. Отвратил Шахи-Мардан лик свой от меня. Видно, сильно согрешил я перед ним. Так вот... Времени у нас мало, снимай свой халат.

На мне был ветхий халатишко, под ним я носил одежду, полностью повторяющую одеяние шаха. Сбросил я этот халат с плеч.

— Та-а-ак... — Шах еще раз внимательно оглядел меня. — Я, да и только. Ну что, готов вступить в игру? Вижу, вижу, готов. Сегодняшнее сражение идет к концу. Завтра вся страна будет принадлежать тебе. Молчи. Я же сказал, не перебивай меня, холоп. Не перебивай, мой шах. Ведь я отдаю тебе огромное государство. Правда, раненое, но... Дальше забота твоя...

Не сдержался я, как только он перевел дух — снова осмелился прервать его:

— Кого мы обманываем, мой шах?

— Мы никого не обманываем. Внутренняя, скрытая сущность для большинства не имеет никакого значения, все дело во внешней сущности. Запомни это навсегда.

— Я... я боюсь.

---

* Аскер (тюрк.) — воин.

— Не бойся. Не бойся никого. Не успеешь испугаться, когда настанет миг подлинного страха. Жизнь твоя угаснет в урочный день и час, чего тут бояться?

Снаружи опять послышались громкие крики отчаяния. Кто-то из горчу приблизился и прямо у входа сказал:

— Мой шах, поспеши, наши едва держатся, все ждут тебя, выходи, спасай жизнь свою бесценную, бежать пора...

— Иду, иду, ради Аллаха, потерпите немного... — крикнул шах горчу и вновь обратился ко мне: — Вот видишь, не уберег я страну, не смог отвести от нее беду. Должен я исчезнуть. О причине не спрашивай. Скажу только, что голос свыше мне был. «Все здесь тебя возлюбившие души», — провозгласил он. То был голос Шахи-Мардана. «Но отчего ты не помог мне на земле?» — обиженно спросил я. «Глупец, что хорошего увидел ты там? Ведь ты завершил все дела свои. Иди, иди сюда. Здесь ждут тебя. Все здесь тебя возлюбившие души...» Так что не могу я задерживаться. И ты забудь обо мне. С помощью Аллаха исполню задуманное — брошусь сию минуту в самую гущу боя, иншаллах — следа от меня не останется. Взовьется меч, голова с плеч... Не тревожься, тело мое никто не найдет, не опознает.

— Леле, а как же Леле? — Как в последнюю надежду вцепился я в тебя, Леле.

— Никак. Будь уверен. Леле погиб. Исчез Леле, смерть принял славную, место ему в раю, иншаллах.

Леле, который слушал рассказ шаха, то есть Хыззыра, затаив дыхание, тут не выдержал, слезы ручьем потекли из глаз его:

— Нет, светоч души моей, нет, совершеннейший наставник мой, не погиб я, не принял смерть славную подлый Леле, недостойный Леле, ничтожный Леле. О, Аллах, порази меня, убей, избавь от суеты земной, о, Аллах, милосердием твоим заклиная, убей меня...

Хыззыр, не обращая внимания на стенания Леле, продолжал рассказ свой.

— Леле умер, — шах сказал это. — Никто не обнаружит подмены, выходи к людям смело. Не медля, скачи отсюда, уходи в горы, слышишь, твои подданные ждут тебя. Мне больше нечего сказать тебе, ты знаешь все не хуже моего. Ступай...

Шум и крики снаружи усилились. Османские ядра разрывались почти рядом с шатром. Грохот стоял ужасающий. И вот когда адское пламя едва не опалило шатер, шах в последний раз оглядел меня, ободряюще улыбнулся, потом лицо его приняло пугающее, незнакомое выражение, он подошел к задней стенке шатра, отодвинул какую-то дощечку, протиснулся в открывшийся темный проем и навсегда исчез из глаз моих.

В тот же миг в шатер ворвался горчубаши, презрев церемонии, он схватил меня в охапку и вынес вон. С непривычки я едва не ослеп, руками прикрыл глаза, оберегая их от яркого солнечного света. Выждав немного, отнял руки от лица, опустил голову. Кони были оседланы, в нетерпении били копытами. Мы вскочили в седла. В этот миг я забыл все свои страхи и сомнения, почувствовал себя настоящим шахом, я и есть шах, и всегда был шахом, подумал я. Огляделся по сторонам, спросил встревоженного сотника:

— А где Мохаммед Хан Устаджлу? Где Дев Султан Румлу? Трубачей, барабанщиков зови, пусть трубят атаку...

— Мой шах, поздно, сейчас не время для атаки. — Горчубаши умоляюще сложил руки на груди. — Спасаться надо, повелитель, поспешим. Все уже отступили. Мы одни остались. Скоро поздно будет, да буду я жертвою твоей...

Не слушая больше меня, горчубаши сильно хлестнул плеткой моего и своего коня, кони взвились, понеслись, следом за нами поскакали горчу, а было их человек десять-пятнадцать.

Хыззыр утер пот с лица, встал, оглянулся на трон, у подножия которого сидел все это время, — он выглядел совершенно спокойным — и подошел к Леле. Сказал:

— Леле, валлах и биллах, клянусь памятью мюршиди-камиля нашего, правда заключена в том, о чем я только что рассказал тебе. Нет и нет на мне и капли вины, знай. Клянусь именем его святым...

Леле как стоял, замерев, так и остался стоять. Звука не проронил.

— Леле... — Хыззыр вновь осторожно обратился к Леле. — Ты слышишь меня? Вот, говорю я тебе, клянусь светлым именем шаха нашего...

Из груди Леле вырвался протяжной стон:

— Да поразит тебя имя светлое шаха нашего, холоп. Десять лет. Долгих десять лет нет на этом свете того, кого лю-

бил я больше этой презренной жизни, лишь тоска по нему, неудержимое желание снова увидеть его, светоча души моей, помогли мне выжить в неволе. Десять лет ты... Шах, выходит... О, Аллах, почему ты не испепелил меня в пути, когда вез я это ничтожество из села во дворец?! А ведь это я создал тебя. Вот так шах! Поверить не могу, ты действительно шах?! Ведь ты давно должен был умереть... Ты...

Леле не договорил, молниеносным движением выхватил из-за пояса маленький кинжал и всадил его по самую рукоять в сердце Хыззыра.

— Сдохни, подлая тварь. Получай, что заслужил. Говоришь, нет на тебе греха?! Так вот — я твой самый большой грех. — Глаза Леле извергали огонь.

Хыззыр, хоть и закачался, но еще несколько мгновений смог устоять на ногах. Вздохнул и, прижав руку к груди, стал тихонько оседать, последней и неоконченной мыслью его было: «Таджлы ханум была права, надо было мне...»

Потом рухнул на ковер, замер и испустил дух.

Леле некоторое время брезгливо созерцал поверженное тело поэта, потом встряхнулся, внимательно оглядел помещение. Не теряя времени, он уверенно подошел к ковру, который прикрывал правую от трона стену, и одним движением сорвал его с карниза. Поискал глазами одному ему известный крохотный выступ в стене, нажал на него изо всех сил. Стена начала медленно надвигаться на него, Леле отошел в сторону и прислушался — за дверью по-прежнему стояла тишина. Стена наконец замерла и медленно повернулась вокруг своей оси, открывая перед Леле потайной ход. Нащупав ногами ступеньки лестницы, Леле, прежде чем ступить на нее, нащупал на внутренней стороне стены маленький рычажок, сдвинул его и, убедившись, что стена начала обратное движение, юркнул в темный туннель. Стена заняла свое прежнее положение, скрыв все следы Леле, исчез Леле, диванхана опустела, если не считать окровавленный труп несчастного Хыззыра.

* * *

Везир, приоткрыв дверь, сначала с опаской заглянул внутрь, увидел то, что увидел, и резко закрыл дверь. Мгно-

вение спустя везир уже увереннее открыл дверь и ворвался внутрь, припал к телу шаха, лежащего на полу:

— Мой шах, мой шах, кто осмелился поднять руку на тебя... что с тобой, мюршиди-камиль?! — закричал он.

Перевернул труп шаха и увидел в груди его миниатюрный кинжал в крови по самую рукоять. От ужаса глаза его едва не выкатились из орбит, ничего не сказал он, умолк. Начал внимательно оглядывать все четыре стены. Встал, подошел к сброшенному на пол ковру и некоторое время постоял возле него, долго разглядывал голую стену, собирался было прикоснуться к ней, передумал, потом подошел к двери, открыл ее и впустил сотника Рахима в зал.

— Заходи, посмотри, что здесь произошло. Нет больше шаха нашего... — скорбно произнес везир.

Колени сотника Рахима затряслись крупной дрожью, на ватных ногах проследовал он к трону, увидел тело, едва не потерял сознание, забормотал что-то бессмысленное. Опустился на колени перед мертвецом, да так и застыл. Везир бесцельно расхаживал по залу, судорожно перебирал зерна четок, безостановочно повторял «бисмиллахи рахмани-рахим»* и напряженно раздумывал над тем, как ему быть.

— Входил ли сюда кто-нибудь из посторонних? — Везир внезапно остановился перед сотником Рахимом, спросил: — Я же предупредил тебя — никого не впускать! Кто был здесь?!

— Здесь? — Сотник Рахим немного пришел в себя, но отвечал, с трудом ворочая языком. — Я никого не пропускал сюда. Но... Шах-то ведь был не один, ты сам...

— Бисмаллахи-рахмани-рахим... — Везир снова начал метаться по залу, почти выкрикивая слова молитвы.

— Но с шахом рядом... был еще человек... кто-то... Гусейн-бек Леле... Ну, конечно, Гусейн-бек Леле. Он был с шахом. Куда же он исчез? — продолжал сотник и стал озираться по сторонам.

— Что ты мелешь, глупец? Или от страха умом тронулся? Разве есть здесь кто-нибудь, кроме нас с тобой, болван? Дверь — одна, окно — зарешечено... Кто такой, этот... как ты сказал? Гусейн-бек Леле?! Был один такой в свое время, ува-

* Бисмиллахи-рахмани-рахим (араб.) — с именем Аллаха, милостивого и милосердного.

жаемый человек, наперсник шаха нашего как-никак... Ты слышал о Чалдыране! Так вот, тот Леле погиб при Чалдыранском сражении, шахидом стал. Шах во всем доверял покойному. Все уважали его за храбрость. С чего это ты вспомнил Гусейн-бека Леле?! Что-то не нравится мне вид твой...

Сотник окончательно растерялся. Не знал, что и сказать. О чем толкует везир, на что намекает?! Будь что будет, все во власти Аллаха, подумал сотник Рахим, встал с колен и так сказал везиру:

— Валлах, биллах, я ничего не знаю. Не знаю даже, что думать. Клянусь Аллахом, верь мне, везир, я говорю истинную правду. Да, в этом зале что-то происходило, голоса доносились до меня, потом вроде шум какой-то возник, я ничего понять не мог и потому пошел за тобой. Страшные были голоса. Один из них очень похож был на голос отца моего. Кричал он в панике: мой шах, мой шах, правый фланг... Точно, это был голос моего отца. А может... может, все-таки мне почудилось? Отец мой погиб при Чалдыране. Знаменосцем был... Какое дело знаменосцу до правого фланга?..

Везир давно уже не слушал сотника, он весь погрузился в свои размышления. Наконец, обратив внимание на то, что сотник все еще трясется от ужаса, сказал:

— Хватит, успокойся. Ступай прочь, нельзя долго стоять рядом с покойником. погоди, сделаем так: ступай, собери всех во дворе диванханы. Но прежде открой окно.

Окно было крепко заперто и охвачено железной решеткой.

— Ломай, ломай ее во имя Шахи-Мардана!

Со страху сотник Рахим с такой силой рванул решетку, что с первой же попытки вырвал ее с корнем, бросил в сторону и раскрыл ставни. Везир выглянул в окно, приказал сотнику:

— Не мешкай, собери всех перед окном, я сам сообщу им скорбную весть. Ступай же. Нет, погоди, иди сюда.

Везир подвел сотника к мертвецу. Протянул руку к кинжалу и одним движением вырвал его из груди Хыззыра, обтер кровь с лезвия о ковер. «Возьми это, спрячь, чтобы ни одна душа не увидела», — приказал он, передавая кинжал сотнику. Потом начал приводить в порядок тело убиенного.

— Делай свое дело, — он говорил то ли себе, то ли сотнику Рахиму. — Надо, чтобы все узнали, что он умер от болез-

ни. Никому не позволено поднимать руку на шаха, шаха нельзя убить. Невозможно. Болен был неизлечимо, Аллах прибрал его. Никого здесь не было, никто, кроме нас, сюда не заходил. Понял, парень?! Никто... Никогда... А теперь ступай, выполняй, что велено. Собери всех перед окном. Слышишь, всех, пусть все соберутся. Шейхи, мюриды, горчу, дервиши* — словом, все. Не медли, ступай...

Сотник Рахим был словно заморожен, а теперь вдруг оттаял, зарыдал и в слезах выбежал из тронного зала. Везир осуждающе посмотрел ему вслед, Прикрыв, насколько это было возможно, рану на трупе, уложил его в благопристойной позе на ковре. Постоял, еще раз внимательно оглядевшись, прошептал: «Да упокоит Аллах. Бисмиллахи-рахмани-рахим» — и решительно подошел к окну. Со двора уже доносились взволнованные голоса и плач. Придворные и челядь плотным кольцом окружили сотника Рахима. В считанные секунды двор диванханы заполнился людьми. Крики, стенания «...мой пир... мой мюршиди-камиль... да буду я жертвой твоей... вай... что случилось с тобой?..», постепенно усиливаясь, возносились к небесам. Везир некоторое время вслушивался в людские голоса, затем, прошептав «Йа, Аллах!», по пояс высунулся из окна. Поднял руку, шум и крики тотчас же оборвались, только там и сям слышались приглушенные всхлипывания.

Везир заговорил голосом громким и внушительным. Во время его речи порой звуки плача и причитаний взмывали в небо и обрывались.

— Джамаат! Рухнул кров наш... Удел наш — горькие рыдания и скорбь великая, горе, горе нам, несчастным... Объявляю траур! Вся страна да погрузится в траур! Светоч души нашей, совершеннейший наставник, источник помыслов наших и обетов жертвенных, великий государь шах Исмаил ибн Гейдар ибн Джунейд Сефеви сегодня, 27-го числа месяца раджаба 930-го года хиджры**, внезапно и скоропостижно покинув нас и мир этот бренный, под высоким покровитель-

* Шейх — высшее духовное лицо; мюрид — последователь, ученик шейха; дервиш — странствующий адепт того или иного религиозного ордена.

** Хиджра (араб.) — мусульманское летоисчисление, берущее начало со дня переезда — хиджры — пророка Мухаммеда из Мекки в Медину.

ством Шахи-Мардана восшествовали в райские кущи. Деяния его будут жить вечно. Ему же самому пожелаем милости безграничной Аллаха, ибо Он один прощает и дарует вечный покой ...

Везир, закончив речь свою, сам не заметил, как из груди его вырвался горестный стон, как из глаз его потоком пролились на лицо, а оттуда на бороду слезы и как все это завершилось громкими рыданиями.

Двор диванханы взорвался ответным плачем собравшихся. Многие падали на землю, лишившись чувств от невыносимого горя, многие били себя в грудь, выражая криками боли и отчаяния всю глубину охватившей их скорби. Весь город собрался тут. Во дворе же дворца места не было даже для иглы. Люди взбирались друг на друга. Знамена, обвитые черной, зеленой и красной материей, кызылбашские чалмы и шапки взлетали в воздух, волнение, скорбь и печаль людей усиливались с каждым миготом. «Мой пир, куда удалился ты, дорогой шах наш, не оставляй нас в сиротстве, вернись, вернуться, да буду я жертвой твоей, наш мюршиди-камиль...» — кричала толпа.

На этой скорбной ноте обрывается и заканчивается текст, повествующий о шахе Исмаиле. По сути, на этом заканчивается или, во всяком случае, может считаться завершенной и сама данная тема повествования. Никто и никогда не сможет категорически утверждать, что описанные события действительно имели место, а не являются плодом фантазии неизвестного автора. Думается, никто не возьмется утверждать и обратное... Между шахом Исмаилом, погибшим при Чалдыране, и шахом Исмаилом, правящим еще десять лет после Чалдырана, есть существенное различие. А заключается оно в человеческом несходстве между самим шахом Исмаилом и его двойником Хыззыром, только и всего. Лично мне хотелось бы верить в версию или лучше — правду «Неполной Рукописи». По крайней мере, потому, что она живописует события некоего параллельного мира. Но кто может с уверенностью сказать, что и в нашем мире события происходили не так, как они описаны в рукописи?

Стемнело. Я включил свет. По-видимому, в здании института никого, кроме меня, не было. Как ни старался, не

смог заставить себя продолжить чтение рукописи. Долго всматривался я в ее пожелтевшие страницы, потом встал, выключил свет, запер комнату на ключ и покинул здание института.

* * *

Арруз Годжа увел свой отряд, умчался восвояси, и подворье хана вмиг опустело. Гылбаш с Газзаном устроились под вязом. Я подошел к ним, рядом примостился. Газзан сказал:

— Видишь, Гылбаш, Арруз обиделся на Байандур-хана. Свидетельствуй, Горгуд.

— Обиделся, — Гылбаш подтвердил слова Газзана, — но не на хана нашего, на себя обиделся Арруз Годжа, знайте.

— Не на кого ему больше обижаться, точно сказано. — Газзан не мог удержаться от удовольствия позлословить в адрес Арруза. — Гордыня его безмерна, между небом и землей не уместается. Оказывается, все мы в долгу неоплатном перед ним. Однако больно едкий дым от кострища его, этим дело не закончится. Что скажешь, Гылбаш?

— Посмотрим, увидим. Гордец не угоден Тенгри, — Гылбаш ответил Газзану, — значит, и нам не люб.

(Понравилось мне это выражение! Хорошо сказал Гылбаш: «Гордец не угоден Тенгри, значит, и нам не люб». Воистину немногословен, но каждое слово его полно глубокого смысла.)

— Я пойду к хану, узнаю, будут ли еще какие указания, а вы, славные беки, подождите меня здесь. — Гылбаш встал, оставив нас, стремительно удалился.

Мы с Газзаном сели, скрестив ноги, на палас, расстеленный под вязом.

Словно из-под земли появились два нукера.

— Приказывайте, чего желать изволите? — спросили.

— Желудок твой не требует ли пищи, Горгуд? — Газзан обратился ко мне.

— Нет, — я ответил.

— Я тоже не голоден. Не выпить ли нам айрана? — Газзан покосился на меня.

— Выпьем, — я согласился.
Газзан глянул на нукеров, те поклонились и исчезли.
Газзан сказал:
— Шершамсаддин спит мертвым сном, мается, как-никак целого барана одолел. Знаешь, если бы поделили на четыре части, не осилил бы, а когда на шесть частей делят, съедает. Но потом мучается. Годы-то уже не те...
Потом Газзан резко поменял тему разговора:
— Хан, наверное, утомился. Как ты думаешь, захочет ли он вечером продолжить наше... дело? — спросил.
— Не знаю. Все может быть. Я сам устал, сил нет.
Газзан, прищурившись, посмотрел на меня:
— Горгуд, скажи мне, именем Тенгри заклинаю, сильно очернил меня Арруз в глазах Байандур-хана или?.. Наверное, исполосовал тень мою вдоль и поперек, я прав?
— Много чего наговорил. Тень исполосовал от души, — я сказал.
— Чуяло мое сердце, не отстанет он от меня. Для меня нет разницы: меня исполосовал или тень мою. Но ничего, Газзан и не из таких переделок выходил победителем... Как думаешь, Горгуд, а не собрать ли мне у ворот дворца старух и женщин опорных огузов? Чтобы замолвили словечко... обо мне... Байандур-хану. Может, хану нашему понравится...
— Нет, ни в коем случае, хану не понравится. Да ты не терзай себя, не теряй надежды. Все образуется, — я сказал.
— Как думаешь, Горгуд, — Газзан не унимался, — хан поверил Аррузу?
— Ну, как я могу знать, поверил хан Аррузу или не поверил? Кто может проникнуть в мысли сокровенные Байандур-хана?! Для этого, самое малое, надо смотреть ему в глаза, а я, ты сам видел, писал все время. Если что и видел, то только ноги хана. И еще — как иногда он перебирал пальцами.
— Это когда он гневается. Знаю, когда он молча сучит пальцами ног, это означает одно: разгневан сильно, — Газзан задумчиво сказал.
— Может быть. Довольно об этом, во всем уповаем на милость Тенгри всемогущего.
— Аминь!
Нукеры принесли айран. Мы с удовольствием выпили его. Гылбаш появился как всегда внезапно, словно из воздуха

возник. Было по нему видно, что особых дел у него на этот раз к нам нет. Гылбаш сказал:

— Хан повелел вам отдохнуть как следует. Завтра с утра продолжим дело наше.

Мы вздохнули с облегчением и еще долго сидели под вязом, беседуя о том о сем, вспомнили, к слову, и спор славных беков по поводу мощи желудка Шершамсадина.

— Урруз не появлялся? — Гылбаш спросил Газзана.

— Был здесь. По нраву пришелся ему конь, тобой выбранный. Спасибо деду моему хану, сказал, долгих-долгих лет жизни ему желаю.

Вечер пролетел, ночь наступила. Месяц незаметно для нас занял свое место в светящемся круге прямо над верхушкой вяза. Звезд не было видно, темный небосвод отсвечивал синим мерцанием.

— Горгуд, а где твой гопуз*, неужели без него явился? — Газзан спросил меня.

— Без него, мой бек, без него. Нынче не самое лучшее время для музыки, сам знаешь.

— Так-то оно так, но все же... А впрочем, я так, к слову спросил... Что скажете, — Газзан осмотрелся, — коли музыки нет и слова исчерпаны, не пойти ли нам, славные беки, на боковую? Не знаю как вы, а я устал больно.

— Правда твоя, — я сказал, — поздно уже. Пора спать, славные беки.

— Вы отдохайте. — Гылбаш взглянул в сторону толпящихся у поварни слуг и невольников, — у меня дел невпроворот.

Поднявшись, мы пожелали друг другу «будь здоров» и «до свидания», разошлись каждый в свою комнату. Возлег я на постель, начал засыпать, но вскоре сон мой, словно зверь-подранок, начал убегать от меня. Иногда мне удавалось настичь его, но чаще он вырывался и убегал далеко вперед. Отчаявшись заснуть, я сдался и стал размышлять на темы тревожные. «Хан выслушал всех, узнал все, что ему необходимо было знать, никого больше не осталось. Значит, завтра все за-

---

* Гопуз (тюрк.) — двухструнный смычковый инструмент, высоко натянутые струны при нажатии на них не достают до грифа и издают звук свистящего оттенка.

кончится. Завтра, завтра услышим мы решение хана. Уповаю на милость Тенгри. Храни нас, Тенгри — всемилостивейший вседержитель, да защитит он Огуз. Аминь». С этими мыслями вошел я в полумрак сна и не успел толком выспаться: пение петухов возвестило о начале нового дня. Солнце уже взошло. Быстренько поднялся с постели, оделся и стал ждать Гылбаша, ибо знал, что первым ко мне явится именно он.

Так и случилось, пришел Гылбаш, мы вышли с ним во двор и прошли под вяз. Сегодня с самого утра туман, спустившись с горных вершин, укутал Гюнортадж белесым покрывалом. Прохладный воздух горы Газылыг овевал ханское подворье. Газзан не попадался мне на глаза, а спросить Гылбаша о нем я не решился. Нукеры торопливо расстелили скатерть, и мы на скорую руку позавтракали. Гылбаш сказал «пора» и мы, поднявшись, двинулись во дворец.

Байандур-хан встал спозаранку, видно было, что он давно уже в тронном зале и ждет нашего прихода. Мы почтительно приветствовали его, хан отвечал приветливо, затем мы заняли свои привычные места. Я разложил письменные принадлежности и изготавился писать, Байандур-хан посмотрел на мои приготовления:

— Горгуд, сын мой, устал ты, наверное, писать все эти дни. Отложи в сторону перо и бумаги, поговорим не для записи.

Я насторожился, но, не уловив в голосе Байандур-хана признаков гнева и укора, успокоился. Сердце мое билось ровно. Отложив в сторону перо и бумагу, я весь обратился в слух. На этот раз Байандур-хан сначала обратился к Гылбашу, сказал:

— Ты, Гылбаш, займись своими делами, оставь нас одних. Мне надо поговорить с Горгудом с глазу на глаз. Предупреди Газзана, пусть готов будет: закончу с Горгудом, очередь за ним. И узнай, как там Шершамсадин, жив, негодный сын негодника, или преставился?

При упоминании Шершамсадина губы Байандур-хана дрогнули, он конечно же был осведомлен о вчерашнем состязании.

— Горгуд, сын мой, садись ко мне ближе, — сказал Байандур-хан после того, как вышел Гылбаш.

Я повиновался. Байандур-хан долго разглядывал меня, потом спросил:

— Что скажешь, Горгуд, сын мой, остался ли кто-нибудь, от кого сможем услышать мы сведения верные об этом... шпионе? Да или нет? Отвечай.

— Никого не осталось, мой хан. Все причастные к этому делу выслушаны, — я отвечал, опустив голову и голосом тихим.

— Нет, Горгуд, ответ твой неверен. Один человек остался.

— Кто он, великолепный Байандур-хан? — я спросил и, услышав ответ Байандур-хана, обмер, ибо сказал он:

— Ты. Один ты остался, Горгуд, сын мой, ведь верно?

Я молчал, глаз поднять не решался, сердце мое разрывалось в груди, холодный пот градом катил по спине и скоро я промок до нитки.

Однако в голосе Байандур-хана по-прежнему не слышалось гнева. Он неожиданно хлопнул в ладони и зычно расхохотался:

— Ну, как ловко обвела вокруг мизинца своего Брюхатая баба этих негодников! — проговорил он после того, как власть отсмеялся.

Я покраснел до самых корней волос, готов был сквозь землю провалиться, лишь бы подозрения Байандур-хана, словно сегодняшней утренний туман, быстро нависли и так же быстро развеялись.

— Горгуд, сын мой, вот и настал твой черед. Поговорим по душам. Что скажешь? — Хан с трудом справился со смехом и теперь смотрел на меня сквозь прищур острых глаз своих.

— Да, великолепный хан, — не тратя времени попусту, я принял предложение хана, — правда твоя, настал мой черед. Я готов рассказать все, что интересует хана моего. Знай и будь в том уверен.

— Горгуд, это ты наставил и направил Брюхатую? — Байандур-хан спросил меня.

— Да, великолепный хан, я наставил ее, — ответил я.

— И почему же ты сделал это, объясни. Или и у тебя была связь с Брюхатой?

— Была, и я в свое время, свернув с пути прямого, окольными тропами пробирался в дом ее. Пожалел я бедняжку, да простит грех мой Тенгри в небесах, а ты на земле, иншаллах.

— Та-а-ак... Ответ твой по нраву мне. Рассказал все, как было, не сбился с пути истинного, — довольным голосом сказал Байандур-хан, внимательно разглядывая меня.

Помолчав немного, Байандур-хан задал новый вопрос:

— Ты очень помог мне в расследовании, знаешь ли это? Поделись со мной мыслями своими о деле нашем. Как, по твоему, зачем я затеял следствие?

Я на время задумался. Байандур-хан не торопил меня с ответом, ждал терпеливо. Глубоко вздохнув, я отвечал так:

— Великолепный хан мой намеревался выявить сообщника шпиона, чтобы в назидание всему Огузу сурово наказать его.

— Ой ли? — Байандур-хан смотрел на меня с многозначительной улыбкой на устах своих. — Так ли ты думаешь?

— Да, мой хан, так я думаю.

— Горгуд, сын мой, — Байандур-хан сказал, — я знал это задолго до следствия, разве ты не почувствовал?

(Я конечно же оказался прав в своих догадках. Хан проводил не расследование вовсе, испытывал он нас. Истинная же цель его известна только ему одному.)

— Ты был прав, Горгуд. Все было известно мне заранее. — В который уже раз Байандур-хан прочел мои мысли. — Истинная цель моя никакого отношения к шпиону не имеет, знай. Истинной целью моей, признаюсь тебе одному, было и есть выявить того негодного сына негодника, который изнутри рушит Огуз. На этот вопрос искал я ответ, Горгуд, сын мой. И я нашел его, знай и будь уверен.

Я дышать боялся. Боялся нарушить глубокое безмолвие, поглотившее нас.

— Как ты думаешь, кто этот негодный сын негодника? — Байандур-хан спросил.

(Снова он испытывает меня. Мы оба знаем... А что если ответить именно так: «Мы оба знаем...» Нет. Нельзя. Назвать Арруза? Опять не то. Кого же... кого назвать?! «Никого, — услышал я в крови своей совет Свет-камня, — не называй имен. Хан все уже решил. Он не ждет от тебя от-

вета. Он говорит сам с собой. Не вмешивайся». Свет-камень наставил меня, и я промолчал, не ответил на вопрос хана.)

— Посуди сам, Горгуд, сын мой. Кого ни спрошу, всяк на Арруза указывает. Не по нраву мне Арруз. Знаешь ли, почему не люб он мне? Причин тому много. Однако ты был свидетелем: Арруз оказался единственным, кто отказался обсуждать свои отношения с Брюхатой.

— Именно так и было, мой хан, — я сказал.

— Да, именно так и было. А как тебе Газзан? — Байандур-хан спросил и умолк, ожидая от меня ответа.

Я опешил:

— Газзан? Газзан оплот и надежда опорных огузов, Байандур-хан.

— Да, это так, но он же и есть тот самый зверь, который изнутри грызет тело всего Огуза. Ты поражен? Вижу, поражен. Так слушай же меня внимательно. Все объясню тебе. Никому другому. Тебе, и только тебе одному. Знаю, придет время и пригодятся тебе слова мои. Горгуд, сын мой, подумай: есть ли смысл забирать с собой всю орду, отправляясь на охоту? Даже если так, почему не поставить дядю своего во главе оставшихся? Перед охотой Арруз задал Газзану правильный вопрос: в далекий и долгий путь отправляешься, кого оставляешь вместо себя? Что сделал Газзан? Оскорбил Арруза тем, что поставил во главе оставшихся сына своего, мальчишку, у которого молоко еще не обсохло на губах. Настроил Арруза тем против себя. Так или нет? Арруз желает стать вторым после Газзана. Не позволяет Газзан: не бывать тому, говорит, я не хочу считаться с тобой. Итог? Враг частым гребнем прочесал земли наши, большая война пришла следом. С этим все. Далее. Вызывает к себе Бекила с пограничья: мол, желаю уважить тебя охотой славной да пиром раздольным. Чем закончилась славная та охота? Что сделал Газзан на этот раз? Заставил Бекила горько раскаться, что принял приглашение его. Коня возвысил над всадником. Жестоко обидел Бекила. Так все было? Именно так. И что потом? Бекил вынужден был, несолоно хлебавши, воротиться домой и надумал отворотиться от Огуза, едва не отпал от нас, не дали, на охоту отправили, а он возьми да и сломай ногу на радость врагу, которого он один мог сдержать. Итог?

Опять война! Все это дело рук Газзана, Горгуд, Газзана... Уяснил себе?!

Мало того, этот негодный сын негодника в нарушение всех обычаев не приглашает на праздник разграбления рубежных огузов. Причина? Если знаешь, просвети меня. Я же не знаю, что и думать. Ведь нет никакой веской причины. Так пожелал бекларбек! Да возможно ли подобное? Возможно? — спрашиваю тебя. Горгуд, тебя спрашиваю! Невозможно, Горгуд, сын мой, невозможно. Никак невозможно.

Байандур-хан замолк, дыхание его было тяжелым, он с трудом переводил дух. Цвет лица стал багрово-красным. Хан отвернулся к окну, созерцание цветника во дворе успокаивало его. Некоторое время вслушивался он в умиротворяющую тишину, потом продолжил речь:

— Я уж не говорю о других геройствах Газзана. Мать в плену, благоверная в плену, сын в плену... Этот негодный сын негодника молит вернуть ему одну лишь мать, отказывается от жены своей и сына. Военная хитрость, видишь ли... Детей малых не проведешь такой хитростью. И это военная уловка бекларбека, каково?! Но давал ли я, хан, тебе позволение отправиться на охоту, оставив Огуз без защиты? Давал ли я ему такое позволение? Тебя спрашиваю, Горгуд. Молчишь. Не давал я ему позволения, да он и не спрашивал, знай и будь уверен.

А тут еще Бейрека пригрел, шагу без него ступить не может. Что связывает их так крепко — не знаю. И без твоего рассказа о нем видел я, что он за птица. Свою игру затеял с Бурла Хатун. Встречалась ли тебе когда-нибудь умная женщина, Горгуд? Вот и мне не встречалась. Как телка годовалая при виде бычка слюной исходит, так Бурла Хатун млела при одном упоминании имени Басата. Теперь вознамерилась отомстить за него Аррузу. Хотя совершенно непонятно, в чем вина Арруза, ведь это я отказал ему в сватовстве. Не важно. Выбрала она Арруза себе во враги — и дело с концом. Ни Газзан этого не понимает, ни Бейрек. Где им, да и всем нам понять женщину, если действует она не по уму, а движимая чем-то, неизвестным нам. Это Газзан с Бейреком считают, будто они умнее всех. А Бейрек? Дома у него благоверная, словно бутон розы. Хороша собой дочь Байбеджана. Так с какой стати, бросив благоверную дома, шастаешь ты по пи-

рушкам-ручеюшкам? Этот негодный сын негодника, глядишь, не остановится даже перед тем, чтобы совратить и нашу неразумную. И без олуха Шершамсадина знал я об этом. Наша задача — обезопасить Огуз. Арруз угрожает Огузу. Бейрек угрожает дому моему, знай. Огуз, который создал я в трудах и борениях, дом мой, который возвысил я по праву происхождения своего, заслуживают того, чтобы и опорные огузы, и рубежные огузы, весь Огуз — от мала до велика! — почитали их, как самую большую святыню. Уважение к дому своему — главное условие выживания в наши трудные времена. Как можно ожидать уважения со стороны других, если сам ты не уважаешь себя и дом свой?! Ведь это трабзонский Мелик со слов Байбурда пересказал мне историю Бейрека. Никакого подземелья, никакого плена и лишений в помине не было. Сказки это для малых детей. Гостил он в Байбурде, причем был желанным гостем, почетным. Совратил этот негодный сын негодника дочь Байбурда, девственницей была, всей душой и телом отдалась бедняжка Бейреку, сватам отказывает, все твердит: Бейрек — мой суженый, он возьмет меня в жены, слово дал мне верное. Отец ее и мать в могилу сошли, не дождавшись зятя обещанного, а этот негодник явился в Байбурд как раз тогда, когда нужен был он в Огузе, противостоящем Одноокому... Не сегодня так завтра обрушится на голову Огуза беда великая и непоправимая, знай. Что делать нам? Пора что-то предпринимать. Рубежные огузы уже оскалились. Арруз обиду так не оставит, к войне междоусобной готовится Арруз. К тому же и Газылыг Годжа темнить начал в последнее время. После освобождения из Дузмурда зачастил к Аррузу, это всем известно. А вот о чем говорят, к чему готовятся, никто, и я в том числе, не знает. Газылыг Годжа из рубежных огузов, одного рода-племени с Аррузом. В свое время, дабы уважить рубежных огузов, сделал я его везиром. А сейчас он служит Аррузу...

(Слава Тенгри всемогущему, не коснулся Байандур-хан вопроса о том, кто посоветовал Аррузу надоумить Бейрека отправиться в Байбурд и обставить это как похищение. Невзлюбил Арруз Бейрека сразу, не желал его участия в битвах с Однооком. Такие вот дела...)

— Такие вот дела, Горгуд. А ты заладил «шпион, шпион», кого он интересуется, этот несчастный шпион?! Все дело в нас самих. Все дело в Газзана, Горгуд, сын мой.

Высказался Байандур-хан, вздохнул глубоко и замолк надолго. Я не смел нарушить молчание, опустил голову и задумался. Вот и прояснилась истинная цель хана нашего. Кто чем дышит в Огузе? Где она, смертельная рана Огуза? Почему связь между стоявшими на пороге усобицы племенами всего Огуза стала тоньше волоса? Кто виновен в этом? Не в обычае Байандур-хана все бросаться словами. В виновники определен Газзан. Ах, Газзан, Газзан... Ничего уж тут не поделаешь... Бессилен я. Вся надежда на милосердие хана, о, Свет-камень...

— Горгуд, сын мой, слушай меня внимательно. Газзан — мой зять, не могу я поступать с ним сообразно проступку его. Что скажешь?

— Правда твоя, хан мой. Если накажешь Газзана, Огуз окончательно расколется. Война начнется и не закончится...

— Верно. И что же нам делать? — Байандур-хан спросил. — Нам необходимо, чтобы война завершилась, не начавшись, и забылась тут же. Нам нужен другой виновник.

— Есть виновник, хан, — я сказал.

Байандур-хан глянул на меня с прищуром.

— Да, великолепный хан. Если виновным окажется Арруз, дело будет сделано?

— Горгуд, если есть виновный, наказание неизбежно. Но что можем мы вменить Аррузу? Что ему ни предъявишь, все оспорит. А потом соберет вокруг себя рубежных огузов и настроит всех глупыми своими речами против нас. Опять война. Должен Арруз совершить грех непростительный. Он же его еще не совершил...

— А если совершит? — я спросил.

— А что он может... совершить? — Глаза Байандур-хана засверкали. — Меч против меня обнажит?

— Мой хан, если Арруз без позволения и суда праведного убьет кого-нибудь... бека какого-нибудь, будет ли он наказан?

— Будет! — Байандур-хан отвечал не задумываясь. — Если убьет без суда или повеления, наказан будет сурово.

— Мой хан, если Арруз будет наказан и весь Огуз отвернется от него, будет ли предотвращена война между опорными и рубежными огузами?

— Будет! — Байандур-хан и на этот вопрос отвечал решительно.

— В таком случае, надо, чтобы Арруз совершил этот грех.

Байандур-хан молча ждал продолжения моих слов. Я продолжил:

— Да, великолепный хан, нужна жертва. Обреченный должен явиться к Аррузу с предложением помирить его с Газзаном.

— И что потом? — Байандур-хан всерьез заинтересовался.

— Потом, мой хан, Арруз совершит грех, убьет... его. После этого весь Огуз осудит и накажет Арруза. На этом все и закончится.

— Ты уверен? — Байандур-хан понизил голос. — Кто же будет жертвой, уже решил?

Я, не раздумывая и не колеблясь, очень тихо, почти беззвучно произнес имя будущей жертвы.

Байандур-хан внимательно, очень внимательно смотрел на меня. В бездонной глубине его глаз я разглядел имя будущей жертвы и понял, что хан давно, очень давно, задолго до истории со шпионом определил для себя это имя. «Хан все подстроил, заранее все рассчитал и осуществил с точностью, ты должен был лишь произнести имя жертвы», — мысль, облаченная в слова, проникла мне в голову и запечатлелась в душе моей. Откуда явилась она? Конечно же это Свет-камень внушил мне эти мысли-слова, откуда еще могли просочиться, больше неоткуда...

— Все в мире нашем преходяще, Горгуд. Мы входим в него, но он же и убивает нас. Насельный мир, смертный мир... Все предначертано судьбой, всех забирает она и в землю прячет, тайна в тайну заключена и тайной укрыта... Ты сможешь сам завершить дело это? — Байандур-хан спросил прямо и ждал прямого ответа.

— Стар наш мир, Байандур-хан, — я отвечал, как подсказывал мне Свет-камень. — Можно ли сохранить тайну в этом мире, не знаю, не уверен, мой хан. Во что превратился я, единственный хранитель тайн всего Огуза?! То, что задумали мы, должно стать тайной всех тайных тайн. Я похороню

ее в сердце своем, но за мир наш дряхлый не ручаюсь. Ведь мир — он как человек: сегодня есть, завтра уж нет его. Кому передаст тайну мир наш перед тем, как исчезнуть навсегда?

— Одной твоей тайной стало больше, — Байандур-хан сказал. — А мир, о котором ты печешься, вовсе не стар, Горгуд, сын мой. Молод, очень молод мир наш...

— Правда твоя, хан мой. Но... осмелюсь возразить, мне кажется, мир наш испробовал уже все, что можно и нельзя испробовать. Вон, уже и самострелы огненного боя выдумали, дальше выдумывать нечего...

— Молод наш мир, Горгуд, безнадежно молод. Конец жизни человека отмеряет смерть. У мира нашего нет конца, сын мой, значит, неведома ему смерть. Знаешь... знаешь, кто открыл мне это? Не знаешь. Слушай... Отец мой! Отец мой поведал мне эту тайну. Не забывай!.. Отец мой, великий шаман, прищулив глаза свои, смотрел он, всматривался долго-долго в одном лишь ему видимые дали, и, знаешь ли, что говорил он мне? Расскажу, все расскажу я. Слушай меня, тебе пригодится... Говорил он, отец мой великий шаман, вот что...

...вот уж который день оставшиеся в живых после землетрясения люди со стоном великим собирали тела погибших, складывали их рядами, а потом, собравшись с силами, отвозили смердящие трупы на кладбище Сабзикар, что издревле привольно расстилалось на северной окраине Гянджи, и скоро не осталось свободного места, шагу нельзя было ступить, чтобы не наткнуться на свежую могилу... а над кладбищенским небом тучами несметными закружили стаи птиц, больших и малых, опять вызывая страх в сердцах людей; страх этот унял чудом выживший в землетрясении звездочет, давно уже потерявший доверие горожан, а ныне возгласивший уверенно: «Это невинные души погибших ищут покоя, полетают еще немного, полетают, устанут и покинут нас...»

ПОСЛЕСЛОВИЕ, ИЛИ ПЕЧАТЬ ПОЛНОЙ НЕЗАВЕРШЕННОСТИ

По договоренности с девушкой-востоковедом я должен был вернуть «Неполную Рукопись» за номером А-27/733 либо непосредственно ей, либо сдать в отдел временного хранения рукописей, расположенный на первом этаже справа от входа. Не знаю почему, но мне вдруг захотелось еще раз увидеться с этой девушкой. В последний раз аккуратно укладывая рукопись в коробку, я подумал о ней и невольно вздрогнул от мысли, словно бы щелкнувшей у меня в мозгу: «Я больше никогда не увижу ее. Искать ее бессмысленно, хоть в розыск объявляй — для меня она исчезла, улетучилась, пропала...»

Я надел пальто, прихватил тетради с текстом рукописи, которые она оставила для меня, взял под мышку коробку с рукописью, свободной рукой открыл дверь, сделал шаг и едва не столкнулся с девушкой-востоковедом. Передав ей коробку, я почувствовал нечто среднее между облегчением и покоем. Выслушав слова благодарности, перемешанные с витиеватыми изъявлениями моего к ней уважения, девушка-востоковед, абсолютно не меняясь в лице, крепче прижала к себе коробку, но уходить не уходила. Мне ужасно хотелось, чтобы она о чем-нибудь спросила меня, я хотел поделиться с ней всем продуманным и прочувствованным над рукописью, а она молчала. Уходить не собиралась, говорить не желала, стояла и будто ждала, когда я наконец уйду.

Оценив нелепость ситуации, мы молча двинулись к выходу, она направлялась, скорее всего, в отдел временного

хранения рукописей, а я уходил отсюда совсем. Мысленно я вновь обратился к последнему разговору Байандур-хана с Горгудом, на котором обрывалась «Неполная Рукопись». Престарелый Байандур-хан! Молодой Горгуд! И между ними целый мир! Молодой мир старого хана и старый мир молодого Горгуда. Как там сказал Горгуд: «Самострелы огненного боя выдумали, дальше выдумывать нечего...» Меня вдруг осенило, что они разговаривали каждый с представителем своего мира; в мире Байандур-хана был свой Горгуд, а в мире Горгуда существовал совсем другой Байандур-хан. Они не существовали друг для друга в едином для них пространстве... Интересно, а есть ли свой мир у этой девушки, постукивающей каблучками впереди меня, но при этом отслеживающей каждое мое движение, словно я каким-то образом угрожаю коробке с рукописью, а значит, и ей самой, худенькой и невзрачной?! Кем являюсь я в ее мире? Почему я увидел именно ее силуэт в бессмысленных закорючках и почему выражение ее лица, когда мы столкнулись в дверях, живо напомнило мне тот самый силуэт? Она намеренно избегает разговора. Допускаю, что выражение лица девушки-востоковеда олицетворяло общее выражение лиц всех сотрудников института, желающих, чтобы я как можно скорее убрался отсюда. В этом случае ни о каком разговоре с ней и речи быть не могло.

Предстояло додумать самому, есть ли какая-нибудь, пусть тщательно скрытая, связь, хоть какое-то соответствие между текстами о шахе Исмаиле и Горгуде? А что если есть? А если нет? Может, спросить у нее? Нет, не стоит, тогда они окончательно решат, что я собираюсь писать, не дай бог, диссертацию или что-то вроде исследования. Уверен, и сейчас из всех углов и щелей за нами наблюдают тысячи пар видимых и невидимых глаз. Что это за дверь такая, тень от нее, словно... Мы уже спускались по широкой лестнице, девушка впереди, я — за ней следом.

Вот и пришел конец моему трехдневному добровольному заточению в этом здании, через пару минут все останется в прошлом. Я начал настраиваться если не на торжественное, то хотя бы на нормальное вежливое прощание с пожеланиями всех благ, однако, вы только представьте себе, она, не оглядываясь, не повернув головы, словно меня вовсе не существовало, сошла со ступеней и скользнула в тот самый отдел

временного хранения рукописей. Хлопнула дверь... Как будто и не было этой странной девушки на моем пути... Исчезла, растворилась...

Я вышел на улицу. И мне показалось на миг, что вместе с ней растворились и две толстые тетради, которые она мне подарила. Я судорожно похлопал по карману пальто — тетради были на месте, и я вздохнул облегченно. Судя по всему, наступал конец и всем моим сомнениям. Что ж, наверное, все должно закончиться так, как оно заканчивается, и не иначе. Кажется, незавершенность уже наложила свою печать на все, что касалось «Неполной Рукописи». Ну конечно... Обдумывая дальнейшие планы, я шел по вечернему городу, дорога до дома предстояла длинной, и вдруг я вспомнил, как девушка-востоковед сказала мне вполголоса, что...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Лев Аннинский</i> . Магия слов: полнота неполного	5
ПРЕДИСЛОВИЕ, ИЛИ ПОЛНОТА НЕПОЛНОГО	10
ЕЩЕ ОДНО ПРЕДИСЛОВИЕ, ИЛИ, ЗНАЧИМЫ ЛИ ДЛЯ БОГА МИРСКИЕ РАЗЛИЧИЯ	23
И, НАКОНЕЦ, ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДИСЛОВИЕ, ИЛИ ПРАВА ТЕХ, КТО СПОСОБЕН СКАЗАТЬ «НЕ ЗНАЮ»	27
ПОСЛЕСЛОВИЕ, ИЛИ ПЕЧАТЬ ПОЛНОЙ НЕЗАВЕРШЕННОСТИ	253

Камал Абдулла

НЕПОЛНАЯ РУКОПИСЬ

Роман

Редактор *В. Астраханцева*
Художественный редактор *С. Муратов*
Компьютерная верстка *В. Тушева*
Корректор *Г. Евдокимова*

Лицензия ЛР № 071949 от 23.07.99 г.
Издательский дом «Хроникер»
123007, Москва, Хорошевское ш., д. 62
Тел./факс (095) 941-40-23

Подписано в печать 07.02.06. Формат 60x84¹/₁₆.
Печать офсетная. Гарнитура Петербург. Бумага офсетная.
Печ. л. 16. Тираж 2000 экз. Заказ №

Отпечатано

